

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПРИШЕЛ Я НЕПРОШЕНЫМ

Максимилиан
Волошин:
непонятый
поэт

ЧЕМУ УЧИТЬ?

НАЧАЛО ОЧЕРЕДНОГО УЧЕБНОГО ГОДА ВСЕГДА ЗАСТАВЛЯЕТ вновь и вновь задавать вопросы: кого мы учим, как мы учим и зачем мы учим? Качество образования на всех уровнях давно вызывает обеспокоенность общества. И чаще всего считается, что главная причина тому – мало денег. А если их выделить на образование больше, то сразу все наладится: школы начнут сплошь и рядом выпускать юных Ломоносовых, те отправятся в вузы, где, овладев самыми передовыми знаниями, умениями и навыками, будут готовы двинуть к новым светлым рубежам нашу науку и технологии.

Если бы все было так просто! Хотя денег действительно мало. Есть такой уровень «бедности», с которого никак не выпрыгнуть в будущее, только дыры затыкать. Но мы разве точно знаем, заглянув «под партой» в Книгу будущего, какие именно компетенции будут востребованы через десять, двадцать, тридцать лет? Со времен советской школы мы привыкли, что она (в широком смысле – включая и высшее образование) дает некий набор знаний по определенным предметам, список которых в основе своей не менялся уже целую вечность и овладев которыми человек считается «образованным». И, стало быть, готовым к современной жизни. Однако теперь выясняется, что при общении людей разных поколений понятия «базовых знаний» все меньше стыкуются. Старшие воскликнают: «Как же так, молодежь не знает элементарных вещей, они дремучи, чему их вообще учили в школе?!» Подчас такие эмоции совершенно оправданы, но все равно наводят на сомнение: а может быть, некоторые казавшиеся прежним поколениям обязательными знания перестали быть таковыми? Сейчас, скажем, в американских школах не учат детей писать по прописям от руки, не учат выполнять арифметические действия «в столбик». Зачем? Мол, все равно будут писать и считать на компьютере. А если компьютера, калькулятора да и вообще никаких

так называемых гаджетов под рукой не будет? Так или иначе, это еще один пример «разрыва шаблона» применительно к нашим представлениям о «базовом» образовании. Наверное, само оно – всего лишь «поворот» для того, чтобы привить новым поколениям способность и желание учиться постоянно, в течение всей жизни. Менять профессии, осваивать – аж до старости лет – новые компетенции, позволяя себе, да, забыть о старых, выбросив их из головы, как накопившийся мусор. Но чтобы, если понадобится – ну, вдруг, – побежать на «свалку памяти», откопать, отряхнуть и снова пустить в дело. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 «Альбатрос» и русский вопрос

ИНТЕРВЬЮ

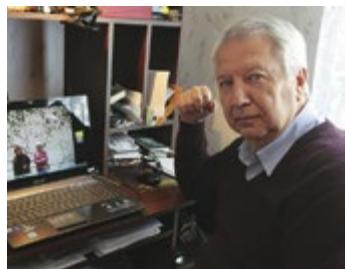
10 Медь,
что паче
злата

16 Полвека
русского
рока

20 Россия
читающая

26 Триста лет
вместе

ИСТОРИЯ

34 Крепость

40 Самый
старый
Новый год

44 У истоков
сибирского
любовного мифа

НАСЛЕДИЕ

52 Дитя, мудрец
и шарлатан

58 Сын казачий

РЕПОРТАЖ

66 Лепота по-замоскворецки

МУЗЕИ

76 Загадка Хмелиты

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

84 И один
в поле
воин

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 Эх, деревня... Не деревня – село!

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Виктор ГАВРИКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Дмитрий УРУШЕВ
Ирина ШЕВЧЕНКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 7 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

Первый
русскоязычный
норвежский
десант успешно
прошел
испытание
«Зарницей»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«АЛЬБАТРОС» И РУССКИЙ ВОПРОС

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

КОГДА-ТО В ЛАТВИИ, НА ПОБЕРЕЖЬЕ РИЖСКОГО ЗАЛИВА, БЫЛО МНОЖЕСТВО ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЕЙ, В КОТОРЫХ ЛЕТОМ ОТДЫХАЛИ ГОРОДСКИЕ ДЕТИ. СЕГОДНЯ НА МЕСТЕ ДЕТСКИХ ЖИЛЫХ КОРПУСОВ ВОЗВЕЛИ ШИКАРНЫЕ ЧАСТНЫЕ ОСОБНИКИ И АПАРТАМЕНТЫ, ОГОРОЖЕННЫЕ КРЕПКИМИ ЗАБОРАМИ. НО ОДИН ЛАГЕРЬ ДЛЯ РЕБЯТНИ ВСЕ ЖЕ КАКИМ-ТО ЧУДОМ УЦЕЛЕЛ. ЕДИНСТВЕННЫЙ В ЕВРОПЕ, ГДЕ ЖИВУТ И ГОВОРЯТ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. И ЭТО – «АЛЬБАТРОС».

В ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА ЕГО называли «северным Артеком». Лагерь был основан в 1974 году объединением «Радиотехника», известным за пределами Латвии своими радиоприемниками и проигрывателями. Ежегодно в лагере принимали около 3 тысяч детей из разных республик. Давно ставшие папами и мамами бывшие альбатросовцы до сих пор с улыбкой вспоминают свое пионерское детство. Современный «Альбатрос», конечно, отличается от своего прародителя:

красивые жилые корпуса, комнаты на три-четыре человека со всеми удобствами, 25-метровый бассейн с тремя дорожками – не сравнить со старыми постройками советского образца. Но руководство лагеря не скрывает своего прошлого, а даже, наоборот, с гордостью признает, что здесь все организовано «на советских дрожжах» – взяли все лучшее. И хотя «Альбатрос» сейчас именуется международным детским оздоровительным комплексом, детей сюда привозят по старой памяти – в лагерь, причем не только из

Латвии. До недавних пор «Альбатрос», расположенный у моря в сосновом лесу в 30 километрах от Юрмалы, был излюбленным местом отдыха многих российских детей, приезжавших сюда в рамках взаимного сотрудничества между нашими странами. По 400–500 детей из разных городов России собиралось в «Альбатросе», приезжали целыми командами – с вожатыми и со своей программой, а уезжали посвежевшие, загорелые и довольные. В прошлом году из-за политической ситуации ребят из России было гораздо меньше. В нынешнем – только несколько россиян, да и те приехали за свой счет с родителями. Зато впервые появились в «Альбатросе» русскоязычные дети из Норвегии.

Полчаса по дороге от Юрмалы в сторону Тукумса, и нас встречает гордая бело-синяя стела, похожая на крыло чайки. Ошибиться невозможно – здравствуй, «Альбатрос»! ...С территории детского комплекса раздаются оглушительные крики, громкие вопли, свист. По парку носятся мальчишки и девчонки с боевой раскраской на лицах. Некоторые залегли в кустах, видимо, для наблюдения за передвижениями противника. Это – игра «Зарница», «красные» против «зеленых»! Знаем, проходили: сейчас

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

будут друг у друга погоны срывать, а там и до кулачного боя недалеко... Не угадала! В стране нынешних «альбатросов» совсем другая «Зарница», без драк. В курс дела нас вводит главнокомандующий, он же – художественный руководитель лагеря Станислав Хирный: «Наша игра называется «Новая Зарница», лет двадцать назад ее придумали здесь, в «Альбатросе», теперь и россияне тоже по нашим правилам играют – понравилось. Погоны у нас не срывают, поэтому слез не бывает». Кратко суть: каждый игрок получает паспорт, где указано его воинское звание – пехотинец, сержант, лейтенант и т.д. При поимке противника тот, у кого звание выше, может дотронуться до плеча (ранить) и взять в плен игрока из другой команды. Раненый обязан отдать ему свой паспорт. Еще есть спецназ, они могут брать в плен всех, даже генералов; агент 007 – разведчик; медсестра (она может спасти игрока из плена), но главный – это знаменосец. Если его поймают, игра окончена. Поэтому знаменосца все оберегают пуще всего. Какие навыки вырабатываются в игре? Самое главное – командный дух и дисциплина. Были случаи, когда во время атаки пехотинец, вместо того чтобы пожертвовать собой ради знаменосца, сам убегал, и игра на этом завершалась. И надо было видеть его виноватое лицо, ведь из-за него проиграла вся армия... А правило, оно же старое как мир: сам погибай, но товарища выручай!

Пока нас с фотографом просвещали вожатые на предмет «Новой Зарницы», скамья для военнопленных

пополнилась. Лейтенанты, сержанты, капитаны, даже оба генерала – «красный» и «зеленый», Ивета из России и Арина из Латвии. Обе, кстати, уже не в первый раз приезжают в «Альбатрос», о «Зарнице» весь год мечтали, и вот так все быстро и бесславно кончилось – генералы в плену...

Рядом грустят пленные рижане – лейтенант, капитан, сержант. А вот и пехота: мальчик из Норвегии Саша Тризна. При допросе «с пристрастием» Саша выложил все без утайки. В Осло он живет уже шесть лет, переехал туда с родителями из Эстонии. Пошел в обычную норвежскую школу. До этого немного освоил норвежский язык, в основном по мультикам. «В школе както все само собой пошло, – уверяет наш собеседник. – Проблем с языком у меня не возникло, вот родителям было сложнее, им норвежский долго не давался. В этом году я пойду в седьмой класс. В Осло много русских семей живет, мыходим друг к другу в гости – не скучаем. А по субботам меня привозят в

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Художественный руководитель лагеря Станислав Хирный – один из старейших ветеранов «Альбатроса»

русскую школу, чтобы родной язык не забывал, так мама сказала. А как забудешь? Я книги читаю, фильмы смотрю, да и дома мы говорим-то по-русски! У многих антенн телевизионные стоят, смотрим все русские телеканалы. Отмечаем свои праздники – Пасху, Рождество». В русский лагерь ему тоже мама посоветовала съездить, в Норвегии таких нет. Саша уверяет, что ему здесь все понравилось. В «Зарнице» в первый раз играл, был в пехоте, правда, что это такое, не совсем понял. Но теперь мечтает попасть в спецназ.

Из Норвегии в «Альбатрос» в этом году приехал десант из 20 человек – дети и взрослые. Все они имеют прямое отношение к Центру русского языка и культуры в Осло. В норвежской столице он появился в 2003 году благодаря энтузиазму и подвижничеству... бывшего мурманского прокурора Татьяны Рейерсен. Сама она родом из Петербурга, после ЛГУ более двадцати лет проработала в холодном Мурманске. Вышла там замуж за норвежца и уехала с ним в Осло. Татьяна арендовала в центре Осло, рядом с парламентом, помещение и открыла Русский центр. Народ пошел! Оказалось, в стране викингов собралось не так уж мало наших соотечественников, не желающих, чтобы их дети забывали родной язык. Основанный ею Центр русского языка стал первой профессиональной русской школой дополнительного образования в Норвегии. Здесь занимается более 250 учеников в год, с ними работают 25 опытных педагогов с высшим образованием.

– Вы в одиночку уже двенадцать лет тянете такой сложнейший проект? Кто-то же вам помогает? – поинтересовалась я у Татьяны.

– Мы дружим с российским посольством и фондом «Русский мир», знают о нас и в организациях российских соотечественников. Но наша основная опора – это родители учеников, только с их поддержкой я могу оплачивать аренду и прочие коммунальные расходы, а также платить зарплату учителям. Но если у нас число учеников убывает, платить будет нечем. На мою квартиру наложат арест и ее прорадут в счет долгов. Сейчас с этим

Директор Центра русского языка и культуры в Осло Татьяна Рейерсен (слева) и ее коллега Наталья Цирпоне

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

нигде не церемонятся! – призналась директор норвежского Русского центра. – Детей к нам привозят не с первого класса – а с года! Мы с ними занимаемся по методике Ирины и Сергея Железновых, используя их программу «Музыка с мамой». Для двухлеток в прошлом году мы открыли группу «Развиваючка» – это комплекс музыкальных развивающих занятий на русском языке. А с 3 лет развивающие занятия проводятся в дошкольном отделении, где дети занимаются по программе, написанной уже нашим методистом Натальей Цирпоне.

– А российские программы по дошкольному обучению вам не подошли?

– Мы хорошо знаем всех авторов и даже приглашаем их к себе на семинары. Но дело в том, что все они живут в России, они замечательные теоретики, но то, что они нам предлагают, без учета особенностей каждой зарубежной страны, нам не подходит. Тем не менее на их базе мы разработали для русскоговорящих дошкольников Норвегии специальную учебную программу, сейчас наши методисты создают такую же, адаптированную к местным условиям программу для школьников с первого по девятый класс. Да, подростки 14–16 лет тоже приходят к нам на занятия и нас не покидают. Почему? Потому что здесь еще в их раннем возрасте мы сумели привить им любовь к русскому языку, литературе, истории. Их это очень заинтересовало.

– Как я поняла, ваши ученики в основном из русскоязычных семей. Они учатся всю неделю в обычной норвежской школе. Зачем роди-

тели по субботам везут их еще и в русскую школу? Дома с детьми они же говорят по-русски, значит, язык не утратится?

– Наш центр предназначен в том числе и для детей из смешанных семей. У нас есть двуязычные: папа – норвежец, мама – русская, и даже трехязычные детки: папа – немец или француз, мама – русская, а живут в Норвегии. Они хотят, чтобы дети не забывали русский язык. Кое-кто занимается дома, но мы считаем, что языковые занятия необходимо проводить именно в школе, в группе ребят примерно одного уровня и возраста. И мы не одни. Об этом также регулярно говорят и пишут десятки педагогов из Европейской ассоциации русских школ, к которой принадлежит и наша школа. Ребятам необходима среда для общения на этом языке

Дочь Даниила Шанцева Майя хоть и родилась в Норвегии, считает себя русской

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

со своими сверстниками. Тогда их речь будет полноценно развиваться. Кроме того, русский язык отражает исторический опыт, культуру и жизнь большой группы стран, огромной части нашего мира. Даже самый лучший репетитор не сможет обеспечить передачу этого опыта. К нам детей водят в том числе и для того, чтобы они не утратили свою национальную идентичность.

– А как сами дети относятся к необходимости еще и по субботамходить в школу?

– Могу судить по своей внучке, ей 10 лет. Так вот, она всегда «больная», когда надо идти в норвежскую школу, и всегда «абсолютно здорова» – в субботу. В русскую школу готова идти даже с температурой и кашлем. А ведь помимо субботних школьных занятий дети ходят в студии, которые мы тоже создали на базе нашего центра. Нет, не для того, чтобы сделать из них танцов или художников! Просто каждая студия – это новая ситуация, новая терминология, новые слова на русском, которые ребенок быстрее усваивает в процессе творчества. Таким образом мы расширяем словарный запас наших детей, ведь в Норвегии нет прессы на русском языке, не продают русские книги ни для взрослых, ни для детей. У нас в школе богатая библиотека, много методической литературы – все это я привожу из Петербурга. Поползть наше помогает чем может. Помещение иногда выделяет для наших мероприятий, например на 9 Мая. Мы тоже вместе с ребятами сами организовываем и отмечаем День Победы.

– Как местные власти относятся к вашей деятельности?

– Никак. Политическая ситуация на нас, к счастью, пока никак не отразилась. Мы не зависим ни от муниципальных чиновников, ни от их департаментов. За помощью обращаться тоже совершенно бессмысленно.

– Почему? Разве норвежские власти не заинтересованы в интеграции детей русских иммигрантов?

– Нет. Они заинтересованы в их ассимиляции. Поэтому их волнует только то, что касается Норвегии, – норвежский язык и культура. Русский вопрос, как и второй родной язык, их не интересует, и денег

на русские проекты они никогда не дадут. Глобально и профессионально русским просвещением в этой стране занимается наш центр, за что меня даже в Москве наградили за вклад в сохранение русского языка и культуры в Норвегии!

...Пока «красные» побеждали «зеленых», я успела познакомиться и с методистом из Осло – улыбчивой Натальей Цирпоне, и с условно норвежскими родителями, приехавшими в «Альбатрос» для сопровождения детей. Наталья оказалась выходцем из Латвии, откуда вместе с мужем и дочкой пять лет назад выехала в Норвегию. Педагог по образованию почти с двадцатилетним стажем, она уже несколько лет работает в Центре русского языка. По ее словам, в Норвегии иное отношение к образованию на русском языке, нежели в Латвии. Нет никакого давления со стороны местных властей. Она считает, что в детском лагере, где все говорят по-русски, приехавшие сюда норвежские «первые ласточки» получили незабываемый опыт погружения в языковую среду своих сверстников. «Наши дети узнали здесь, что такое компот, который они раньше сроду не пили. Гречневую кашу большинство наших ребят тоже до этого в глаза не видели. А здесь попробовали, говорят: «Вкусно как!» Манную кашу, кстати, тоже мало кто пробовал. Они узнали, что такое полдник, отряд, корпус, кто такие вожатые, чем линейка в лагере отличается от школьной линейки. И что зарядка – это совсем не для того, чтобы на айпаде батарею подзарядить... «Зарница» – это, ко-

нечно, тоже было здорово и незабываемо! Думаю, мы не только обогатили словарный запас у наших ребят, но еще и углубились в русскую культуру, лучше узнали быт своих русскоговорящих сверстников из Латвии и России», – заверила Наталья.

Ее рассказ дополнил Даниил Шанцев, гражданин России, уже десять лет живущий в Норвегии. В «Альбатрос» он привез 10-летнюю дочку Майю. В русскоязычной среде она оказалась впервые. Поначалу стеснялась, но как только на лагерном конкурсе красоты заняла призовое место, моментально преобразилась. «Лагерь – это уникальный опыт. В Норвегии нет ничего подобного. Наша дочь знает два языка и две культуры, – говорит Даниил. – Думаю, этим она выгодно отличается от своих норвежских сверстников. Но сама считает себя русской». У Лейлы Йенсен дочка Сара тоже считает себя русской – это язык ее семьи. Сама Лейла родом из Баку, в Норвегии живет пять лет с мужем – норвежцем. Был период, как она говорит, когда при подружках-норвежках Сара стеснялась с мамой говорить по-русски. Но сейчас она этим даже гордится, а подруги ей завидуют. Говорят, как тебе повезло – такой сложный русский язык, а ты на нем говоришь с детства! Как тут не гордиться?..

Пока мы беседовали, «Зарница» закончилась. У штаба перед главнокомандующим выстроилась вся разноцветная босоногая команда в ожидании приговора. И вот по громкоговорителю объявляют победу «красных»... Что тут началось!

Каждый отряд в «Альбатросе» делает свою стенгазету

С громкими воплями подпрыгивали все – и сдержанные норвежцы, и спокойные латвийцы, и шумные россияне. И вожатые, и воспитатели вместе с детьми кричали радостно «урал!» и в воздух тоже шапочки бросали!

На прощание мы заглянули в корпуса, где норвежский десант готовился к вечерней дискотеке. В комнатах порядок, чистота. Расспрашивала у подружек из Осло – Сары, Наташи и Алисы, – что им больше всего понравилось в лагере. И совершенно неожиданно слышу: «Утренняя зарядка!» Оказалось, в «Альбатросе» зарядку проводят с шутками и веселыми песнями. Девчонки меня заверили, что и у себя дома они теперь будут по утрам петь заводную русскую песенку про «солнышко лучистое», под которую так классно делать гимнастику.

А это несколько фрагментов из заметок в стенных газетах «Альбатроса»: «На пятый день мы готовили три номера для шоу талантов «Минута славы». Труднее всего было готовить третий номер, но в результате именно за него мы получили второе место! Ура-ура! Мы в «Альбатросе»! Завтра будет шестой день и будет много интересного».

«Тимур Шараев: мне понравилась зарядка, дискотека, «Зарница». Я научился лазать по канату и разжигать костер».

«Григорий Смагарс: я теперь умею лазать по деревьям, и еще меня научили не бояться публики».

«Лиза: мне все очень понравилось в лагере. Особенно вожатые. Еще я научилась плавать, но хотелось бы побольше».

«Лена: мне понравилось, что мы ходили в бассейн, стреляли из лука и арбалета, дрались на мечах и одевали броню. Были веселые дискотеки и зарядка».

«Анжей: мне понравились спортивные игры, дискотеки, мастер-класс по хип-хопу. Вожатые у нас очень хорошие».

«Яна: вечером мы представляли страну. Нам досталась Африка. Танцевали интересный танец – «Чунга-чанга». Заняли 2-е место. Мы – молодцы!»

«Давид: в лагере у меня появилось много русских друзей. Я и сам стал лучше понимать по-русски».

МЕДЬ, ЧТО ПАЧЕ ЗЛАТА

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ЧЕРЕЗ РУКИ ЭКСПЕРТОВ ПО КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТИЯМ ПРОХОДИТ НЕМАЛО УНИКАЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ, ОТКРЫВАЮЩИХ НОВЫЕ ГРАНИ НАШЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ. БОЛЬШИНСТВО ЭТИХ АРТЕФАКТОВ ОКАЗЫВАЕТСЯ В ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ, И ШИРОКАЯ ПУБЛИКА, ВОЗМОЖНО, НИКОГДА ИХ НЕ УВИДИТ. О ЧЕМ МОГУТ ПОВЕДАТЬ СЛУЧАЙНО НАЙДЕННЫЕ ПРОСТЫЕ МЕДНЫЕ ПРЕДМЕТЫ, ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ЭКСПЕРТ ПО КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТИЯМ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РФ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ НЕЛЮБОВ.

ТРИ ГОДА НАЗАД ЭКСПЕРТАМ ПРИнесли железный предмет каплевидной формы длиной 25 сантиметров и весом более килограмма. Это был массивный знак с двуглавым орлом, отлитый из медного сплава и приклепанный к кованой железной пластине. Нашли его жители Калужской области, когда сносили свой старый сарай.

– Железный знак ввел в замешательство музейщиков и моих коллег-экспертов, которым он был показан до меня, – рассказывает Сергей Иванович. – Но никто в ходе исследования ничего определенно сказать не мог. Никаких сопутствующих предметов, с помощью которых можно было бы определить время бытования знака или его назначение, найдено не было. Высказывались предположения, что такой знак мог вешаться на стену или ворота, а возможно, был крышкой некоего чугунного сосуда... Однако внимательно исследовав изображение знака, я был немало удивлен. Герб в виде двуглавого орла, занимающий центральную часть композиции, имел зеркальный вид: в левой лапе орла – скипетр, в правой – держава. Тогда как по строгим канонам должно быть наоборот: в правой лапе – скипетр, а в левой – держава. В верхней части над гербом изображен херувим в виде детского лика, обрамленного крыльями. Под гербом – изображе-

ФОТО АВТОРА

Знак шута-архиерея «Всешутейшего, Всепьянейшего и Сумасброднейшего Собора»

ПРЕДОСТАВЛЕНО С.И. НЕЛЮБОВЫМ

ние играющих на дудочках и пляшущих скоморохов с козлиными копытами вместо ног. И под всем этим – личина беса или дьявола.

По своей иконографии двуглавый орел похож на российский герб петровского времени, который ставили на государственных монетах и печатях с конца XVII до середины XVIII века. Двуглавый орел являлся основным геральдическим элементом, изображать что-то рядом с ним было в то время недопустимо. Тем более в гербовую композицию ставить скоморохов с головой демона. Напрашивался один вывод – этот знак мог быть изготовлен только с личного разрешения императора.

Я обращался к ведущим экспертом и искусствоведам Музеев Кремля. Все разводили руками: аналогов такому знаку нет. Я потратил уйму времени на изучение специальной литературы и консультации. На разгадку навела тяжелая кованая пластина предмета, явно сделанная для придания нарочитой важности и значимости этого знака. А тонкий обломок верхней части предмета, по-видимому, когда-то был ушком, за которое знак подвешивался. Вспомнился чугунный орден «За пьянство» весом более 4 килограммов в экспозиции Государственно-го Исторического музея. Петр I специально заказал орден таким большим и тяжелым, чтобы не только наказать «награжденного», но и привлечь внимание окружающих. По аналогии можно было предположить, что загадочный предмет – тоже один из знаков отличия малоизвестных петровских забав. Покопавшись в архивах, я пришел к выводу: странный знак – это смехотворная панагия, которую надевал на шею шут-архиерей во время «Всешутейших, Всепьянейших и Сумасброднейших Соборов».

– В романе Пушкина «Арап Петра Великого» эта затея Петра представлена в виде увеселительно-го карнавального действия.

– «Собор» представлял собой не просто увеселение, там высмеивали церковные обряды, пародировали государственную символику России и стран Европы. «Собор» проводился каждый год в течение почти тридцати лет – с начала 1690-х годов. Петр I собственноручно писал инструкции, наставления и уставы для «Собора». Первейшей заповедью было «напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвым». В шутовстве принимали участие до 200 человек, включая представителей известнейших русских фамилий. Порой консервативную знать насилино заставляли участвовать в этих оргиях. Согласно описаниям исследователей, происходило там нечто совершенно ужасное. На «Соборе» избирали «князей», «патриарха», «митрополитов», «rizничих», «диаконис», «монахинь», давали им похабнейшие клички. Для заседаний изготавливали специальный реквизит. Всем «чинам» полагались соответствующие облачения и знаки различия. Так, «архиереи» носили на шее фляги с вином, а на «mitre» «папы» было изображение бога винodelия Бахуса. «Соборян» обслуживали «грозных заик 12 человек, папиных поддьяков плешиевых 12 человек, весны 24 человека». Имеется свидетельство, что «диакониссы» и прочие женщины играли свои роли без всяких знаков различия и одежд – «в чем мать родила».

– Сложно представить, что это могло быть на самом деле, да еще в публичных местах...

– «Собор» состоял из уличных гуляний и «закрытых заседаний», резиденцией для которых служило земляное укрепление Пресбург под Москвой, близ села Преображенское. О «Соборе» сохранилось достаточное количество письменных источников, а вот материальных предметов почти нет. В фондах Музеев Московского Кремля хранятся погребец и липовый ковш «Всешутейшего Собора». Погребец, или ларец, – для пяти штофов крепкого вина и курительных трубок – сделан в виде большого богослужебного Евангелия, в центре которого вместо Христа изображен младенец Бахус, восседающий на бочке с вином.

– Получается, найденный в Калужской области знак является очень редким предметом, имеющим высокую историческую ценность, но есть ли ему место в музее или его нужно обратно закопать под сараем?

– Строго говоря, мои выводы о загадочном знаке являются только гипотезой, потому как сравнительный материал и аналоги отсутствуют. Конечно, «Всешутейший Собор» – неприглядная сторона российского прошлого. Но чтобы извлечь уроки и трезво смотреть на мир, нужно знать историю не только наших взлетов, но и падений. «Знак шута» был продан с аукциона за 3500 долларов и находится в частной коллекции. А погребец из фондов Кремля крайне сложно увидеть даже специалисту с удостоверением эксперта Министерства культуры...

ЛЕВ И ЕДИНОРОГ

О большой медной пуговице с изображением льва и единорога Сергей Иванович написал самую объемную экспертизу – на 14 страницах. Пуговица пролила свет на интересную сторону нашей истории.

– Вполне возможно, пуговица бытowała еще в первой половине XVII века, – считает Сергей Иванович. – Изображение стоящих на задних лапах и вступающих в единоборство льва и единорога имеет древние корни в мировой культуре. В европейской традиции источник этого символа прежде всего слова 21-го псалма: «Спаси меня от пасти льва и от рогов единорогов». На Руси образ нашел отражение в «Голубиной книге» – сборнике восточнославянских духовных песнопений конца XV – начала XVI века: «Когда выдет он [единорог] из сырой земли, а ищет он сопротивника, а тово ли люта льва-зверя; сошлись оне со львом во чистом поле, начали оне, звери, дратися: охота им царями быть, над всемя зверями взять большину...»

Восстающие лев и единорог помещались на русских знаменах XVI века. Например, на знамени, бывшем с Ермаком Тимофеевичем при покорении Сибири в 1581–1582 годах. С начала XVII века парная эмблема льва и единорога используется на посуде, предметах вооружения, чернильницах, на железных оковках деревянных сундучков, в украшениях дверей, изразцах, белокаменной резьбе и другом архитектурном декоре. Во времена первых Романовых изображение льва и единорога часто употреблялось в качестве государственной символики, а иногда заменяло собой другой государственный символ – двуглавого орла.

– Какое значение придавалось символу льва и единорога?

– Среди исследователей нет единого мнения о семантике эмблемы. Часто ее интерпретируют как солярно-лунарный дуализм, где лев выступает как солярный, а единорог как лунарный символ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО С.И. НЕЛЮБОВЫМ

Оттиск печати
Московского
печатного
двора

Изображение
льва
и единорога
на среднике
переплета
Жития Сергия
Радонежского
1646 года

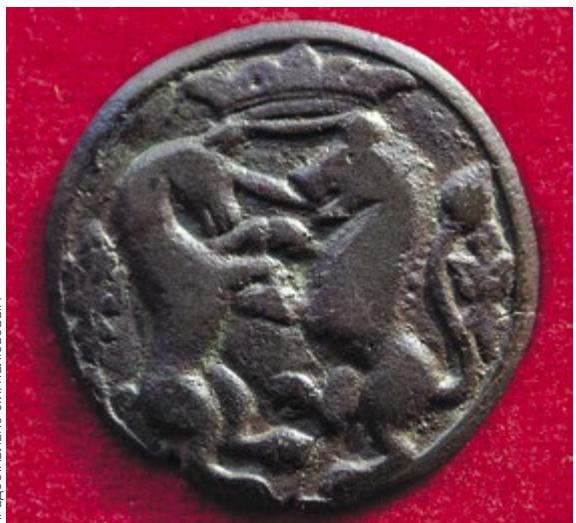
ПРЕДОСТАВЛЕНО С.И. НЕЛЮБОВЫМ

Такое понимание соотносится с солярной символикой орла, персонифицирующейся с образами Христа, Бога-Отца и Троицы, а также с царем, и лунарной символикой, воплощенной в образе Богородицы, а позднее и в образе наследника престола. Такие интерпретации встречаются в допетровских текстах, в частности в сочинении Симеона Полоцкого «Орел Российский», датированном 1661 годом.

Самое важное, что вариант символа, изображенного на пуговице, почти полностью совпадает с эмблемой Московского печатного двора.

Книгопечатание возникает в Московском государстве в середине XVI века и связано с деятельностью типографии, о которой мы не располагаем никакими источниками, кроме самих книг, в ней изданных. В историографии эта типография называется «Анонимной», а книги, в ней напечатанные, – «анонимными изданиями». В 1563 году в Москве начала работать вторая типография – Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца, которая затем меняла своих хозяев, но просуществовала почти шестьдесят лет. Затем на месте старой типографии на Никольской улице отстроили каменные палаты, куда и переехало книгопечатное дело. С того времени появилось самоназвание – Печатный двор.

На оттисках печатей Московского печатного двора изображены восстающие лев и единорог, над ними – трехлепестковая корона, слева и справа – трилистники. Последние в те времена называли кринами – древнерусский декоративный мотив орнамента в виде лилии. Лев и единорог под короной воспроизводились на переплетах печатных книг, бордюрах басмах, книжных застежках. Только в одном эмблеме на пуговице отличается от печатей раннего Печатного двора – изображения единорога и льва зеркально противоположны.

Пуговица
с символом
Московского
печатного
двора –
возможно,
первая
мундирная
пуговица
в России

ПРЕДОСТАВЛЕНО С.И. НЕЛЮБОВЫМ

ФОТО АВТОРА

– Возможно, это тоже особый знак, как в случае с шутовским предметом?

– Уверен, что нет. Известно, что в XVII веке при изготовлении матриц для оттисков порой допускались «ошибки», в результате чего на печатях получались зеркальные изображения. Такие «ошибки» встречаются и на гравюрах, например на фронтисписе первого московского издания Библии, 1663 года.

Подобные пуговицы выполняли роль своеобразного должностного знака и служили наглядным выражением принадлежности ее владельца к государственной службе. Однако считается, что в России мундиры пуговицы ввел Петр I. Случайно найденная пуговица раннего Печатного двора – уникальный предмет, доказывающий, что еще в допетровские времена в государственных учреждениях использовались геральдические должностные знаки. Возможно, это одна из первых мундириных пуговиц в России.

Сергей
Иванович
любит работать
в Музее книги
Российской
государственной
библиотеки

Миниатюра
из Жития
Антония
Сийского
1648 года

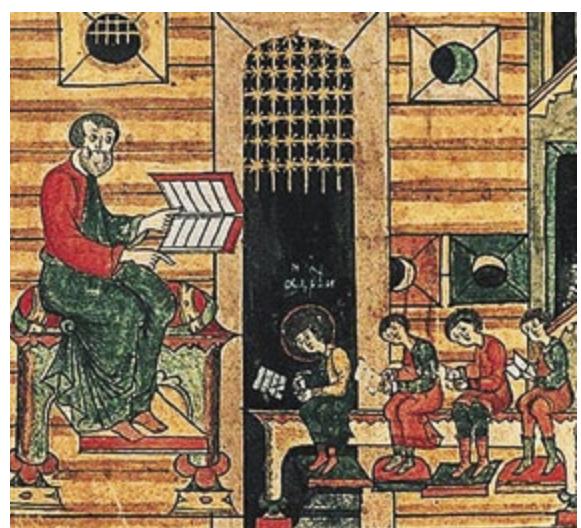
УКАЗКА-ЗАКЛАДКА

В 2013 году на экспертизу принесли случайную находку из Брянской области – небольшой плоский медный предмет с надписью «укаска».

– Первоначально указка имела серебряное покрытие, – объясняет Сергей Иванович, – с течением времени оно стерлось, оставив только характерные остатки на меди. Я уверен, что предмету более трехсот лет. Плоская указка с обеих сторон покрыта рисунками и надписями, сделанными в древней технике пунцирования. На рукояти указки изображено Распятие Иисуса Христа с черепом Адама у основания. Среди продольных надписей уверенно читаются только: «сія укаска... логвін» и «зенове амосов». Возможно, указано буквенное написание года от Сотворения мира «7?29», что соответствует «1?21» году от Рождества Христова. В слове «укаска» допущена явная ошибка. Производные от глагола «указывать», зафиксированные еще в древнерусских памятниках книжности, писались через «з». Написание «укаска» свидетельствует о малограмотности писца – предмет, скорее всего, бытовал в крестьянской или посадской среде. Сам термин «указка» впервые встречается в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. В этом словаре написано: «Указка – заостренный тычок, стрелка, коею учащийся читать указывает буквы, чтобы не сбиться».

– Получается, некто Зеновий Амосов учился читать с помощью этого предмета?

– Возможно, хозяином указки был Логвин, а Зеновий Амосов – мастер, сделавший ее. Назначение предмета не вполне ясно. Практика обучения чтению и письму до XIX века до сих пор остается малоизученной. В Житии Антония Сийского 1648 года я нашел интересную миниатюру. На ней изображен будущий подвижник во время своего ученичества. Мальчик положил книгу на подставку и водит по тексту короткой палочкой. Подобная деревянная указка

ПРЕДОСТАВЛЕНО С.И. НЕЛЮБОВЫМ

XVII века хранится в фондах Музеев Московского Кремля. Интересна рукопись того же времени «Школьное благочиние – всеспасительное учение». По поводу отношения к книге там сказано следующее:

*Книги ваши добре храните
И опасно на место свое кладите;
Книгу кладя, печатью вверх закрывай
И отнюдь в нее указательного древа не влагай.*

Плоская металлическая «укаска» сделана как раз таким образом, чтобы ее можно было использовать в качестве закладки без риска повредить книгу.

– Непонятно, зачем на рукояти указки изображено Распятие?

– Это еще один довод в пользу того, что предмет использовался не только в качестве указки в процессе обучения, но и как закладка в книге Священного Писания, а возможно, и как указка для чтения книги – такое тоже практиковалось. Верующий открывал священную книгу по закладке, перед чтением крестился, молился – у него перед глазами было Распятие, изображенное на «укаске»; также крестился и после окончания чтения. Предмет этот совершенно уникальный, ничего подобного в крупнейших музеиных коллекциях нашей страны нет. Есть информация, что в начале XX века на выставке в Париже экспонировалась похожая указка из России, датированная XVII веком, но отыскать сам предмет или его фотографию мне не удалось.

ФОТО АВТОРА

Женский
наперсток
XVIII века
с надписью
«Любовь паче
злата»

О русских
пуговицах
начиная
с VI века
Сергей
Иванович
может
рассказывать
часами

«ЛЮБОВЬ ПАЧЕ ЗЛАТА»

Медный наперсток XVIII века нашли на Калужской земле близ города Мещовска. При помощи резцов мастер сделал пирамидальную трехступенчатую вершину, увенчанную вращающимся свастичным орнаментом. А на «юбке» наперстка вырезал: «Любовь паче злата».

– Конечно, в современной культуре подобное изречение воспринимается как превознесение любви между мужчиной и женщиной, символ верности, – рассказывает Сергей Иванович. – Но я уверен, это – проявление духовных устремлений человека, речь идет о любви к Богу. Выраже-

ПРЕДОСТАВЛЕНО С И. НЕЛЮБОВЫМ

732. Cupido gaat Venus voorby en tast na Oranien-appelen.

Золото сильнее любви.

Aurum Amore fortius. L'or est plus fort que l'Amour. L'oro è più forte dell' Amore. El oro es mas fuerte que el Amor. Het Goud is sterker als de Liefde. Gold is stronger than Love. Das Gold ist stärker als die Liebe.

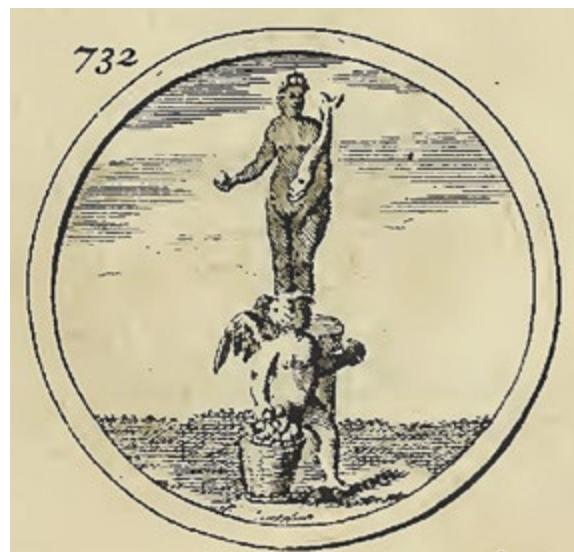
ние «Любовь паче злата» восходит к тексту 118-го псалма: «Сего ради возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия».

– Но ведь искусство в те времена было наполнено самыми разными символами, взятыми не только из религиозных текстов.

– Не только искусство, но и вся культура России XVIII века прошла под знаком эмблематики. Эмблематические формы, мотивы и образы наполняли архитектуру и интерьер, геральдику, книжные иллюстрации, декоративные изделия. Одним из основных источников эмблематики в России служил сборник «Символы

Символ
номер 732
с поясняющей
надписью
«Золото сильнее
любви»

Первая страница
книги «Символы
и эмблемата»
1705 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО С И. НЕЛЮБОВЫМ

и эмблемата», изданный по распоряжению Петра I в 1705 году. Содержание сборника основано на западноевропейских источниках и состоит из 840 гравированных рисунков с поясняющими надписями на девяти языках, включая русский. Интересно, что под номером 732 в книге приведена эмблема прямо противоположная надписи на наперстке: «Золото сильнее любви». Такое пояснение сопровождает изображение Амура, берущего из корзины померанцевые яблоки и передающего их Венере.

Однако в народном искусстве источником символов служил не сборник Петра I, а Библия. Священное Писание наполняло повседневную жизнь эмблемами, символами, смыслами. Известны как минимум три медных кольца XVIII века, на которых почти в той же графике, что и на наперстке, вырезана та же надпись. Медный наперсток, медные кольца бытовали в простом народе. Наперсток, представленный на экспертизу, женский. Мужские делали тогда без вершины наподобие швейного кольца. Да и размер у него на женский пальчик. Возможно, наперсток использовался для рукоделия одной из монахинь Свято-Георгиевского Мещовского монастыря, который после разорения поляками в Смутное время возродился как женская обитель. Или женой священника, или просто глубоко верующей женщиной, для которой любовь к Богу была «паче злата и топазия». ●

ПОЛВЕКА РУССКОГО РОКА

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

АНДРЕЙ БУРЛАКА, КОТОРОГО СЧИТАЮТ ГЛАВНЫМ ЛЕТОПИСЦЕМ РОССИЙСКОЙ РОК-МУЗЫКИ, ПРЕДЛОЖИЛ ОТМЕТИТЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ РУССКОГО РОКА. РОДИТЕЛЯМИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РОКА АНДРЕЙ БУРЛАКА, КОТОРЫЙ СОСТАВИЛ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ ПЕТЕРБУРГСКОГО РОК-КЛУБА, ОТКРЫЛ ДВА САЙТА НА ТУ ЖЕ ТЕМУ И ЛИЧНО ЗНАКОМ ПОЧТИ СО ВСЕМИ ГЕРОЯМИ РУССКОГО РОКА, СЧИТАЕТ БРИТАНСКУЮ ГРУППУ «БИТЛЗ». КРИТИК И ЭНЦИКЛОПЕДИСТ РАССКАЗАЛ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» О ТОМ, КОГДА РУССКИЙ РОК ОТОРВАЛСЯ ОТ БИТЛОВСКОЙ МАТРИЦЫ, КАК И ПОЧЕМУ СТАЛ СОЦИАЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЕМ В 80-Х ГОДАХ И ЖИВ ЛИ ЮБИЛЯР СЕГОДНЯ.

— П

ЕРВЫЙ АЛЬБОМ «БИТЛЗ» ВЫШЕЛ в 1963 году. Почему вы считаете этот год для нашего рока именно 1965-й?

— Потому что до Советского Союза эта музыка дошла с некоторым опозданием. Кроме того, понадобилось время, чтобы ее осмыслили и захотели повторить. Я руководствуюсь датами и цифрами, которые появились в ходе моих многолетних исследований: если в 1964 году в Ленинграде существовало около 30 самодеятельных групп, близких к жанру рок-н-ролла, то в 1965 году подобные коллективы существовали уже в каждой школе и каждом подростковом клубе. Случалось так, что в одном классе было две рок-группы. И так было не только в Ленинграде, разумеется, но и во всей большой стране.

До появления «Битлз» популярную зарубежную музыку в СССР играли, конечно. Были ансамбли, которые стремились к джазу или оставались в эстрадных рамках. Но джаз был сложен для исполнения, что ограничивало круг молодых людей, которые могли бы его играть. А эстрада, которая в ту пору опиралась на довоенную еще эстетику, была молодежи откровенно скучна. Зато «Битлз» принесли простую, но красивую и гармонически ясную музыку. Ту, которую можно было

воспроизвести собственными силами в гараже или в подвале. А потому эта музыка довольно быстро родила массу последователей. Ребята по всему Союзу принялись лихорадочно выпиливать и сколачивать инструменты из подручных материалов, переделывать акустические гитары на новый лад. Это стимулировало творчество – как техническое, так и художественное.

— Понятия «отечественный рок» и «русский рок» для многих любителей музыки не тождественны. Под отечественным понимаются эстрадные коллективы, зачастую созданные прославленными советскими композиторами – вспомним, к примеру, группу «Москва» Давида Тухманова. А термин «русский рок» обычно относят к группам 80-х годов, чьи композиции отличались текстами остросоциальной направленности и несколько хулиганским имиджем. Вы согласны с подобным делением?

— В общем и целом – да, но я морщусь, когда «русским роком» называют нытье на двух аккордах и ненастроенных гитарах о том, что все плохо и жизнь не удалась. Противно, когда «русским роком» называют всю самодеятельность – дурную, к сожалению, – лишь бы была гитара и нечесаный патлатый исполнитель. Это, мягко говоря, несправедливо. Но некоторые эксплуатируют этот образ. В 80-е годы – а я тогда был внутри процесса, а потому знаю, о чем говорю, – делалась некоторая скидка на качество исполнительского мастерства музыкантов во имя новизны этого жанра. Считалось, что ребята научатся играть в процессе становления и с лихвой отработают этот аванс. И многие действительно научились. Но далеко не все. Есть еще те, которые заявляют: «я – русский рокер, я – легенда, и слушайте меня таким, как я есть».

Есть у термина «русский рок» и другая крайность – это появившиеся в 90-е и нулевые годы группы поп-направления, которые мимикрируют под рок-музыку, не имея к ней никакого отношения. Они скопировали лишь внешние атрибуты, став эрзац-культурой. Я не против качественной поп-музыки, и Леонид Агутин или Павел Кашин вполне вписываются в мою музыкальную парадигму, поскольку их творчество мне интересно. Но я против неискренности и манипулирования. Отличие рока от «попсы» очень простое: рок-музыкант говорит со сцены то, что хочет сказать, а поп-музыкант – то, что от него хотят услышать.

– Играть научились, а что со словами песен? Свой след в поэзии русский рок оставил?

– Думаю, да, в том числе в большой поэзии. Возьмем Александра Башлачева, который сегодня признан одним из выдающихся русских поэтов второй половины XX века. Многие считают, что Башлачев был в русском роке чужим, но вычленить его из этого контекста тоже нельзя. Саша пришел в рок вовсе не случайно. В то время, когда он стал творить, самым ярким и живым явлением в нашей культуре была рок-музыка, и он инстинктивно потянулся к ней.

Вообще, если говорить о поэзии, то, по-моему, сейчас хорошие стихи снова вошли в моду. Посмотрите, какое количество поэтических вечеров проводится в Москве, Санкт-Петербурге и других городах. И они собирают столько зрителей, сколько не каждый рок-концерт соберет. Думаю, это хороший знак.

– Рок-течение 80-х годов вы считаете социокультурным феноменом? В вузовских учебниках по литературе Виктору Цою, Борису Гребенщикову и иже с ними отдана целая глава...

– Бессспорно, это феномен. Они появились, а точнее, их заметили в тот момент, когда страна переживала глобальные изменения – эти явления совпали. Страна ждала глотка свежего воздуха, и появление в верхах молодого и деятельного Михаила Горбачева породило в обществе надежды, которые в какой-то степени были поддержаны и громогласно объявлены молодым рок-поколением. Я хочу особо заметить: все эти группы из первого ряда русского рока заявили о себе вовсе не на политической конъюнктуре. Они существовали и до Горбачева, но не были востребованы страной. Их никто не знал, и на их творчество не было спроса.

– Получается, Горбачев – отец русского рока?

– В какой-то степени. Тогда мать – Московская Олимпиада 1980 года. Страна хотела выглядеть перед всем миром свободной и демократической, а потому для людей искусства, многие из которых творили полуподпольно, были сделаны некоторые послабления. И музыканты хлынули в эту лазейку, о них узнала страна. В это же время – а точнее, в 1981 году – в голове Андрея Тропилло, гениального, с моей точки зрения, рок-продюсера, родилась концепция или, вернее, модель развития музыкальной культуры. И он начал активно записывать рок-группы, входившие в Ленинградский рок-клуб, который и сформировал явление русского рока, которое правильнее было бы называть питерским. Тропилло записи не продавал, а раздавал и рассыпал бесплатно, тем самым не нарушая советских законов. Те, к кому эти записи попадали, переписывали их для друзей – музыка распространялась по стране, как эпидемия. Я не раз говорил о том, что решение о производстве в СССР магнитофонов с возможностью перезаписи внесло огромный вклад в распад Советского Союза и сме-

ну режима. Был утрачен контроль за распространением информации – в данном случае музыкальной и смысловой.

– Видимо, тогда наша рок-музыка оторвалась от западной матрицы, поскольку новый взрыв интереса к року был вызван местным культурным явлением.

– Да, это снова породило уход в новое, простое и искреннее. К тому времени в советском роке были свои мэтры, которые оттачивали мастерство, выдавали сложные композиции в стиле прогрессивного западного рока и творчества групп «Йес» и «Дженезис» на стихи профессиональных поэтов. Благодаря музыке ленинградских групп подростки по всей стране узнали о том, что можно сочинять самим и играть неважно, но стать мощным явлением. Но, как мне кажется, различие с подобными процессами 60-х годов есть, и оно существенное: в 80-е годы рок-молодежь стала не абстрактные вещи петь, а говорить от своего лица. Родился герой, простой и понятный, – человек с улицы, твой сосед по лестничной клетке, твой одноклассник. Об этих людях все было ясно с первых строк их песен: кто они, к какой социальной группе относятся, какие у них проблемы.

– Как сами участники Ленинградского рок-клуба реагировали на устремленные на них взгляды всей страны? В этой среде царило ощущение «мы делаем историю»?

– Мы играли во все это, играли в популярность, в рок-звезд. Конечно, мы относились с большой иронией друг к другу. Не было бы иронии, думаю, ничего бы не получилось. Мы вроде бы играли, но играли на совесть. Мы были ребятами, начитавшимися журналов о сказочной жизни западных рок-знаменитостей, и нам тоже хотелось так жить. Поэтому мы придумывали какие-то фестивали, выпускали самиздатовские журналы. Мы одновременно и копировали, и привносili нечто свое. Но при этом игра в рок-звезд не прекращалась. И эту игру поддержали миллионы людей, у которых в те же годы возникла потребность в новой музыке. А если нет официального продукта, ему на смену приходит неофициальный.

– В какой момент вы поняли, что перед вашими глазами разыгрывается нечто значительное и надо бы происходящее как-то фиксировать?

– Не сразу, не стану лукавить. Я посещаю концерты рок-групп с 1970 года, а записи стал вести примерно с 1980-го. А если бы с первых концертов не ленился и записывал, какие песни исполняли те или иные группы и в каком составе они выходили на сцену, история русского рока была бы чуточку полнее. Сейчас корю себя за лень и недогадливость. Вообще, хочу сказать, летописец – это профессия избранных. Мы все в какой-то степени летописцы и историки. Ошибочно думать, что настоящая история проходит где-то далеко, а мы на

ее периферии. Никто не знает, где центр, а где периферия. Не нужно лениться, а нужно наблюдать за окружающими событиями, а по возможности их запоминать, но лучше записывать.

– В 90-е годы миф «русского рока» рухнул. Что это было? Музыканты пали жертвой закона истории, согласно которому вчерашиние борцы с авторитетами сами становятся таковыми и сметаются следующим поколением?

– Вы правы. Миф в какой-то момент слишком перемифологизировали, и определенной части молодежи, как наиболее активной части населения, это стало попросту скучно. Меня иногда спрашивают, как я отношусь к тому, что из героев русского рока, таких как Цой, Гребенщиков и другие, делают иконы. Никак не отношусь. К сожалению, это неизбежно. В своей книге о группе «Кино» я постарался демифологизировать Виктора Цоя и компанию. Выпуская свою энциклопедию петерского рока, я сказал полуслуга-полусерьезно, что хочу разрушить ныне существующую систему мифов. Но добавил: «И создать новую».

– Вы объявляете о том, что в вашей энциклопедии содержится информация о тысяче рок-групп, а вам бы хотелось достичнуть цифры в пять тысяч. По каким критериям вы вносите группы на страницы энциклопедии?

– Пять тысяч – условная цифра, рок-групп может быть и десять, и двадцать тысяч, я буду только рад. Я беру в энциклопедию те коллективы и тех музыкантов, которые сыграли определенную роль в культурном контексте на определенном историческом отрезке. Причем это необязательно должны быть известные на всю страну группы. Если музыканты сделали что-то на местном уровне, повлияли как-то на своих земляков, они также достойны включения в число избранных. Часто бывает так, что какой-то любительский коллектив, игравший на танцах и быстро распавшийся, заражает и заражает собой целое поколение местных жителей или будущего мэтра, признанного всеми. Корни и истоки я стараюсь видеть, рассказывать и не забывать. Обидно, что от музыкантов 60-х и 70-х годов, работавших до появления тотальной звукозаписи, подчас не сохранилось ничего, кроме воспоминаний. Но тем ценнее услышать неизвестную, найденную где-то на чердаке и восстановленную запись старых музыкантов.

– Вокально-инструментальные ансамбли вы причисляете к рок-направлению?

– Смотря какие. «Поющие гитары» в моей энциклопедии, разумеется, есть. Как и «Песняры», «Ариэль» или «Добры молодцы», которые пытались сказать свое слово, сделать что-то новое. Были заняты творческим поиском, иначе говоря. Многие хорошие коллективы, принадлежащие к чистому року, искали обходные маневры и уходили в эстраду или даже фольклор – соединение народных мотивов

с роком дало очень интересный результат. К слову, именно в этом наша рок-музыка проявила свою оригинальность и подлинность и, быть может, застолбила себе место в истории мирового рока, куда в конце концов попадут не наши прославленные мэтры, а группа «Архангельск», которая совмещала рок-рифы с поморскими напевами.

– Лучшим подарком на пятидесятилетие отечественного рока было бы открытие музея, разговоры о создании которого ведутся не одно десятилетие. Как вам кажется, музей рока может быть интересен сегодняшнему меломану?

– Думаю, да, в том числе молодому меломану. В нашей стране существуют сотни музеев, и у каждого есть свои посетители. Рок-музыка, что бы кто ни говорил, давно стала частью русской культуры и русского языка. Читаешь какую-то серьезную политическую или экономическую статью – и вдруг натыкаешься в заголовке на цитату из Цоя или Гребенщикова. Цитируют, значит, надеются на мгновенное узнавание самых разных читателей, значит, стало классикой. Уверен, музей рока был бы интересен даже тем, кто его не слушает: там могут быть какие-то артефакты, инструменты знаменитостей, музыкальная пресса, пластинки, фотографии…

– И открывать подобный музей наверняка предложите в Питере?

– Это было бы самым логичным. Думаю, музей мог бы быть частью туристического движения. Почва уже прощупывалась, но взаимопонимания с городскими властями по этому поводу пока не найдено. Поклонники петерского рока ежегодно толпами приезжают в Санкт-Петербург, но это паломничество никак не структурировано. Люди самостоятельно ходят тропами рок-кумирами с обязательным посещением культовых мест вроде «Камчатки» (котельная на улице Блохина, где в середине 80-х годов работали кочегарами Виктор Цой, Александр Башлачев и другие рок-знаменитости. – Прим. ред.).

– Последний вопрос – сакральный. Русский рок жив?

– Жив, и будет жить, и раньше жил веками. То, что сейчас мы называем роком, в далеком прошлом называли иначе и выражали иначе. Сегодня проходил мимо бюста поэта Николая Рубцова – по времени он не попал в рок-движение, но по своей внутренней сути был чистейшим рокером. Пока будут рождаться молодые люди, которым будет что сказать миру под аккомпанемент гитары, синтезатора или домры – все равно чего, рок будет существовать. Талантов множество, особенно в провинции, и меньше не становится. Скажу честно, я каждую неделю натыкаюсь на какую-то новую интересную молодую группу. Да, возможно, она сможет заинтересовать меня всего на неделю, но не в этом дело. Самое важное в другом: из рока не уходит сильное и умное русское слово. ♫

РОССИЯ ЧИТАЮЩАЯ

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

«РОССИЯ ЧИТАЮЩАЯ» – ТАК НАЗЫВАЕТСЯ УНИКАЛЬНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ, ДО НОЯБРЯ РАЗВЕРНУТАЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ МУЗЕЕМ В ПРОСТОРНЫХ ЗАЛАХ МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА НА ПРЕЧИСТЕНКЕ. ВЫСТАВКА НЕОБЫЧНА: ЭТО СВОЕГО РОДА ВИЗУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ЧТЕНИИ, О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ, ИЗДАТЕЛЯ И ЧИТАТЕЛЯ. ИСТОРИЯ ЧТЕНИЯ МЕНЯЕТ НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛИТЕРАТУРЕ: ЧИТАТЕЛЬ СОЗДАЕТ ПИСАТЕЛЯ ЕДВА ЛИ НЕ ТАК ЖЕ, КАК ПИСАТЕЛЬ – ЧИТАТЕЛЯ. ОБ ЭТОМ – НАША БЕСЕДА С АВТОРОМ КОНЦЕПЦИИ ВЫСТАВКИ, ДИРЕКТОРОМ ГОСЛИТМУЗЕЯ, ПРОФЕССОРОМ РГГУ КАНДИДАТОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ДМИТРИЕМ БАКОМ.

— ДМИТРИЙ, МНЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ, чтобы наш разговор был не комментарием к выставке, а размышлением о том, что происходит с литературой сейчас – когда в ней очевидны колоссальные изменения: по-другому пишут, по-другому читают, по-другому воспринимают написанное прежде. Многие склонны драматизировать это, забывая, что такие переломы литература переживала уже не раз. Изменения столь стремительны, что опережают ритм существования одного отдельно взятого человека: за свою жизнь он становится свидетелем нескольких культурных революций...

— Это и есть предмет нашего выставочного исследования. Когда в конце 1920-х годов Владимир Бонч-Бруевич задумывал Литературный музей, он видел его как очень широкий новаторский проект, подразумевающий единство пяти составляющих: архива, музея, библиотеки, издательства и научного института. То есть все, что связано с литературой, предполагалось собрать, изучить и опубликовать. Эта историческая справка необходима, чтобы понять суть выставки: нас интересуют не конкретные биографии, не мемориальные предметы и факты литературной жизни как таковые, но контексты и процессы, происходящие в литературе и вокруг нее...

— С XI века, когда было написано и произнесено «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, до XVII века включительно российская словесность – за редкими исключениями – связана с православной

духовностью. Но вот наступает грань XVII и XVIII веков, приходит Петр – и все меняется...

— Первоначально на протяжении нескольких столетий чтение как общественный феномен никак не связано с тем, что мы сейчас называем литературой. Только с изобретением книгопечатания чтение меняет свою природу, постепенно возникает литература. Самый навык чтения до появления печатного станка бережно передавался «из рук в руки», публичность и массовость не были свойственны чтению.

При жизни Петра I изменения в параметрах и характеристиках чтения были минимальны, императору в общем и целом было не до книг. Разумеется, он привез из Европы карты, атласы, астрономические таблицы, пособия по фортификации. Но дело жизни Петра – строительство империи, в котором должны принять участие все. Для этого введена «Табель о рангах», согласно которой все образованные люди – дворянство – обязаны служить. Именно поэтому, когда в середине XVIII века с развитием светской придворной жизни появляется литература – она есть не что иное, как побочный продукт основной деятельности по службе. Литература сама по себе не могла дать средств к существованию, поэтому – а также в соответствии с общепринятыми правилами – служить было совершенно необходимо.

Отчасти изменил эту ситуацию Указ о вольности дворянства, подписанный в 1762 году Петром III. У дворянства появились досуг, частная жизнь, в том числе – чтобы читать и писать. Появляется спрос на беллетристику, который поначалу нечем было удовлетворить. Поэтому в дворянских библиотеках вплоть до конца XIX века так широко представлены издания на иностранных языках. Вспомните Татьяну Ларину: «Ей рано нравились романы; // Они ей заменяли все; // Она влюблялась в обманы // И Ричардсона и Руссо...» Легко предположить, что Руссо она читала по-французски – переводы были еще несовершенны. В библиотеке Льва Толстого поражает количество книг на французском, немецком, английском языках... После революции традиция чтения на иностранных языках почти угасла. Только сейчас она возобновляется – в другом культурном контексте...

— На выставке есть издания Андрея Тимофеевича Болотова. Он как раз был одним из тех, кто воспользовался Указом о вольности дворянства и «ушел» в частную жизнь. Как литератор он разработал жанр, в ту пору русской словесностью невиданный, – автобиографию. Однако характерно, что эти писания его впервые были изданы только в 1871–1873 годах, через сто с лишним лет. Получается, литература конца XVIII века носила во многом частный, приватный характер. Только после Наполеоновских войн прежняя литература стала невозможной, как будто пушки Бородино и Ватерлоо выполнили какую-то фундаментальную культурную работу...

– Болотов был абсолютно гениальный человек. По-моему, он должен стоять вровень с Ломоносовым и определенно выше Николая Новикова. А пушки, гремевшие во время Наполеоновских войн, пробили дорогу буржуазным отношениям, которые и сделали литературу общественным явлением. Есть устойчивая мифологема: существует высокая литература и литература низкая, коммерческая. Но парадокс в том, что литература обретает общественное, а потом и государственное значение только в ту пору, когда она становится «бизнесом», выходит за пределы усадеб, даренных в качестве «гонорара» перстней и частного, камерного чтения.

В России эти события имеют четкую датировку: 1834 год, когда Александр Смирдин создает первый русский толстый журнал, «Библиотека для чтения». Незадолго до этого он выпустил альманах «Новоселье» и открыл книжную лавку на Невском проспекте. Лавка мгновенно становится местом бесед, споров, как мы бы сейчас сказали – презентаций. Пушкин это сразу замечает: «Сила современных изданий обрела немыслимый размах». Откуда этот размах? Толстый журнал публикует романы с продолжением, а значит, возникают своего рода «сериалы» в прозе. Читатель готов подписаться и заранее заплатить за несколько номеров вперед. Издатель получает доход заранее, до выхода журналов в свет, следовательно, он может повысить качество печати, увеличить гонорары... В качестве редактора своего журна-

ла Смирдин пригласил Осипа Сенковского, профессора-востоковеда, знавшего с десяток экзотических языков. Востоковедение было навсегда оставлено, Сенковский превратился в одного из видных журналистов своего времени, а под псевдонимом Барон Брамбеус стал еще и известным прозаиком. Именно успех Смирдина подтолкнул Пушкина к изданию «Современника», хотя журнал был задуман принципиально иначе: не просто извлекать прибыль, потакая невзыскательному вкусу читателя, но создавать «своего» читателя, просвещенного и тонкого...

В эту эпоху происходит мощнейшее «переформирование» всей русской литературы. То, что мы называем сегодня классикой и чем заслуженно гордимся – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, – все создалось и оформилось в царствование Николая I...

– Но, по-моему, Николай умер рановато для того, чтобы классическая литература успела оформиться...

– Он сделал главный шаг: изменил отношение к литературе. Он понял, что лучшие поэты и писатели влияют на умы и настроения, на общественные процессы. Когда Александр I в 1820 году отправил Пушкина в ссылку, он, в сущности, не понимал еще, с чем, в лице поэзии, имеет дело. Так, стишки какие-то, кого они могут интересовать? При этом – несмотря на Указ о вольности дворянства – империя остается империей. Человек империи имеет вес лишь по-

В.Д. Бонч-Бруевич задумывал Литературный музей как новаторский и исследовательский проект

стольку, поскольку имеет службу и чин. А Пушкин – кто такой? Да никто. Нет в формулярных списках профессии поэта.

Николай I после декабристского выступления думает уже иначе. Он осознает силу идей, видит, что империя, которую он вслед за Петром строит, тратит уйму средств на то, чтобы издавать различные периодические издания – проплаченные из казны, которые не зависят ни от тиража, ни от спроса: «Московские ведомости», журналы министерств... А популярными оказываются самодеятельные журнальчики, научившиеся зарабатывать на жизнь. И вот император, только что казнивший пятерых декабристских вождей, прямо из ссылки в Михайловском приглашает Пушкина на коронацию и объявляет, что сам будет его цензором. Несмотря даже на то, что Пушкин прямо заявляет царю, что был бы вместе с декабристами.

Мы знаем эволюцию зрелого Пушкина по произведениям последнего десятилетия его жизни.... Тут все непросто. Пушкин пишет известные «Стансы», за что его упрекают тогдашние «либералы», обвиняя в компромиссе с властью. Но Пушкин искренне переосмысливает роль поэта, который не просто бунтует, но говорит о «любви к родному пепелищу» и к «отеческим гробам», о «милости» «к падшим»...

Такая вот непростая драматургия...

Именно в это время коренным образом меняется характер чтения. Тираж «Библиотеки для чтения» в некоторые годы доходит почти до 8 тысяч. Это сумасшедшая цифра – ведь «доставка» журналов без железных дорог обходится баснословно дорого, в стране всего одна публичная библиотека. Литература, став бизнесом, одновременно становится важнейшим общественным явлением.

Модель взаимодействия писательства и чтения, которая сложилась при Николае I и Александре II, будет работать более 150 лет – от Смирдина до перестройки. Вся литература проходит через толстые журналы. Они – в центре литературных событий: у каждого журнала есть свое «направление», они спорят между собой, публикуют критику, обзоры, тексты для чтения. Массовый читатель создает писателя, который пытается жить на гонорары. Поначалу их очень мало, к примеру Пушкин и Виссарион Белинский. Оба терпят неудачу: после гибели Пушкина император оплачивает его долги, Белинский и вовсе умирает в бедности. А успешный проект создает гениальный «менеджер» Некрасов: в конце 1846 года он вместе с Иваном Панаевым «покупает права» на издание пушкинского детища, «Современника». И, конечно, вершиной журнального дела в 1860–1870-е годы становится «Русский вестник» Михаила Каткова, авторами этого журнала были Лев Толстой и Тургенев, Гончаров и Достоевский, Лесков и многие другие. Великие романы – «Война и мир», «Анна Каренина», «Отцы и дети», «Преступление и наказание» – на-

печатаны в «Русском вестнике». Катков не только консервативный политик, но и политик литературный. Его путь отнюдь не был гладок, но даже сам перечень авторов его журнала говорит об очень многом.

– В конце XIX века литература пронизывает союю все, судит обо всем – притом что писатель по-прежнему остается «никем», частным лицом... То есть де-факто признано колоссальное значение литературы. Но не де-юре. И когда в 1880 году общество решает поставить памятник Пушкину – тот самый, на Тверской, – выходит скандал. Поэтому что, с одной стороны, Пушкин – это солнце русской поэзии, а с другой – всего лишь камер-юнкер. Как возможно ставить памятник камер-юнкеру? В этом какая-то роковая ограниченность имперского мышления. Ведь именно в ту пору литература и стала подлинной властительницей дум...

– Это и привело к трагическому разлому – сначала в русском сознании, а потом в истории. И Лев Толстой, и Бурлюк с Маяковским, и Ленин – каждый своими словами, конечно, – призывают сбросить прежнюю литературу с «парохода современности». Почему об этом заговорил Толстой – непререкаемый в свое время авторитет? Да потому, что если весь мир лежит во зле, то никому нет дела до элитарной литературы и культуры. Литература должна быть понятна и доступна простому человеку. Отсюда – совсем недалеко до цикла ленинских статей о Толстом, из которых самая известная называется «Лев Толстой как зеркало русской революции». Ну а уж если Толстой к такому призывает, то футуристы и поздравляют: главное для них – преодолеть вековые оковы традиций. Современное революционным событиям искусство – Серебряного века, умное, тонкое, философическое, объединившее вокруг себя и художников, и меценатов – просвещенную буржуазию... И вдруг на историческом надломе 1917 года вся эта литература оказывается ненужной. Большевики «отказ от прошлого» возвели в программный принцип и воплотили буквально. Из всех дореволюционных писателей остались с большевиками только Блок, умерший в 1921 году, и Брюсов, умерший в 1924-м. Помимо, разумеется, тех, кто изначально был связан с революционерами или вдохновлялся идеей революционного искусства – как, скажем, Горький и Маяковский.

– Блок недолго prodолжался. Чуковский стал свидетелем его срыва в Москве, когда, поглядев на аудиторию в Политехническом музее, Блок неожиданно стал читать стихи на латыни – как будто для того, чтобы закрыться от этой аудитории, забиться в древней и никому в зале не понятной латыни и после этого замолчать навсегда...

– Да, это трагичнейший эпизод. Но посмотрите, что происходит дальше: в 1921 году нэп вернул товарно-денежные отношения, а Ленин

на III Съезде РКСМ, в 1920 году, уже говорит о том, что доктрина зачеркивания прошлого снимается. Из прошлого надо взять все лучшее и прогрессивное. Начинают ставить памятники прогрессивным деятелям прошлого, называть их именами улицы... Поскольку новые пролетарские писатели полуграмотны – возникает идея литературного образования. Брюсов создает Литературно-художественный институт, возникает система подготовки к профессии писателя. Вот! Мы подходим к самому главному: к 1934 году, когда «формовка советского читателя» и «формовка советского писателя» – так называются известные книги Евгения Добренко – завершается на I Съезде писателей, профессия писателя в России впервые обретает новый статус. Союз писателей становится министерством литературы, с государственными издательствами, планами, «задачами социалистического строительства». Писатели как чиновники этого министерства получают привилегии, дополнительные квадратные метры жилья, завидные гонорары, премии, возможность печататься в популярных журналах. Но при этом они должны, как говорится, соответствовать. Кто не хотел или не мог – Ахматова, Цветаева, Платонов, Булгаков отчасти, – обречены на маргинальное существование.

Бродского в 1960-е годы за что судят? Не за то, что он что-то пишет против власти. Его судят за то, что он осмеливается писать и называть себя поэтом, никакого мандата от СП не имея. Игнорируя, так сказать, весь официоз.

Недаром возникает «пotaенная литература», которая позже, уже в 1970–1980-е годы, перерастает в самиздат. Можно сказать, что после хрущевской оттепели читатели в своем желании обрести «подлинную» литературу становятся столь активны, что меняют горизонт чтения, предлагаемого советскими издательствами: решительно все имена, которые открылись потом, в конце 1980-х, были узкому кругу «избранных» уже известны. Именно в эти годы чтение и «раздобывание» редких книг для многих и многих стало занятием, по значимости превосходящим работу, профессиональную деятельность. Это были своего рода «профессиональные читатели». Сейчас, когда практически любой текст можно вытащить из Интернета, подобная увлеченность абсолютно непонятна.

– Мы долгое время гордились тем, что являемся «самой читающей страной в мире». И я не думаю, что это преувеличение. В каком-то смысле литература – это главный духовный витамин для людей, живущих за железным занавесом...

– В послевоенные годы для оптимизации, как сказали бы сейчас, читательского спроса была проделана великая работа. Вспомните популярные литературные серии тех лет: большая и малая «Библиотека поэта», «Библиотека всемирной литературы», «Роман-газета», «Мастера зарубеж-

ной прозы», «Классики и современники» и так далее. В общем, было что почитать. Но поскольку книга все равно оставалась дефицитом, читали ее жадно, страстно, прочитанным жили, писателям подражали. В период «оттепели» была проделана колоссальная переводческая работа: культовыми книгами стали «Фиеста» Хемингуэя, «Маленький принц» Сент-Экзюпери и «Над пропастью во ржи» Сэлинджера.

Стоило появиться незаурядному писателю, как вся страна начинала его любить – вспомните Ахмадулину, Евтушенко, Битова, Искандера, Астафьеву, Стругацких. Когда в «Иностранке» появился роман Маркеса «Сто лет одиночества», журнал зачитывали до дыр. Всплеск такого «неравнодушного» чтения повторился еще раз в эпоху гласности, когда стали печатать все, что раньше было запрещено. Тираж «Нового мира» достиг 2 миллионов! А потом пришла свобода – август 91-го, – жизнь изменилась, и в этой жизни для чтения осталось совсем немного места...

– С тех пор минуло более двадцати лет, в литературу пришло новое поколение, появился Интернет, который произвел настоящую революцию в чтении. Книга перестала быть дефицитом. Как читают теперь? Какие процессы, говоря вашими же словами, определяют сегодня литературные предпочтения?

– Ну, доминирование толстого журнала, которое продолжалось полтора столетия, закончилось. Толстые журналы еще существуют, они прекрасны и содержательны и даже выполняют важные экспертные функции, но молодежь их просто не знает. Сегодня, чтобы стать писателем, надо идти не в толстый журнал, а прямо к издательству или в Интернет. В 1990-е и в начале 2000-х это привело к тому, что практически умерла критика, которая во многом определяла лицо толстого журнала. Издательства утрачивают «направления». О чем спорить издательству «Время» с издательством «ЭКСМО»? Не о чем. Возникает новая фигура литературного агента и бренд-менеджера, который не пишет никаких рецензий, а просто двигает издательские бренды.

– В Интернете идут разнонаправленные процессы, которые еще предстоит оценить. Скажем, возникает культура блогов. Популярные блогеры становятся культовыми фигурами. С другой стороны, в электронных СМИ рождается новая критика, новые «направления» – возьмите, к примеру, «Свободную прессу» Сергея Шаргунова и Захара Прилепина. Но что кажется более значимым – вся классическая литература за время интернет-революции как бы устарела, несмотря на электронные версии книг...

– В интернет-пространстве не произошло ничего специфического для России: визуальное взяло верх над словом как таковым, и мы живем сейчас на переломе. Шесть лет назад сравнялись легаль-

ные продажи электронных версий книг с типографскими версиями, поэтому Франкфуртская ярмарка пустеет год от года. Нет тут какого-то специфического греха или процесса, связанного с Россией. Одни считают, что через поколение бумажная книга исчезнет как факт, другие оттаскивают своих детей или внуков от компьютерных игр, сериалов и общения в соцсетях обратно к книге.

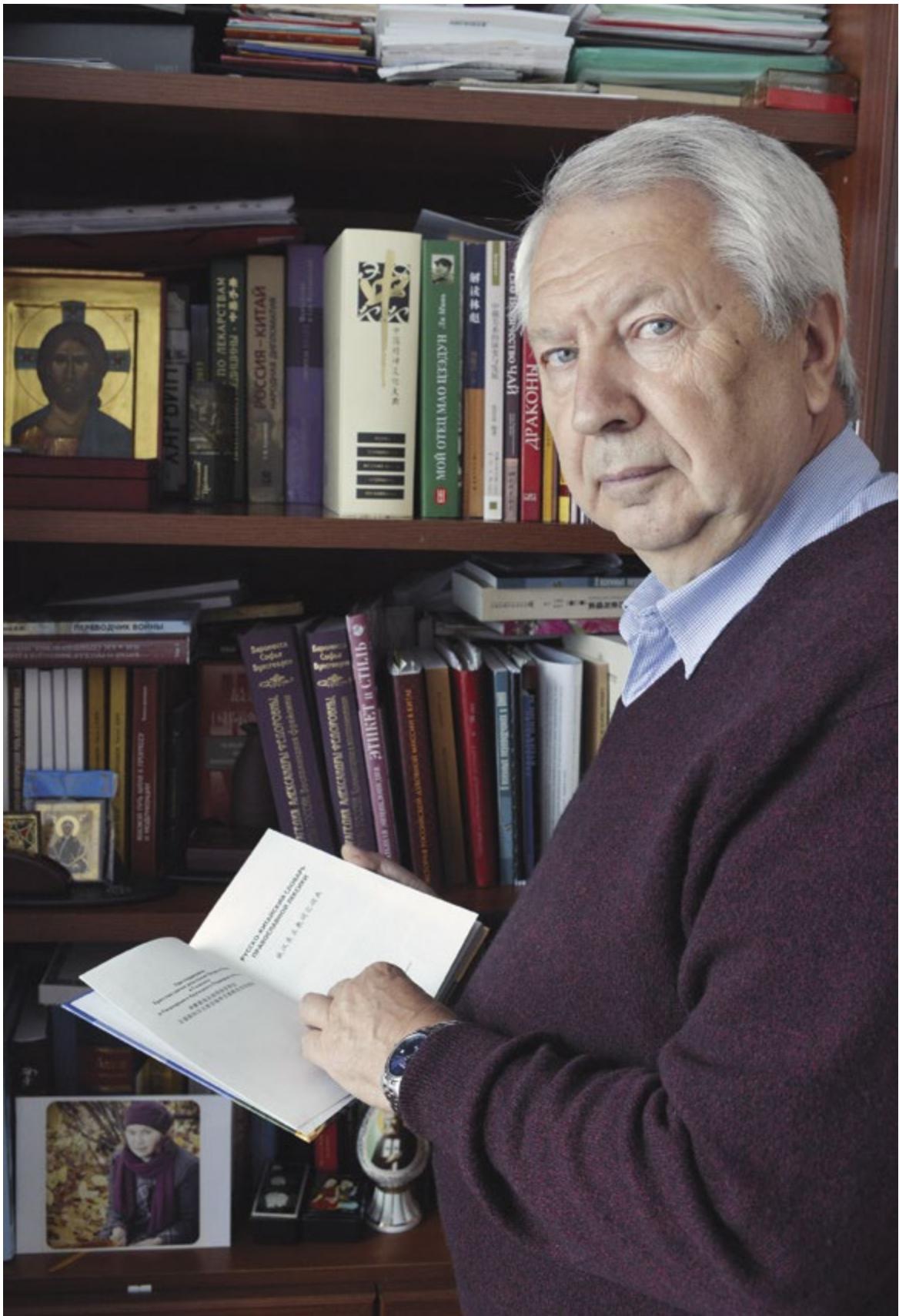
Классика XIX века действительно становится сейчас для студентов примерно тем же, чем была для нас литература XVII века. Что там, навскидку? «Повесть о Горе-Злосчастии»? А еще? Сразу не ответишь. XIX век нам казался близким, понятным: ну, телефона еще не было, телевизора, автомобиля... Но герои Толстого и Чехова, Лермонтова – они были понятны, внутренне близки. А Маяковский и Есенин казались нам чуть ли не современниками. А сегодня ощущение этого «вчера» прошло. Я с каждым годом все больше времени затрачиваю, чтобы объяснить студентам две строчки Фета: «Над лампой тихою подвешенный кружок // Вертится призрачною тенью». Нам понятно, что это свет от керосиновой лампы играет на потолке. Вы застали керосиновые лампы?

– Конечно.

– Вот. А у них представления о такой лампе нет: нет и понимания. Вопрос: прервалась ли из-за этого связь времен? Наверное, оптимистический ответ можно сформулировать так: настоящее ис-

кусство не умирает, литература может превратиться в оперу, в балет, в кино или в мультик – и так дойти до самой неподготовленной детской аудитории. Вся классика по многу раз переформатирована: но это и есть культурная преемственность. Я не вижу ничего страшного в том, что и способ бытования литературы, и ее восприятие изменились. Потому что литература – это не одно и то же в разные века. Книгопечатание породило литературу, никак не связанную с визуальным эстетическим восприятием. Но вспомним древнюю Грецию: главной площадкой литературы был театр. Знаменитые древнегреческие tragedii предназначены были не для чтения, а для коллективного смотрения. Почему их и сохранилось так мало... Они не записывались в «книжном» виде, привычном нам. К чему я это говорю? К тому, что еще до конца нашей с вами жизни мы наверняка узнаем ответы на вопросы, которые сегодня кажутся неразрешимыми. Культура есть универсальный механизм объединения людей в сообщество, а сообщество – в человечество. Если она не справится с этой функцией – случится катастрофа. Но я оптимист и практик по натуре и чувству долга. Потому стараюсь размышлять трезво: сегодня литература как раз ищет способ выполнить свою объединяющую миссию. А пока длится это превращение настоящего в будущее – люди продолжают читать, и – может быть, это вас утешит – процент читающих практически не меняется... ☺

ТРИСТА ЛЕТ ВМЕСТЕ

БЕСЕДОВАЛА

АЛЕКСАНДРА ПУШКАРЬ

О ПЕРВЫХ КОНТАКТАХ РОССИИ И КИТАЯ, О РУССКИХ, ЖИВУЩИХ В ПОДНЕБЕСНОЙ, О ТОМ, КАК СТРОИЛИСЬ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НАШИМИ СТРАНАМИ, ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗЫВАЕТ КИТАИСТ, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК БОРИС ГОРБАЧЕВ.

— О ТКРЫТИЕ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ миссии в Китае связано с именем Петра I. Почему для царя было важно обозначить присутствие православных в этой стране?

— Прорубая окно в Европу, Петр I понимал, что Российская империя будет расширяться и на Дальний Восток, и принимал меры по установлению контактов с Поднебесной. Но это не единственная причина. В Пекине жили православные казаки, которых некому было окормлять. И 18 июня 1700 года по указу Петра в Тобольске была учреждена Духовная миссия, представителей которой планировалось отправить в Китай.

— Откуда в Пекине взялись православные казаки?
 — Первыми русскими в Китае были пленные, захваченные в ходе нашествия монголо-татарских войск. Из них в Поднебесной еще в XIV веке создавали воинские подразделения. А в начале XVII века в Китай бежали крепостные крестьяне и каторжане. Их также брали на службу императору. По мере продвижения на Дальний Восток Россия строила остроги. В 1651 году отряд Ерофея Хабарова занял расположенный на левом берегу Амура даурский городок Албазин и соорудил там крепость, гарнизон которой к концу XVII века состоял примерно из 450 казаков с семьями, в том числе представителей известных казачьих родов Романовых, Хабаровых, Дубининых, Яковлевых, Холстовых. В 1685 году китайцы разгромили острог, часть его защитников увели в Пекин

и предложили им военную службу, наделив их денежным содержанием, казенными квартирами и землей. От этих людей произошла особая этнокультурная группа – албазинцы, названная по имени павшего острога. Со временем они смешались с китайцами этнически – в начале XX века современники отмечали, что внешне они уже неотличимы от местных. Но свою идентичность сберегли. И хотя официально статусом национальности они не обладают, по сей день сохраняют свое имя, память о русских корнях и принадлежность к православному миру. В числе прочих в Албазине был православный священник Максим Леонтьев. И вот этот самый отец Максим с матушкой и сыном, с иконой Святого Николая Можайского и небольшим количеством утвари был в числе прочих привезен в Пекин, где построил православную церковь – Никольскую, во имя почитаемого албазинцами святителя.

— Российско-китайские отношения складывались непросто. Наших послов то не принимали, то не по чину принимали, так что они обижались и развязывали контакты. Почему так получалось?

— Во-первых, не знали языка. Русские привозили грамоты, и китайцы не могли их прочесть. Русским вручали бумаги, которые подолгу лежали непереведенными. Кроме того, от русских дипломатов требовали исполнения обряда «коую» – девятикратного целобитья на коленях, символизирующего признание Россией верховенства Китая. Они отказывались. В итоге до 1861 года роль нашего дипкорпуса исполняла Русская духовная миссия, прибывшая в Китай 30 апреля 1715 года.

— Ее члены стали нашей первой «официальной делегацией» в Поднебесной?

— Нет, русские пытались наладить контакты с Китаем еще при Василии Шуйском. В 1609 году воевода Василий Волынский послал трех томских казаков во главе с Иваном Белоголововым, толмача и двух киргизских князьев в качестве проводников для разведывания путей на Дальний Восток. Отряд заблудился и до Китая не добрался. Спустя семь лет российские послы встретились с китайскими в Калмыкии. Их целью было выяснить, «каково Китайское государство велико и сколько людно, и с которыми государями и землями в ссылке и совете, и какова их вера». В мае 1618 года тобольский воевода князь Иван Куракин командировал в Пекин 12 казаков во главе с Иваном Петлиным. Император их не принял, но передал русскому царю разрешение торговать с Китаем. «Китайскую грамоту» благополучно доставили в Москву, однако ее некому было перевести. Первым российским купцом в Поднебесной стал Емельян Вершинин, посетивший Синин только в 1641–1642 годах. А первым «официальным посольством» считается миссия Федора

Русское Северное подворье в Пекине. Середина XIX века.
Рисунок из альбома К.А. Скачкова

ПРЕДОСТАВЛЕНО Б.Н. ГОРБАЧЕВЫМ

Байкова. Он прибыл в Пекин 3 марта 1656 года и несколько месяцев пререкался с цинскими чиновниками из-за «коутоу». Ни одна из сторон не желала уступать, и 4 сентября 1656 года Байкова выслали из страны. В 1720–1721 годах в качестве чрезвычайного посланника в Китай отправился Лев Измайлова. Он более десяти раз был принят императором, получил от него охранные грамоты для русских торговцев и разрешение на строительство православной церкви. Следующее посольство, Саввы Владиславича-Рагузинского, прибыло в Пекин в 1727 году и спустя полгода подписало первый официальный договор, который вкупе с заключенным год спустя Кяхтинским договором регулировал пограничные и торговые вопросы между двумя странами и статус Русской духовной миссии в Китае. В общей сложности с начала XVII до середины XIX века в Поднебесной побывали 20 посольств.

— Известно, что в Китае католические миссионеры вели себя очень активно, особенно иезуиты, и в результате они достигли взаимопонимания с местными властями. А как складывалась судьба православных духовных миссий?

— Непросто. Китайские правители согласились принять русских священников в 1712 году, но добрались они до Пекина лишь 30 апреля 1715 года. В этом году исполняется триста лет, как первые православные священники во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским) прибыли в китайскую столицу. Главу второй миссии, епископа Иннокентия (Кульчицкого), вообще туда не пустили. Три года он ожидал на границе, в Селенгинске, разрешения китайских властей, но так ничего и не

ПРЕДОСТАВЛЕНО Б.Н. ГОРБАЧЕВЫМ

Храм во имя Всех Святых Мучеников на территории Российской духовной миссии в Пекине. Построен в 1904–1906 годах, разрушен в 1957 году

добился. Всего в Китай было послано 20 духовных миссий. Жили и трудились миссионеры в разные времена, и тяжесть их служения была различной. Срок командирования исчислялся десятью годами. Миссия находилась на закрытой территории, строго охранялась, покидать ее было запрещено. Немало священников осталось в китайской земле, так и не увидев родины. Из 20 глав миссии семеро похоронены в Поднебесной.

— В какой период православные лучше всего себя чувствовали в Китае?

— Расцвет православия в Китае пришелся на начало XX века. Когда в 1920-е годы тысячи русских бежали от революции и Гражданской войны в Китай, количество православных храмов и часовен возросло многократно. В одном Харбине их было построено более двух десятков, в Шанхае – 8, в Трехречье – 18. Русские церкви имелись в Тяньцзине, Шэньяне, Ханькоу, Даляне, Циндао и других городах.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Б.Н. ГОРБАЧЕВЫМ

Архимандрит Виктор (Святин) с китайским православным духовенством у стен Красной Фанзы. Начало 1950-х годов

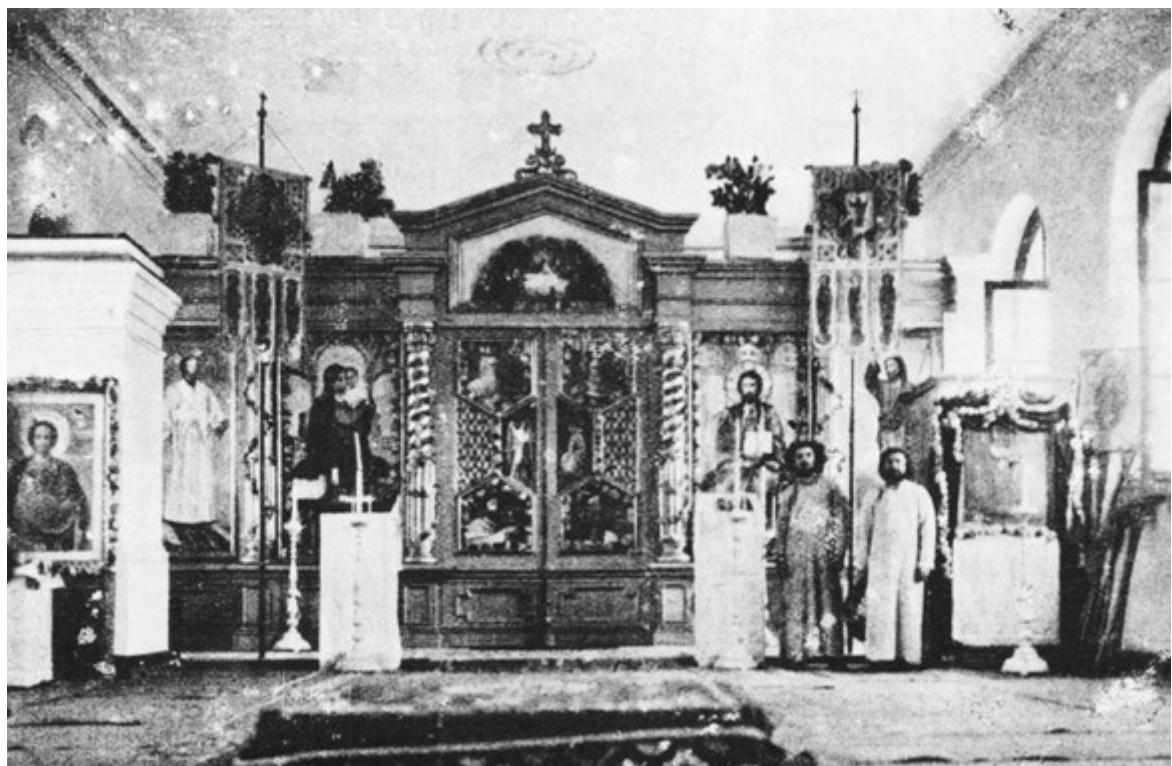
ПРЕДОСТАВЛЕНО Б.Н. ГОРБАЧЕВЫМ

Успенский храм на территории Российской духовной миссии. Построен стараниями епископа Иннокентия (Фигуровского) в 1903 году

— Что стало с миссией и ее сотрудниками после революции 1917 года?

— После падения Российской империи главной задачей стала духовная и материальная поддержка десятков тысяч русских эмигрантов в Китае, вопросы распространения православия отошли на второй план. Правда, еще работала русская православная школа для китайских детей, готовился клир из числа местных жителей. Не приняв советского строя, миссия перешла под управление Зарубежного Синода православной церкви в Сремских Карловцах. В годы Второй мировой войны и японской оккупации деятельность миссии практически сошла на нет. В послевоенное время глава миссии архиепископ Виктор (Святин) пытался ее возродить, однако советское руководство не сочло

Храм Успения Пресвятой Богородицы на территории посольства РФ в КНР. Возрожден в 2008–2009 годах

ПРЕДОСТАВЛЕНО Б.Н. ГОРБАЧЕВЫМ

Внутреннее убранство Успенского храма. 1930-е годы

возможным оставить ее в Китае, и в 1954 году она была закрыта. Русское духовенство разъехалось – часть в СССР, часть на Запад. Что касается храмов, то в конце 1950-х годов все они были переданы образованной в 1958 году Автономной китайской православной церковью китайскому государству, в надежде, что власти будут относиться к православным верующим благосклонно. Однако эти надежды не оправдались. В период «культурной революции» храмы были разрушены или перешли в собственность государства и частных лиц.

– В эти годы Китайская автономная православная церковь прекратила свое существование?
– Нет, ведь оставался китайский клир, насчитывавший в 1950-е годы несколько десятков человек.

– Сколько православных храмов в Китае сегодня и каков их статус?

– Многие церковные здания сохранились до наших дней. В последние годы китайские власти предпринимают усилия по их восстановлению. Например, в Харбине отреставрирована Софийская церковь, в ней действует Музей истории города. Там же имеется Покровский собор, но службы в нем проводятся нерегулярно, по разрешению властей. В Шанхае сохранились здания Свято-Богородицкого собора в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных» и Никольского храма. 30 августа 2009 года был освящен храм во имя святителя Иннокентия Иркутского в городе Лабдарине в Автономном районе Внутренняя Монголия, где также проживают этнические русские. Известно, что в 1990–2000-е годы были построены или восстановлены здания православных храмов в городах Урумчи, Кульджа, Харбин. Недавно власти города Уханя выделили значительные средства на реконструкцию храма Святого благоверного князя Александра Невского, открытого в 1893 году в Ханькоу. Особо следует сказать о храме Святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Гонконге, в котором с 2007 года ведутся регулярные богослужения по воскресеньям и в дни престольных праздников. Храм не имеет своего здания и арендует небольшое помещение в высотном доме. Настоятель храма протоиерей отец Дионисий Поздняев периодически проводит богослужения в домовых храмах в Гуанчжоу, Шэнчжэне и других городах Китая. В целом же исторические церкви в Китае не являются действующими, хотя по слухам в них проводятся богослужения со священником из России. Единственным «регулярным» храмом считается Успенская церковь на территории посольства РФ в Пекине.

– Этот храм был сооружен в 1903 году и действовал немногим более полувека. В конце 1950-х его приспособили под нужды советского посольства. В 2009 году по согласованию с китайскими властями отстроили заново и освятили. Этому со-

Б.Н. Горбачев с книгой «Возрождение святыни. Успенский храм на территории российского посольства в Пекине»

人民网
Русский язык
газета «Жэньминь жибао» он-лайн

ПРЕДОСТАВЛЕНО Б.Н. ГОРБАЧЕВЫМ

бытию вы посвятили книгу «Возрождение святыни». Почему вы решили писать о нем?

– Во-первых, потому, что сегодня это единственный действующий православный храм в Китае. В нем свой священник, свои прихожане и службы регулярны. В других местах они могут осуществляться, но по договоренности с местными властями, по праздникам и с приглашенными иерархами. Второе, что меня привлекло, – это что с установления духовных отношений началась взаимная дипломатия двух стран. Первое постоянное посольство России в Китае, под руководством Льва Баллюзека, заработало только в 1861 году. До этого представительские функции осуществляла Русская духовная миссия, прибывшая в Пекин в 1715 году.

Российская духовная миссия (вид сверху). Конец 1930-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО Б.Н. ГОРБАЧЕВЫМ

— Как вы открыли для себя эту тему?

— Я приехал в Китай летом 2004 года и жил на территории посольского городка, где когда-то размещалась Русская духовная миссия. О ней мне было мало известно, ее история у нас не особо описана. В главном здании посольства при входе была небольшая экспозиция с материалами случайных находок, сделанных во время строительства посольства, макетом миссии, портретами ее глав. Из нее я понял, что первые наши ученые-китаеведы, первые дипломаты и переводчики вышли из среды миссионеров. Между тем в Пекине я оказался в гуще жизни православной общины. Периодически из России приезжал священник, чаще всего отец Дионисий Поздняев. Когда он приезжал, организовывались богослужения. Они проходили в клубе или в так называемой Красной Фанзе — самой старинной постройке российского посольства в Пекине, которую китайские власти передали России в 1900 году. Священники облачались в одеяния, ставили иконы на тумбочки и проводили службы. В их отсутствие верующие молились сами. Есть такое понятие — служба мирским чином. Это когда прихожане молятся своими силами, соблюдая порядок богослужения. Но разговоры, что у прихода должно быть свое здание, шли уже тогда.

Крестный ход во время освящения Успенского храма 13 октября 2009 года

— А как возник сам приход?

— Он формировался стихийно. Первые службы прошли в 1996 году, а в 2002–2003 годах община уже имела списочный состав. В конце концов была сформирована инициативная группа, кото-

рую возглавил наш торгпред — тогда это был Сергей Сергеевич Цыплаков. Его уполномоченный встретился с патриархом Алексием II и получил его поддержку.

— Когда в 1950-х миссию закрыли, Успенский храм переделали в посольский гараж. Чье это было решение?

— Его инициатором называют тогдашнего посла, Павла Юдина. Есть документальные свидетельства, что именно Юдин предложил территорию Духовной миссии для строительства нового посольства. Я читал докладную в МИД СССР, написанную его сотрудниками, в ней отмечается ветхость старых построек, в том числе церковных, которые не имеют исторической ценности, и потому их можно переделать под нужды дипломатов. Так и поступили: библиотеку миссии переоборудовали в консульство, Успенский храм — в гараж.

— Во время своего визита в Китай в 2013 году патриарх Кирилл благодарили католическую диаспору за предоставление храмов для православных литургий...

— Такие случаи в Пекине бывали. Католические храмы имеют более свободный режим работы, так как, в отличие от православия, католичество официально разрешено в Китае. Только в Пекине 17 католических храмов, а по всей стране их более 5600, и около 40 католических духовных семинарий готовят священников из числа китайцев. В стране несколько миллионов католиков.

– *А велика ли русская диаспора в Китае?*

– Она небольшая. По данным шестой переписи, 2010 года, китайских граждан русской национальности 15 393 человека. Русские китайцы занимают 43-е место среди 56 национальностей китайского народа, общая численность которого 1 миллиард 339 миллионов человек. Это капля в море, 0,0012 процента. Около 9 тысяч их проживает в Синьцзяне. Там встречаются потомки староверов или русских иммигрантов 1920–1930-х годов. Во Внутренней Монголии живет более 5 тысяч «элосыцу» – китайских русских, потомков смешанных браков. Имеются в Поднебесной и так называемые «непризнанные нацименьшинства». Например, албазинцы, которых, по данным китайцев, сегодня 500 человек. Они проживают в Пекине, Харбине, Тяньцзине и других городах. В Харбине, Шанхае и ряде других мест сохраняются потомки старой русской эмиграции, но их можно пересчитать по пальцам. Невзирая на небольшую численность, представители русской национальности входят в состав местных органов власти и даже Всекитайского собрания народных представителей.

– *В 1920-е годы в Китай бежали десятки тысяч русских эмигрантов. Почему они там не задержались?*

– Для большинства европейцев Китай был и остается непонятной страной. Русские использовали его как перевалочный пункт и довольно быстро разбрелись по свету. Правда, некоторая их часть осела в Харбине, где жизненные условия были благоприятными. Но когда осенью 1931 года сюда пришли японские оккупанты, люди потянулись в Шанхай, Тяньцзинь и другие места. В 1937 году японцы появились и в Шанхае, вытеснив русских и оттуда. По окончании Второй мировой войны спокойствия в Китае не наступило. Продолжалась гражданская война между сторонниками партии Гоминьдан во главе с Чан Кайши и Коммунистической партии Китая во главе с Мао Цзэдуном. После победы китайских коммунистов и создания 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики исход русских продолжился. В 1954 году примерно 5 тысяч человек получили советское гражданство и вернулись в СССР. Другие 5 тысяч русских китайцев, не примирившихся с советским строем, уехали на Запад. Правда, им пришлось долго ожидать своей участи в лагере Международной организации беженцев на филиппинском острове Тубабао, и только благодаря усилиям епископа Иоанна Шанхайского они в конце концов перебрались в Австралию и США. Говоря о русской диаспоре в Китае в наши дни, надо иметь в виду, что по мере развития российско-китайских отношений растет число российских граждан, проживающих в КНР в течение длительного времени. Русские стоят на третьем месте по поставке рабочей силы в КНР, уступая филиппинцам и гражданам Республики Корея. Только в Пекине находится примерно 20 тысяч русскоговорящих граждан из стран СНГ.

– *Сколько среди них православных?*

– Точной статистики нет. По нашим оценкам, их 10–15 тысяч человек, китайцы говорят о нескольких сотнях верующих. У православных приходов не хватает собственных ресурсов для нормальной организации работы. Но главная проблема – отсутствие китайского клира и богослужебной литературы на китайском языке.

– *Освящение Успенского храма в Пекине прошло в 2009 году. В этот день его посетил Владимир Путин, тогда возглавлявший российское правительство. То есть, как и триста лет назад, духовное общение обрело политический смысл?*

– Безусловно, да. Само открытие храма – большая подвижка в двусторонних отношениях. Китайские власти долго не давали добро на строительство. Был поставлен ряд условий, в том числе на использование церковных колоколов, якобы мешавших местным жителям, на допуск верующих из числа китайских граждан. Освящение состоялось рано утром 13 октября 2009 года. В полдень в храме побывал Владимир Путин.

В мае 2013 года в Пекин прибыл патриарх Кирилл. Это был первый визит главы Русской православной церкви в Китай. Председатель КНР Си Цзиньпин принимал патриарха лично и назвал эту встречу историческим событием в российско-китайских отношениях. 8 мая 2015 года на праздновании 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне китайский лидер второй раз встретился с патриархом. Это беспрецедентно.

– *За тысячелетнюю историю у России сложились определенные отношения с разными странами. Например, к французам тяготеем интеллектуально, с поляками в раздоре, болгары нас «предают». А что Китай?*

Второе заседание Российской-китайской группы по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере 19 июня 2012 года в Пекине. В центре – руководитель российской делегации, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Волоколамский Иларион

АНДРЕЙ СЕМАШКО

– Я бы сказал, причем без особой иронии, что «русский с китайцем братья навек». Люди старшего поколения помнят эту популярную в 1950-е годы песню. Когда-то в это верили свято. Потом руководители наших стран разругались вдрызг, до боев на острове Даманском. Сейчас они вновь стоят вместе на трибуне, наблюдая военный парад. В истории наших отношений были разные периоды. Но главное, что остается неизменным, – мы были и остаемся соседями, а, как гласит китайская поговорка, близкий сосед лучше дальнего родственника. В нашем общем прошлом накопилось немало проблем и обид. Сохраняется взаимное недоверие от ошибок прежних эпох, возникают новые вопросы, порождаемые суверенными интересами каждой из стран. Но в проблемах прошлого пусть разбираются историки. Нельзя, глядя все время назад, двигаться вперед.

– Вы проработали в торгпредстве РФ в КНР пять лет. На бытовом уровне что китайцев в нас восхищает и что отвергают?

– Китай разнороден. Это южане и северяне, люди с разной культурой, обычаями и вероисповеданиями. У них разный опыт взаимодействия с Россией, и китайские оценки русских далеко не одинаковы. В целом же китайцы относятся к russkим доброжелательно. Им нравится наша природа, культура и искусство, особенно песенное. В нас ценят физическую красоту, гостеприимство, решительность, удаль, открытость характера, патриотизм, готовность к героическим поступкам. При этом в сознании китайцев бытует мнение, что russкие отличаются ленцой, безответственны, могут крепко выпить. Никуда не делось традиционное недоверие к russким как к инородцам. Китаец pragматичен, всегда себе на уме и уверен, что сам знает, что ему нужно. Он не нуждается в советах иностранца, хотя никогда не упустит шанса взять от него все полезное.

– Если характеризовать наши отношения с Китаем в последние годы, насколько мы преуспели? Можно ли сказать, что никогда прежде мы не были столь близки?

– Действительно, сегодня у нас с Китаем хорошие отношения. На официальном уровне их называют «беспрецедентно высокими». Но я с этим не согласен, в 1950-е годы мы были ближе. Советский Союз назывался Лао да-гэ, «старшим братом», с которого китайцы брали пример во всем. Сейчас, похоже, роли поменялись, больше пряников от нашего сотрудничества получает Китай. Поэтому для нас важно отстаивать баланс интересов, хотя делать это с каждым годом становится труднее. Люди, придумавшие порох, плохо гнутся. А у нас в делах с китайцами появляется все больше воска. Под сурдинку «разворота на Восток» мы начинаем вредить своим долгосрочным интересам.

– И каковы перспективы этого сотрудничества?

– Многое зависит от нас самих, от наших руководителей. Чем сильнее будет экономика и армия России, чем привлекательней для россиян станут процветающие и крепнущие Сибирь и Дальний Восток, тем более успешным и равноправным будет диалог с Китаем. ●

КРЕПОСТЬ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

В АВГУСТЕ НА МИРОНОСИЦКОМ КЛАДБИЩЕ ПСКОВА ОСВЯТИЛИ КРЕСТ, УСТАНОВЛЕННЫЙ В ПАМЯТЬ О РУССКИХ ВОИНАХ-ПСКОВИЧАХ, ПОГИБШИХ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. ЧИН ОСВЯЩЕНИЯ ПРИУРОЧИЛИ КО ДНЮ, КОГДА СТО ЛЕТ НАЗАД, 6 АВГУСТА 1915 ГОДА, ПРИ ЗАЩИТЕ КРЕПОСТИ ОСОВЕЦ ОТДАЛ ЖИЗНЬ ОТЕЧЕСТВУ ПОДПОРУЧИК ВЛАДИМИР КОТЛИНСКИЙ.

«ДАНОЕ ЧУВСТВО» в советском человеке воспоминали тщательно и настойчиво. Теперь этот рефлекс прочно встроен в национальный генетический код. Правда, с каждым годом количество памятных дат и знаковых дней календаря увеличивается, что несколько затрудняет пунктуальное следование этому рефлексу. Молодые поколения, не прошедшие суровую советскую среднюю школу и оттого невнятно реагирующие на вопросы вроде «Когда началась Первая мировая война?», подчас пребывают в некотором смятении. Но рефлекс свое дело знает, и стоит старшим товарищам возвзывать, как он немедля пробудит, подтолкнет и духовно объединит с очередной особенной датой в истории Отчизны. И нет в этом ничего пло-

хого. Я бы даже сказал – имеется одно только хорошее. При условии, что прежде, чем всякий новый праздник или скорбный день приобретет социальный масштаб, политики, историки, пропагандисты, публицисты и прочие ответственные за национальные мозги еще раз все проверят, уточнят, проанализируют и сформулируют. Дабы не обмануть и самим не обманываться.

АТАКА «МЕРТВЕЦОВ»

6 августа 1915 года русские солдаты, защищавшие крепость Осовец, совершили подвиг. В 4 часа утра германцы открыли вентили тысяч газовых баллонов, и дувший с северо-запада ветер потащил в сторону русских окопов зеленое облачко ядовитого хлора. В считанные минуты три передовые роты 226-го пехотного Землянского полка, державшие так называе-

мую Сосненскую позицию, перестали существовать. До половины личного состава потеряли и остальные роты на рубежах по берегу реки Бобр. Немецкие цепи трех полков поднялись в атаку. 7 тысяч солдат кайзера пребывали в полной уверенности, что на русских позициях сопротивления не будет, и многочисленное топтанье под валами русской крепости наконец-то завершится блестательной победой.

Пока все так. Но вот дальше... Дальше героическую реальность кто-то и зачем-то решил подменить поп-патриотической легендой. Прочь всякие лишние факты, утяжеляющие конструкцию мифа! Долой специфические, понятные только подготовленным людям детали! Даешь публицистический пафос и телекартинку, вводящую в раж и выдавливающую слезы! И тогда... «в контратаку поднимутся отравленные, шатающиеся, содрогающиеся от кашля, выплевывающие куски легких на окровавленные гимнастерки солдаты – остатки 13-й роты Землянского полка в количестве 60 человек». И дрогнут германские полки числом в 7 тысяч, и побегут от штыкового боя со вставшими из преисподней. И назовут это все «Атакой мертвцевов». Назовет, между прочим, в начале XXI века некий журналист Владимир Воронов, насытивший свой текст «литературными подробностями». Словосочетание придумано не им, а участником обороны Осоваца военным инженером Сергеем Хмельковым. Но вот нюанс: у Хмелькова – атака «мертвцев», у Воронова – «атака мертвцев». Это не бестолковая игра со знаками препинания. Русский язык на то и великий, что за всякой разницей в формах скрывает глубокие смыслы. В 1921 году выпускник Николаевской инженерной академии и к тому времени уже советский офицер Хмельков публикует статью, в которой впервые рассказывает о героической обороне Осоваца, и в частно-

сти о контратаке рот землянцев 6 августа 1915-го. В 1939 году автору, несмотря на весьма прохладное отношение властей к теме Первой мировой войны, удается выпустить книгу «Борьба за Осовец», в которой он уже подробно пишет и о самой крепости, и о том, как ее гарнизон защищал рубежи Отечества. Ранее, в 1917 году, были изданы заметки также служивших в Основце в 1915 году полковника Всеволода Буняковского, командира 225-го пехотного Ливенского полка, входившего в 57-ю пехотную дивизию, и есаула Михаила Свечникова, занимавшего должность старшего адъютанта штаба крепости. В обоих случаях подвиг русских пехотинцев-землянцев описан ясно и с военной скрупулезностью. Жестокая газовая атака готовилась немцами загодя. Ждали только попутного ветра. И когда дождались, медлить не стали. Но чтобы понять, как выглядел этот бесчеловечный опыт, надо погрузиться в подробности. Девять передовых рот землянцев и ополченцев находились на позициях, защищавших подходы к крепости со стороны Бобра на противоположном берегу реки. Две линии обороны надежно прикрывали перевправы к трем главным фортам Основца, железнодорожную ветку, ведущую в крепость, и форт №2 Заречный. Эти линии растянулись на несколько километров и в юго-западной части получили название «Сосненская позиция» – по

Сергей
Александрович
Хмельков
(1879–1945),
военный
инженер-
фортификатор,
профессор,
генерал-
лейтенант

деревне Сосня, находившейся на левом фланге.

После химической атаки три полка немцев поднялись в атаку обыкновенную. 5-й ландверный пехотный полк двинулся на Сосню, которую обороняла 12-я рота землянцев. В газовом облаке сгинула большая часть роты, но четыре десятка человек, оставшихся в живых, открыли дружный огонь, и атака совершенно не ожидавших сопротивления германцев захлебнулась.

На нашем правом фланге наступали батальоны 76-го ландверного полка. По центру – пехотинцы 18-го ландверного полка. Уместно сказать, что 76-й полк рванулся в бой слишком энергично и тоже попал в облака хлора, еще не успевшего раствориться в воздухе. Потери составили более тысячи человек. Тем не менее германцы продолжали движение. В Заречном форте находился резерв – 8-я,

13-я и 14-я роты Землянского полка. Их-то и бросили остановить немцев. Форт №2 был также задет газовой атакой. В 8-й и 13-й ротах оставалось до половины личного состава. 14-я рота пострадала меньше (списочный состав пехотной роты в Русской императорской армии – 240 человек. – Прим. авт.). 13-й роте выпала участь контратаковать 18-й полк, двинувшийся в узкой полосе между железнодорожным полотном и параллельным ему Рудским каналом. До соприкосновения с врагом русским солдатам предстояло преодолеть 2 километра. Не уверен, что наш публицистический знакомец Воронов, будучи отравленным настолько, что «выплевывать куски легкого на окровавленную гимнастерку», смог бы добраться до немецких пехотинцев и броситься в штыковую. Пока роты шли на сближение, командующий гарнизоном Основца генерал-майор Николай Бржозовский отдал приказ крепостным батареям открыть беглый огонь по бывшим русским линиям обороны, занятым немцами. Тот самый Бржозовский, что отдал приказ повесить германского «парламентера», намеренно сдавшегося в плен, чтобы сделать комендантту предложение, от которого он, по мнению немецких генералов, «не мог отказаться», – сдать крепость за взятку в 500 тысяч марок.

Однинадцать батарей обработали окопы как следует. И едва лег последний снаряд, сквозь облака дыма и пыли обалдевшие германцы увидели силуэты русских пехотинцев, бегущих в контратаку со штыками наперевес. Бегущих с такими лицами, что последнему прусскому новобранцу стало ясно – этих не остановить. Один из очевидцев атаки рассказал корреспонденту газеты «Русское слово»: «Я не могу описать озлобления и бешенства, с которым шли наши солдаты на отравителей-немцев. Сильный ружейный и пулеметный огонь, густо рвавшаяся шрапнель не

Генерал
Николай
Бржозовский
с чинами
111-й пехотной
дивизии

могли остановить натиска рас- свирепевших солдат. Измучен- ные, отравленные, они бежали с единственной целью – разда- вить немцев. Отсталых не было, торопить не приходилось ни- кого. Здесь не было отдельных героев, роты шли как один че- ловек, одушевленные только одной целью, одной мыслью: погибнуть, но отомстить под- лым отправителям».

Немцы дрогнули. При бегстве к своим окопам вновь понес- ли потери. Теперь уже – на собственных проволочных за- граждениях от ружейного огня русских. Не выдержали артилле- рийской обработки и пехотного контрудара и ландверцы 76-го полка, атакованные 8-й и 14-й ротами землянцев.

Вернемся к генералу Красной армии Хмелькову. Назвав рус- ский удар атакой «мертвецов», Сергей Александрович сказал ровно то, что хотел сказать. А именно: немцы были разби- ты потому, что контратака рус- ских резервных рот стала для них полной неожиданностью, так как они были уверены в том, что хлор «зачистил» всех без исключения. А про «кусочки легких» и «окровавленные гимнастерки» генерал ни сло- ва не написал. Равно как и Бу- няковский со Свечниковым. По поводу результатов боя Хмель- ков отметил, что «три полка германцев были отброшены на прежние позиции». Но опять- таки защитник Осовца не пи- сал о том, что 7 тысяч немцев бежали от 60 «мертвецов» 13-й роты. А ведь именно так пыта- ются трактовать события не- некоторые современные авторы. В августе этого года довелось то ли услышать в программе ТВ, то ли прочитать на каком-то особо старательном порта- ле, что 6 августа под Осовцом отравленные газом пехотинцы 13-й роты разбили германский корпус, то бишь две дивизии. Как там в пословице – заставь дурака Богу молиться?.. Иных и заставлять не требуется: в исто- рической истерике пребывают постоянно.

НА БЕРЕГУ БОБРА

Итак, наступление на Осовец 6 августа 1915 года было ликви- дировано благодаря двум факто- рам. Первый – профессиональ- ное управление командующего гарнизоном вверенными частя- ми, и прежде всего крепостной артиллерией. Второй – муже- ство, стойкость и выучка рус- ского солдата. В доказательство того – сухие цифры. Безвозврат- ные потери нашей стороны в тот день составили не более 650 сол- дат и офицеров в 12 ротах, зани- мавших позиции по реке Бобр. А теперь стоит поговорить об этих позициях, о реке Бобр и о самой крепости Осовец. По ка- кой причине эта местность на северо-востоке Польши не да- вала покоя штабистам герман- ского Восточного фронта, а те, в свою очередь, гнали на штур- мы Осовца целые дивизии?

О необходимости построить тут основательное укрепление в России задумались еще в 80-х го- дах XIX века. Хотя первые фор-тификационные постройки по- явились еще в конце XVIII века. Два десятка верст до границы с Восточной Пруссиею. Брод через Бобр, известный еще со времен

короля Карла XII и потому но- сивший название Шведский. До- рога, которая вела на Белосток, Гродно, Минск, Kovno (Каунас), то есть внутрь империи. Поставь тут крепость на высоком восточ- ном берегу Бобра – и врагу ни- как не вырваться на оператив- ный простор из тамошних болот и лесов. Так и сделали.

Крепости Первой мировой вой- ны – это отдельная тема. Они мало напоминали цитадели из киносаги режиссера Джексона о властелине колец. Немно- го общего было у них со сред-невековыми замками Европы и нашими русскими кремлями. Осовец – яркий тому пример. По сути, крепостью называли комплекс различных укрепле- ний – от бетонных капониров до полевых блиндажей, разброс- санных на внушительной тер- ритории и привязанных к осо- бенностям ландшафта.

Долина узкой, не более 50 мет- тров, реки Бобр, впадающей в Неман, являлась серьезной есте- ственной преградой, так как в обе стороны от русла тянулись заболоченные пространства. Когда – на 2–3 километра, когда на все 15. Восточный берег на 15–20 метров выше западного, и с него подходы к Бобру пре-красно просматривались и про- стреливались. Все это военные инженеры учили и предложили следующий план: возвести че- тыре автономных форта (один – на западном берегу для при-крытия железной дороги). Три восточных под номерами 1, 3, 4 связать гласисами – насыпны- ми наклонными валами, а так- же рвами и каналами. Из-за не-хватки свободных территорий насытить форты закрытыми и открытыми артиллериис- кими площадками, подвалными тоннелями, складами и прочая. Избыток пехоты в случае войны размещать не только в фортифи- кационных сооружениях, но и в поле, в окопах. В частности, на той самой Сосненской позиции. К 1914 году успели построить и даже модернизировать почти все задуманное. Оставил недостро- енным пятый форт, выдвинутый

Михаил
Степанович
Свечников
(1881–1938),
подполковник
Русской
императорской
армии, военный
историк

далеко на юго-запад. И полевые укрепления оставляли желать лучшего. Гарнизон Осовца состоял из одного полка пехоты, саперного батальона и двух батальонов артиллерийской прислуги, количество орудий – около 200, из которых крайне малое число имело крупный калибр. Только в начале 1915 года гарнизон крепости был усилен потрепанными в боях полками 57-й пехотной дивизии.

Сергей Хмельков, который в качестве военного инженера и занимался последними преобразованиями в крепости, оценивал ее состояние перед войной так: «Значительное количество необходимых фортификационных сооружений, которые в мирное время, за отсутствием кредитов, не были построены из брони и бетона, были построены в мобилизационный период и во время осады из камня, дерева, земли и даже бетона. Кадры крепостного строительства мирного времени, влитые в Управление начальника инженеров крепости и усиленные саперными ротами, рабочими дружинами и рабочими из строевых частей, быстро освоили новые методы фортификационных работ и за 50 дней мобилизационного периода создали новые позиции на флангах крепости и усилили существующие – Заречную и Главную».

ТРИ ШТУРМА

Первый штурм не заставил себя ждать. Немцы свалились с северо-запада уже в сентябре 1914-го. По крепостной классификации Осовец имел всего лишь 3-ю категорию и в представлениях германских генералов должен был стать довольно легкой добычей. Знаменитый тандем Гинденбург–Людендорф хоть и считается лучшими немецкими военачальниками Первой мировой, тоже ошибались. Но что б так! Чтоб ошибка растянулась без малого на год! После шестидневного обстрела немцы пошли на штурм, но крепостная артиллерия их быстро успокоила. Оборонцы Осовца вывели из строя до 6 тысяч сол-

Владимир Николаевич Войков (1868–1947), дворцовый комендант, генерал-майор

дат противника убитыми и ранеными. И германцы перешли к планомерной осаде.

К слову, именно крепость Осовец стала первым местом в зоне боев, которое посетил император Николай II. Вот что написал об этом событии в мемуарах «С царем и без царя» дворцовый комендант генерал Владимир Войков, сопровождавший государя: «В день посещения крепости Его Величеством шел бой в 12 верстах от форта Осовца, только геройски отбившего штурм германской армии, засыпавшей весь район своими «чемоданами» (так назывались снаряды тяжелых орудий. – Прим. авт.). Комендант крепости генерал Шульман, только утром предупрежденный о выезде государя в крепость, едва успелдать приказание о вызове команд и выехать навстречу Его Величеству в направлении Довнара. Посещение Осовца началось с собора, где в начале молебна пел только один солдат – церковный сторож, остальные же певчие постепенно прибегали по одному. По окон-

Пауль фон Гинденбург (слева) и Эрих Людендорф (справа) в штабе

Генерал-лейтенант Шульман (1861–1918)

чании службы государь милостиво обратился к священнику с вопросом: «Вы, батюшка, не тревожились сильной бомбардировкой?» На что священник ответил: «Никак нет, Ваше Величество. Мне только скучно стало, когда снаряды стали близко ложиться, и я тогда пошел в храм». После собора государь обошел несколько фортов и благодарил построенные в разных местах крепости команды. Команданту и наиболее отличившимся офицерам и солдатам были пожалованы Георгиевские кресты. Это посещение, отличавшееся неожиданностью и простотою, произвело самое отрадное впечатление как на государя, так и на героев Осовца; а когда слух о нем распространился по России, то составилась легенда, что царь сам наводил в Осовце пушку, от выстрела которой погибли сотни «германов». Тут вновь стремительно накинулась на сознание нервная современность. Из статьи в статью, что посвящены обороне Осовца, перебирается рожденный каким-то арифметиком от публицистики тезис: крепость выдержала три штурма – в сентябре 1914-го, в феврале–марте и в августе 1915-го, и ее героическая защита продолжалась... 190 дней. Не знаю, на какой планете год состоит из 190 дней, но точно не на нашей. Думаю, начальник главного штаба Восточного фрон-

Атака
«мертвецов»
под крепостью
Осовец

та Эрих Людендорф, в течение года имевший прямое отношение к планам по взятию Осовца, со мной согласился бы.

Сообразив, что с наскока взять твердыню не выйдет, немцы приняли решение стереть ее вместе с гарнизоном с лица земли. Еще поздней осенью 1914 года к Осовцу подтянули австро-венгерские пушки «Шкода» калибра 305 миллиметров, швырявшие свои «чемоданы» весом в 300–400 кило на расстояние до 11 километров. «Чемоданами» эти снаряды-гиганты прозвали с присущим окопной жизни оструумием русские солдаты. А к февралю 1915 года не-подалеку от передовой обнаружилась батарея «Больших Берт»: четыре мортиры-монстра с калибром 420 миллиметров. Они были способны послать снаряды весом до 900 килограммов на 14 километров. Прицельная дальность чудовища – 12,5 километра. Вообще-то «Большая Берта» – это не совсем точный перевод с немецкого. На заводах Круппа пушку в честь весьма доброй Берты Крупп, наследовавшей империю после смерти отца, назвали Dicke Bertha, то есть «Берта-толстушка». Впрочем, суть-то одна. «Берту» инженеры Friedrich Krupp AG выдумывали довольно долго. Первый вариант, «Гамма», появился еще в 1904 году, но потребовал различных доработок. Главная претензия заключалась в том, что у «Гаммы» были проблемы с мобильностью. Перевозить и монтировать на позициях 140-тонную мортиру оказалось трудно, дорого и долго. В итоге к нача-

лу Первой мировой войны был создан новый вариант. «Берта» весила всего 42 тонны, могла перемещаться на собственном колесном лафете, а ее эффективность превзошла все ожидания. 6-метровый ствол отправлял противнику снаряды, оставлявшие воронки диаметром до 25 метров и глубиной 3–4 метра. Казалось, такой моши никто и никто не сможет противостоять.

Апробировали «Берту» в августе 1914 года в Бельгии при атаке на форты крепости Льеж. 12 фортов, заливших бетоном, считались неприступными, но через считанные дни бомбардировки двумя «Бертами» при поддержке гаубиц «Шкода» все они были либо разрушены, либо сдались со страху. Вот это супероружие в количестве четырех штук немцы притащили под Осовец в феврале 1915 года. А вдобавок к ним еще 64 пушки крупного калибра. Из них – 16 «Шкод». За две недели бомбардировки форты накрыли 250 тысяч снарядов. Некоторые участки были перепаханы так, что состояли из одних громадных воронок. Русским солдатам пришлось перебрасывать через них само-

«Большая
Берта»

дельные мостки, иначе перемещаться было невозможно.

Германская разведка обладала данными об ограниченных возможностях крепостной артиллерии Осовца. А потому немецкие артиллеристы молотили по фортам без всякой опаски. Не знала разведка только об одном. В Осовец тайно перебросили два морских орудия Канэ. Эти пушки, созданные в конце XIX века для боевых кораблей и береговых батарей, выглядели по сравнению с «Бертой» скромно: калибр – 150 миллиметров, вес снаряда – 40 килограммов... Но вот были у пушки Канэ две особенности. Ее снаряд без проблем улетал на 11 километров, и таких снарядов пушка в минуту отправляла аж 10 штук! Короче говоря, когда орудия Канэ открыли огонь, «Бертам» пришлось туго. Две из них «заболели» серьезно, на грани жизни и смерти, вторую пару от греха подальше отправили в тыл. Вышли из строя еще шесть крупнокалиберных орудий. 5 марта от Осовца на время отстали. На Восточном фронте «Большие Берты» больше не появлялись. Есть данные, что в войне приняли участие 12 «Толстушек», больше Германия привести не успела. Так вот, подбито было только два орудия. Те самые, в Осовце!

О третьем штурме крепости говорят обычно в контексте событий 6 августа 1915 года. Но начался он еще в июле. А завершился тем, что взять крепость немцам так и не удалось. Вопреки утверждениям все того же Людендорфа, писавшего в мемуарах о том, что «крепость пала». Наши войска оставили Осовец согласно приказу свыше. Так требовала стратегическая обстановка. И это не фигура речи, вуалирующая «позорную сдачу». Обстановка действительно требовала того, чтобы линия фронта была выровнена. Из Осовца русские части ушли организованно, спокойно, взорвав все, что невозможно было увезти в обозах. Немцы вошли в оставленную крепость 25 августа 1915 года.

БЕЗЫМЯННЫЙ ЧАСОВОЙ И ПОДПОРУЧИК

До сих пор живет и будоражит умы еще одна легенда, связанная с крепостью Осовец. В 1924 году, когда на территории крепости польские саперы вели работы, в одном из подземных тоннелей форта №1 они нарвались на окрик: «Стой, кто идет!» На русском языке. Спустя некоторое время польскому офицеру, знавшему русский язык, удалось убедить человека из тьмы покинуть невидимый пост и выйти на божий свет. Перед польскими саперами предстал солдат в свежей форме Русской императорской армии со смазанной трехлинейкой и при полном патронташе. Правда, заросший, мягко говоря, не по уставу. Черные космы свисали до пояса. Едва выйдя к солнцу, подземный часовой моментально ослеп. Позже в Варшаве врачи-окулисты определили, что зрение странным человеком потеряно навсегда. Польские газеты писали о том, что в Осовце обнаружили солдата, который... девять летостоял в карауле на охране подземного склада. Сообщали о том, что не сразу он отказался от поста, требуя приказа вышестоящего начальника. Что питался консервами и сгущенным молоком. Что отмечал дни своего заточения своеобразными банными днями, когда раз в неделю переодевался в чистое белье и форму, которых на складе было в достатке. Солдату якобы предложили остаться в Польше как живому воплощению идеала воинской службы, но он предпочел вернуться в Россию, уже превратившуюся в Советский Союз. Засим следы его и потерялись.

Дыма без огня не бывает. Но вот что любопытно: ни в одном источнике не сохранилось ни имени, ни фамилии, ни звания, ни названия полка, в котором служил этот удивительный человек. Согласитесь, странно, что польские журналисты, писавшие об этой истории, не поинтересовались очевидным. Не по-репортерски как-то. Но еще более странно, что данные сол-

Подпоручик
Владимир
Котлинский

дата не зафиксировали армейские и полицейские чины, наконец, представители дипломатических служб двух стран. Пребывая в Польше, этот русский солдат где-то жил, что-то ел, кому-то отвечал на протокольные вопросы. А уж при передаче на границе его уж точно как-то зафиксировали бы обе стороны. Но... Подвиг его бесмертен, а имя его неизвестно. Легенды на то и легенды, чтобы воспитывать. Вспомним про 300 спартанцев и Евпатия Коловрата. Однако превращать легенду в исторический факт – значит обрекать людей, не обремененных исторической неврастенией, на сомнения.

Факт подвига подпоручика Владимира Котлинского никаким сомнениям не подлежит. Это следует из наградного листа, согласно которому Владимир Карпович посмертно награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, из полкового журнала 226-го пехотного Землянского полка, к которому он был прикомандирован в 1914 году после выпуска из военно-топографического училища в тогда еще Санкт-Петербурге.

Зашитники
крепости Осовец

Так вышло, что утром 6 августа 1915 года строевых офицеров в 13-й роте не оказалось. Выбыли после газовой атаки немцев. Но приказ был получен, и кто-то должен был вести роту в контратаку. Этим «кто-то» и стал подпоручик Котлинский, не имевший при себе даже штатного оружия. Один бинокль – вот и вся «огневая мощь». 21-летний подпоручик вывел роту на «передок» и двинулся вместе с солдатами на германцев. Уже в конце боя, когда «минутная победа швырнула нас через окоп», Владимир был смертельно ранен разрывной пулей в бок. Никаких легенд и мифов. Только скучные строки полкового журнала военных действий за 1915 год. И несколько абзацев из уже цитированной статьи в «Русском слове»: «Я знаю одного героя – выдающегося героя – этой атаки. К Н-скому полку в начале войны был прикомандирован только что окончивший военно-топографическое училище юноша подпоручик Котлинский. Этот человек, кажется, совершенно не знал, что такое чувство страха или даже чувство самосохранения. Уже в прошлой работе полка он много принес пользы, командуя одной из рот. <...> В минуту адского, невероятного обстрела он, ориентируясь, спокойно осматривал отдельные места боя и отдавал соответствующие приказания. И наряду с этой безумной, беззаветной отвагой он берег жизнь своих людей. Когда участок полотна железной дороги был нами пройден, когда до немцев оставалось 300–400 шагов, Котлинский приказал роте залечь под холмом, а сам вышел под ураганным огнем противника на открытое место и в бинокль осмотрел расположение его сил. Он принес себя в жертву своей роте. Выбранное им место для атаки оказалось удачным. Немцы не выдержали бешеного натиска наших солдат и в панике бросились бежать. Они даже не успели унести или испортить находившиеся в их руках наши пулеметы». Согласитесь, ничего лишнего.

САМЫЙ СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

С НОВЫМ ГОДОМ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ! ВЫ УДИВЛЕНЫ? ВЫ СПРАШИВАЕТЕ, С КАКИМ НОВЫМ ГОДОМ ПОЗДРАВЛЯЮТ ВАС В СЕНТЯБРЕ? ДА С САМЫМ НАСТОЯЩИМ – С САМЫМ СТАРЫМ НОВЫМ ГОДОМ!

В МОСКОВСКОЙ РУСИ было принято отмечать Новый год 1 сентября по юлианскому календарю – 14 сентября по григорианскому. Этот праздник назывался Новолетием. Он пришел к нам из Византии вместе со строгими канонами православия.

С Новолетия начинались святы – церковные календари. А других календарей в старину на Руси и не было. В XVII веке святы печатались как приложение ко многим богослужебным книгам – псалтырям, часословам и часовникам. Такие книги были широко распространены и имели большое значение для наших предков. Ведь именно по святым называли детей. И все святы начинались словами: «Месяца сентября в первый день – начало индикту, сиречь новому лету».

ПЕРВЫЙ ЕСТЬ В МЕСЯЦАХ МЕСЯЦ

Кстати, празднование Новолетия в сентябре было византийским обычаем. Древние римляне, исторические и культурные предшественники византийцев, отмечали Новый год в начале марта. Историк Лев Чепренин писал в книге «Русская хронология», что на Руси «до 1492 года, как полагают исследователи, оба стиля существовали параллельно. С 1492 года завоевывает преобладание сентябрьский стиль, вытесняющий мартовский».

Память о римском мартовском Новом году сохранилась в тех же святых. Из них мы узнаем, что март – «первый есть в месяцах месяц». Далее объясняется, что в марте Бог сотворил «начало бытий свет сей видимый» и первого человека. В марте же свершилось Благовещение – Господь, «не отступль престола величества Своего», сошел на землю и «в Пречистом чреве Преблагословленная Дева Мария... плоть Себе истка непостижимо».

Как праздновали мартовский Новый год, мы не знаем. Но 1 сентября совершалось особое богослужение с молебном, крестным ходом и водосвятием, предписанное церковным уставом, также пришедшим к нам из Византии.

Сохранилось немало сведений о торжестве Новолетия в Москве. Подробно рассказывают о нем книги XVII века: «Большой потребник» – сборник молитвословий на разные случаи и «Дворцовые разряды» – своеобразные хроники придворной жизни.

В первый день сентября из теремов на молитву в Благовещенский собор отправлялся царь в многоценном праздничном одеянии, окруженный нарядными придворными. Бояре и дворяне были «в золотом платье и в шапках горлатных», рынды (царские телохранители) – «в белом платье», а стрельцы – «с ружьем, в цветном платье».

Царский пир
в Грановитой
палате
Московского
Кремля.
Сытенный двор.
Литография

В это же время в Успенском соборе молился патриарх с многочисленным духовенством. После заутрени святитель вычитывал особые новогодние молитвы и в сопровождении священников и диаконов, несших Евангелие, крест, иконы и кадила, под звон колоколов выходил на Соборную площадь.

Здесь, у Архангельского собора, было устроено «уреченное место» – специальный помост, устланный персидскими коврами. На нем стояли аналои для Евангелия и икон, а также столик с чашей для освящения воды.

Государь и патриарх поднимались на помост. Совершалось водосвятие, сопровождаемое чтением из Библии. Заканчивалось оно тем, что святитель «здравствовал» царю – произносил установленное поздравление: «Здравствуй, государь, нынешний год и в предбудущие многие лета в род и род и во веки».

Вообще, современному человеку это поздравление показалось бы излишне откровенным и смелым. Патриарх желал царю не только «многолетнего здравия» и «умножения лет жизни», но и «победы, крепости, храбрости и одоления» над всеми врагами «видимыми и невидимыми» – «над бесерменством и над латыньством», то есть над мусульманами и латинянами. Святитель желал победы над турками и поляками – давними врагами Московского царства. Для XVII века это было нормально. Но в наши дни такое поздравление вряд ли произвучало бы с экранов телевизоров или по радио.

После поздравления царь приглашал светские и духовные власти к себе на пир, обычно устраивавшийся в Грановитой палате. Царица с ближними боярынями трапезничала в Золотой палате.

ПО ИНОСТРАННЫМ ЧЕРТЕЖАМ

Что же подавали на праздничный стол? В «Дворцовых разрядах» нет описания царской трапезы, но, несомненно, она была великолепной. По обилию яств ей ничуть не уступал новогодний обед патриарха.

Для примера перечислим лишь некоторые кушанья, поданные 1 сентября 1698 года патриарху Адриану: шесть папошников (хлебов), четыре «пирога долгих с яйцами», оладьи путные, пироги подовые, пироги-сырники, яичница, сбитень, щи и две ухи, икра зернистая, вязига под хреном, две шуки-колодки, полголовы белужьи, полголовы осетровые, рыба паровая (судак, лещ, язь, стерлядь) и рассольная (лещ и окунь). Но, наверное, главным украшением стола было блюдо с загадочным названием «кавардак».

На праздник Новолетия самодержец награждал своих приближенных – «жаловал для своей государской всемирной радости». Жаловались либо чины, либо деньги, либо ценные подарки. Например, в 1667 году царь Алексей Михайлович пожаловал митрополитам и епископам «по кубку, по атласу, по сороку соболей». Этот подарок скромен по сравнению с собольей шубой «под бархатом золотым» стоимостью 365 рублей 20 алтын, серебряным позолоченным кубком и 140 рублями, пожалованными в 1671 году воеводе Юрию Алексеевичу Долгорукому за подавление восстания Стеньки Разина. А в 1674 году царь раздавал «боярам по 100 рублей, окольничим по 70 рублей, думным дворянам по 50 рублей».

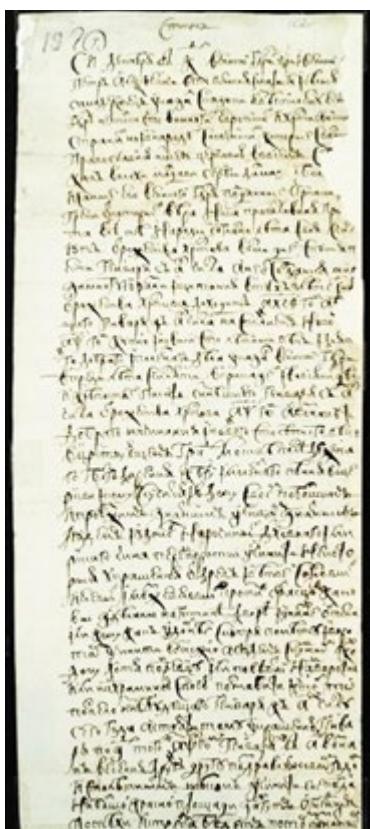
Все эти патриархальные, немножко восточные обычай русского сентябрьского Новолетия были отменены Петром I, пытавшимся перекроить Москвию по европейскому лекалу. Суть петровских нововведений верно подметил граф А.К. Толстой, иронически описавший в стихах нашу историю «от Гостомысла до Тимашева». Заботясь о порядке на Руси, Петр молвил:

Святцы

«Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец.
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!
Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.
Вернувшись оттуда,
Он гладко нас обрил,
А к святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил.

В августе 1698 года царь вернулся в Россию из Великого посольства – длительной дипломатической поездки по Европе. На чужбине Петр насмотрелся на иноземные обычаи. Они и раньше нравились ему. А теперь государь решил неизменно перестроить все Московское царство по английским и голландским чертежам.

Рукопись Указа
Петра I №1736
от 20 декабря
1699 года
«О праздновании
Нового года»

С СЕНТЯБРЯ НА ЯНВАРЬ

Одно из важнейших европейских преобразований Петра – введение нового летоисчисления и перенос начала года с сентября на январь.

Царский указ, объявленный в Москве 20 декабря 1699 года, гласил: «Известно ему, великому государю, стало: не только что во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с восточною православною нашею Церковью во всем согласны <...> все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова в восьмой день спустя, то есть января с 1 числа, а не от создания мира <...> И ныне от Рождества Христова доходит 1699 год, а будущего января с 1 числа настает новый 1700 год, купно и новый столетний век. И для того доброго и полезного дела указал впредь лета счислять в приказах и во всяких делах и крепостях писать с нынешнего января с 1 числа от Рождества Христова 1700 года». Указ повелевал москвичам встречать праздник торжественно, с перезвоном колоколов, пушечным и ружейным салютом, поздравляя друг друга «с Новым годом и столетним веком». Горожанам также повелевалось на улицах и в домах «учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, елевых и можжевеловых».

С самого начала празднству был придан религиозный характер. В новогоднюю полночь во всех столичных церквях началось всенощное бдение, завершившееся поутру литургией и молебном. Сам Петр с придворными присутствовал в Успенском соборе на богослужении, совершившемся «со всем духовным великолепием».

Когда во время молебна было возглашено многолетие царской семьи, по всему городу начался колокольный звон и пушечная пальба. Потом участникам торжества, священнослужителям и придворным, предложили праздничную трапезу, на которую бояре должны

были явиться с женами и в «немецком платье». Простолюдины угощали на улице вином и пивом.

И бояре, сидевшие в кремлевских хоромах в куцых голландских кафтанишках, и простой народ, выпивавший на морозе за государев счет, шепотком поругивали царя. Виданное ли дело, простой смертный, пусть и всероссийский самодержец, переносит начало года с сентября на январь. На что дерзнул! На кого руку поднял! На самого Бога! Может, не царь это вовсе, а богоуборец-антихрист?

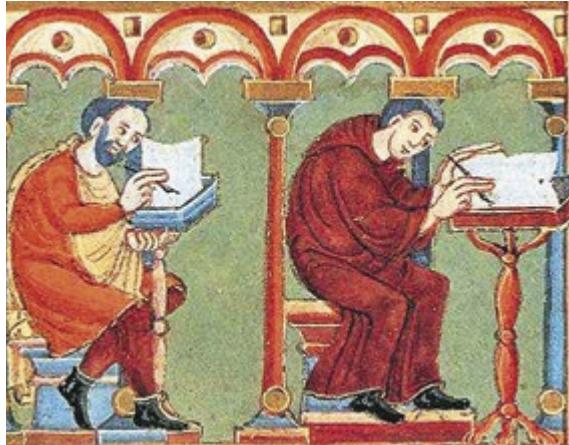
Вскоре эту мысль развили проповедники-староверы. Они приравняли календарные изменения к уничтожению патриаршества в 1700 году. В одной старообрядческой рукописи читаем: «Ясно видим, царь дерзнул и до закона. Первое – уничтожил патриаршество, а потом и Новолетие [перенес] от сентября на январь».

Петр, желая отвлечь подданных от непозволительных мыслей, повелел устроить в столице «фейерверки с великим множеством разных потешных огней, с последствием от многочисленных пущечных выстрелов громом».

Москвичи глохли от салюта, вздрагивали от взрывов невиданных шутых, расцвечивавших вечернее небо, и с грустью вспоминали, как степенно и чинно встречал новое лето Господне отец Петра, «тишайший» государь Алексей Михайлович.

Впрочем, русские люди обвиняли Петра не только в том, что он перенес начало года с сентября на январь. Обвиняли и в том, что он украл у Бога восемь лет, переменив летоисчисление. Ведь по православному (византийскому и русскому) церковному календарю шел 7208 год от Сотворения мира и 1708 год от Рождества Христова. А предлагалось праздновать «новый 1700 год, купно и новый столетний век». Люди спрашивали: куда царь дел восемь лет?

Действительно, куда дел?

С НОВЫМ ГОДОМ!

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется углубиться в исторические дебри и заняться хронологическими вычислениями. Дата Рождества Христова, легшая в основу европейского календаря, была вычислена в 525 году римским монахом Дионисием Малым, скифом по происхождению, служившим папским архивариусом и переводчиком. Дионисий знал, что почти в каждой провинции бывшей Римской империи существовал свой традиционный календарь, что крайне затрудняло гражданское и церковное управление. Кроме того, разные историки указывали различные даты Рождества, не совпадавшие друг с другом. Дионисий также знал, с какими усилиями высчитывалась в древней церкви пасхалия, составление которой являлось обязанностью Александрийского патриарха.

Католические монахи в скриптории

Православные монахи за составлением летописей

Александрийские архиереи составляли таблицы Пасхи на 95 лет (малый пасхальный круг) и рассылали их по всем поместным церквам. Причем для календарных расчетов использовалась так называемая «диоклетианова эра», которая велась от 29 августа 284 года – года прихода к власти римского императора Гая Аврелия Валерия Диоклетиана.

Дионисий же полагал, что христианам не следует вести свое летоисчисление от воцарения императора, который жестоко преследовал церковь, и поэтому поставил перед собой задачу высчитать дату Рождества Христова для создания нового календаря.

Утрудимся математическими подсчетами и проследим за ходом мысли ученого монаха. Вначале Дионисий решил высчитать дату первой Пасхи – Воскресения Христова.

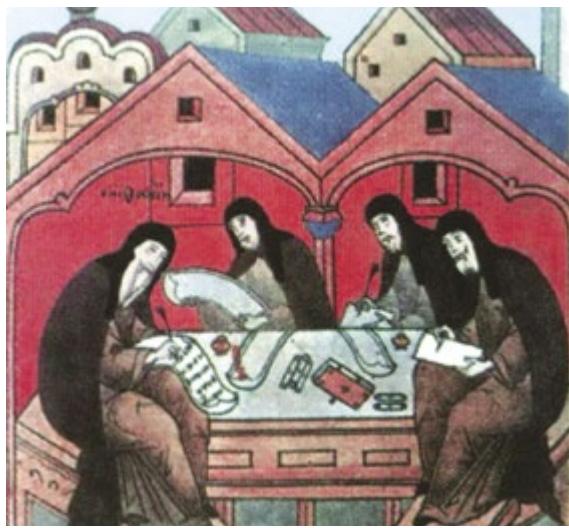
Согласно римскому преданию, зафиксированному у церковного историка Лактанция (IV век), Христос был распят 23 марта. Луций Цецилий Фирмиан Лактанций в книге «О смертях преследователей» писал: «Господь наш Иисус Христос был распят иудеями за десять дней до апрельских календ».

Десять дней до апрельских календ, то есть до 1 апреля, – это 23 марта. Значит, Христос воскрес 25 марта. Ближайшим к Дионисию годом, в котором Пасха снова приходилась на 25 марта, был 279 год эры Диоклетиана (563 год н.э.).

В ту эпоху христианскими учеными уже был высчитан великий пасхальный индиктион – последовательность празднования Пасхи на 532 года. После прошествия каждых 532 лет эта последовательность начинается снова и полностью повторяется.

С помощью великого индиктиона римский монах смог вычислить, что первая Пасха,вшаяся на 25 марта, состоялась 532 года назад от 279 года Диоклетиана – в 31 году н.э.

Прибавив к числу 532 еще 31 год (таким Дионисий пред-

полагал возраст Христа) и отсчитав от 279 года Диоклетиана эти 563 года назад, Дионисий установил, что 279 год эры Диоклетиана соответствует 563 году от Рождества Христова, то есть получил современную дату Рождества. Сначала эта дата была принята в Риме, а затем, благодаря авторитету Римской церкви, почти во всем мире.

Но вычисления Дионисия ошибочны как минимум по двум причинам.

Во-первых, по общепринятым церковному преданию, Христос прожил на земле не 31, а 33 года. Во-вторых, в 31 году еврейская Пасха, которая отмечается в первое полнолуние весеннего месяца нисана, выпадала на вторник (27 марта), а не на субботу (24 марта), как написано у евангелистов.

Соответственно, по расчетам Дионисия получалось, что Христос, вопреки Евангелию, воскрес не в первый день еврейской недели (современное воскресенье), а в среду.

Также возникает вопрос: откуда взялась дата Рождества Христа, принятая в Византии и на Руси, — 5500 год от Сотворения мира?

В старинных святыцах, к которым мы уже обращались, сказано: «Родился Господь наш Иисус Христос от пресвятой Девы Марии непреложно непостижно и несказанно... В лето от создания мира 5500, индикта 10, круга Солнцу 12, Луны 9, в среду». Эта дата вычислена византийскими богословами. Ход их мысли был

Д.Н. Кардовский.
Бал в петербургском дворянском собрании в 1913 году. 1915 год

таков — в Ветхом Завете сказано: «Пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний» (Псалом 89, 5). О том же пишет апостол Петр: «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (Второе соборное послание святого апостола Петра 3, 8).

Адама, первого человека, Господь создал, как сказано в Библии, в шестой день творения. Рассуждая по аналогии, ученые мужи решили, что и появление на земле Христа — нового Адама произошло в шестой день Господень, то есть в шестом тысячелетии от Сотворения мира.

Церковное предание уточняло, что человек был создан в середине шестого дня творения. Рассуждая подобным образом, византийские летописцы пришли к выводу, что и Христос вочековечился в середине шестого тысячелетия, то есть в 5500 году от Сотворения мира, что соответствует 7 году до н.э. Эта хронология была окончательно доработана к VI веку и получила название константинопольской эры. Вместе с христианством такое летоисчисление было принято Русью от греков при князе Владимире.

Надо заметить, что дата Рождества, высчитанная византийцами, более согласуется с историей, чем дата, высчитанная Дионисием. Вот несколько примеров.

Согласно подсчетам знаменитого немецкого астронома Иоганна Кеплера, только в 7 году до н.э. можно было наблюдать на небосклоне рождественскую Вифлеемскую звезду, которую Кеплер объяснял оптическим эффектом при конъюнкции (соединении) планет Юпитер и Сатурн в созвездии Рыб, бывающей раз в восемьсот лет.

Другой пример. Иудейский царь Ирод Великий, во дни которого родился Христос и по приказу которого было устроено жестокое избиение младенцев, умер в 4 году до н.э. Соответственно, он не дожил до Рождества по общепринятым летоисчислению. И никак не

могло быть, чтобы он «послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его» (Евангелие от Матфея 2,16).

И еще пример. В богослужебном уставе «Око церковное», изданном в 1610 году по благословению московского патриарха Ермогена, мы читаем: «Господь наш Иисус Христос распялся в лето 5533, марта в 30-е, в пяток».

То есть в пятницу (30 марта) Христос был распят. В субботу (31 марта) была еврейская Пасха. А в воскресенье (1 апреля) Христос воскрес. Можно высчитать, что именно в 5533 году от Сотворения мира (25 год н.э.) иудейская Пасха совпадала с субботой. Это подтверждает правильность рассказа евангелистов и византийской хронологии.

Восьмилетняя разница между константинопольским и римским календарями была воспринята русским народом как кражи Петром I восьми лет у Бога. Древнее византийское летоисчисление было точнее современного европейского, но историческая победа осталась за царем и его календарем.

И хотя нашим предкам изначально не понравилась очередная затея властей, петровское летоисчисление постепенно прижилось. Но царский Новый год всегда уступал по популярности таким церковным торжествам, как Пасха, Рождество или Троица. Хотя в Советском Союзе и современной России Новый год, без сомнения, стал главнейшим праздником.

Мы привыкли, что Новый год — это обязательно зима, снег, елка, подарки, мандарины и шампанское. Но в пору осени первоначальной позвольте напомнить вам о празднике, который наши предки отмечали 1 сентября (14 сентября по современному календарю), о русском Новолетии, о самом старом Новом году.

В нынешнем сентябре начинается 7524 год от Сотворения мира. Так что с Новым годом, друзья, с новым счастьем! ☺

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

У ИСТОКОВ СИБИРСКОГО ЛЮБОВНОГО МИФА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ТОЧКОЙ ОТСЧЕТА В ЭТОЙ ИСТОРИИ ПОСЛУЖИТ НАМ ПОЧТИ НЕЗНАЕМЫЙ В РОССИИ ИМПЕРАТОР ПЕТР II, ПОСКОЛЬКУ ИМЕННО К НЕМУ ТАК ИЛИ ИНАЧЕ СТЯГИВАЮТСЯ ВСЕ НИТИ, ВСЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ИСТОРИИ, КОТОРОЙ МЫ ПЫТАЕМСЯ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ РОЖДЕНИЕ СИБИРСКОГО ЛЮБОВНОГО МИФА. И ПРЕЖДЕ ВСЕГО – ВСЕ ЖЕНЩИНЫ, БЕЗ КОТОРЫХ САМ СИБИРСКИЙ ЛЮБОВНЫЙ МИФ В ЕГО СПЕЦИФИЧЕСКОМ ЗВУЧАНИИ БЫЛ БЫ НЕВОЗМОЖЕН.

ПЕТР II, РОДИВШИЙСЯ в 1715 году, был сыном царевича Алексея, старшего сына Петра Великого, от Евдокии Лопухиной, и в этом смысле мог бы рассчитывать на блистательную часть наследника российского престола. Но судьба распорядилась иначе: рожденный в династическом браке, который никогда, кажется, не заключал в себе ни толики любви, младенец с самого начала своей жизни был обречен на несчастья. Мать его, немецкая принцесса София-Шарлотта Брауншвейгская, умерла через десять дней после рождения сына, так и не одарив его теплом материнской любви. Более того, невинное дитя явилось на свет, когда отношения его деда и отца резко обострились, и, хотя громы и молнии не грянули еще, явились уже грозовые тучи, которые набросили на младенца свою холодную тень. После рокового бегства царевича Алексея за границу венценосный Юпитер истории российской пришел в великий гнев, что в 1718-м и приве-

А.И. Шарлемань.

Петр II
в Петергофе

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ло царевича Алексея к смертному приговору Сената и таинственной кончине «под караулом» в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Сыну его не было еще и трех лет. С самого начала ребенок, так и не узнавший ни матери, ни отца, воспитывался под надзором графа Остермана. Дед, Петр Алексеевич, на внука, тоже Петра Алексеевича, внимания не обращал.

Однако в 1725-м, после смерти Петра, не успевшего распорядиться престолом, 9-летний мальчик был ввергнут в игру царедворцев петровской поры о престолонаследии, которую каждая партия желала разрешить в свою пользу. Как известно, претендентов на престол

Александр
Данилович
Меншиков
(1673–1729)

было двое: Петр Алексеевич II, прямой потомок Петра по мужской линии, и жена Петра, Екатерина I, в 1724 году коронованная в Успенском соборе Московского Кремля и провозглашенная императрицей. Когда царь умирал, в покоях дворца находились сторонники царевича – князья Голицыны, Долгорукие (Долгоруковы), родоначальник – Иван Андреевич Оболенский, прозванный за свою мстительность Долгоруким. – Прим. ред.), Репнины, но более сильной партией были сторонники императрицы – Апраксин, Толстой, Бутурлин, Меншиков и епископ Феофан Прокопович. Имея в рядах своих энергичного Меншикова, а также поддержку гвардии, спешно собирающейся к дворцу, восторжествовали сторонники Екатерины. Меншиков, и при жизни-то Петра вошедший в невероятную силу, теперь стал полным распорядителем российских дел. По-своему круто решил он и участь Петра Алексеевича: Екатерину уговорил составить завещание в пользу мальчика, а сам перевез того в свой дворец на Васильевском острове и стал приготовлять к женитьбе на своей 15-летней дочери Марии. Императрица не имела ничего против, детей обручили, Меншиков надел через плечо ленту генералиссимуса и помышлял уже о полном своем триумфе, как вдруг в мае 1727-го императрица умерла.

ПЕРЕМЕНЧИВАЯ СУДЬБА

Крушение Меншикова состоялось мгновенно, во всяком случае, в мае 1727 года он готовился стать тестем Петра II, в 11 лет ставшего-таки царем, а через год в то же время очутился как бы в интерьере картины Василия Сурикова «Меншиков в Березове», где он сидит в шубе в темной сибирской избе в окружении трех своих детей, недавнее высокое положение которых выдают лишь батистовые рубашки, выглядывающие из под овчинных туалупов. Как ни силен был Меншиков, врагов он нажил немало, с «воспитанником» своим, Петром Алексеевичем, обращался высокомерно и заносчиво, и в результате, не успел тот стать царем, как внезапная вспышка гнева венценосного мальчика испепелила все могущество временщика. Поводом послужил резкий выговор, который Меншиков устроил царю «за расточительность», после чего уехал к себе в Оранienбаум. Как ни силен был Александр Данилович оградить царя от всяческих посторонних влияний, это ему не удалось: лучшим другом 11-летнего Петра II скоро стал 20-летний гоф-юнкер Иван Долгорукий. Князья Долгорукие были давними противниками Меншикова. Вряд ли мы угадаем,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария
Александровна
Меншикова
(1711–1729).
Портрет работы
художника
И.-Г. Таннауэра

В.И. Суриков.
Меншиков
в Березове.
1883 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

под их ли влиянием или по собственному произволу взбалмошный мальчишка-царь объявил Меншикову «опалу». Не успел Меншиков вернуться из своего Ораниенбаума, как уж велено было не принимать его самого и его семейство во дворце. Он очень быстро все понял и бросился писать царю письмо, с просьбой дозволить ему уехать в Новороссию, где за отвагу, проявленную им под Полтавой, ему пожалованы были имения бывшего гетмана Мазепы. Ответ был ошеломляющим: Александр Данилович знал ярость Петра и хорошо отличал молниеносную вспышку гнева от холодного расчета врагов, взявшихся уничтожить его совершенно, – так вот, в ответе сказано было, что он лишается дворянства и орденов, а у царской невесты отбираются экипажи и придворная прислуга. В сентябре 1727 года ему дан был приказ следовать под конвоем со всем семейством в свое поместье Раненбург в Рязанской губернии. С богатейшим обозом и прислугой выехал Меншиков из Петербурга, но все это было у него отобрано по дороге. Кончилось тем, что Верховный тайный совет, созданный при Екатерине I чуть ли не его, Меншикова, радением, весной 1728-го указал отправить его с семейством в ссылку в Сибирь, в затерявшийся в тысяче верст от Тобольска городок Березов на берегу Оби. Позднее в Березове окажутся один за другим почти все герои этой истории, но пока что один только Меншиков переживал здесь горечь падения: у него было конфискованы 90 тысяч душ крестьян и города – Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Батурино, Почеп, до 13 миллионов рублей, несколько сот пудов золота, серебра и бриллиантов. По дороге в Сибирь скончалась его жена; в ссылке умерла царева невеста, старшая дочь, Мария. Говорят, сам он переносил изгнание с большим мужеством, выстроил церковь в Березове, возле которой и был похоронен в конце 1729 года.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И НАСМЕШНИЦА-ФОРТУНА

А в Москве, куда вернулся столицу и двор Петр II, жизнь тем временем била ключом. Новый наставник 13-летнего царя на жизненном поприще, честолюбивый князь Алексей Долгорукий, поступил с ним так же, как когда-то Меншиков: увез в свою подмосковную вотчину и, всячески потакая полюбившимся царю забавам – псовым и соколиным охотам, кулачным боям,

Княжна
Екатерина
Алексеевна
Долгорукая,
невеста Петра II.
Портрет работы
неизвестного
художника

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Император
Петр II.
Портрет работы
неизвестного
художника.
Конец 1720-х
годов

медвежьим травлям и прочая, – стал готовить на роль царицы свою 18-летнюю dochь Екатерину. И хотя царь больше любил проводить время со своей молодой теткой, веселой Елизаветой Петровной, Долгорукие устроили-таки обручение и назначили день свадьбы: 19 января 1730 года. В тот же день обручилась еще одна пара: Иван Долгорукий, «всесильный фаворит царя», с юной – ей было тогда 16 – Натальей Шереметевой. И хотя злые языки говорили, что Долгорукие просто взяли «самую богатую невесту в России» (Шереметевы кичились богатством и в гордыне своей называли «мелкопоместными» всех дворян, у кого было меньше 5 тысяч душ), этот брак, может быть, и устроенный по расчету, позже пророс цветами самой чистой, самой верной и самоотверженной любви, на которую только способны искренне любящие души.

Но об этом потом. Ничто, казалось, не способно было омрачить счастье молодых. На свадьбе перед обручением была вся императорская фамилия, весь генералитет... Молодые оказались друг другу и сами себе прекрасными. Однако же «Божий суд совсем не сходен с человеческим определением: он по своей власти иную мне жизнь назначил, об которой никогда и никто вздумать не мог, и ни я сама – я очень имела склонность к веселью», – написала потом в своих «Своеучных записках» княгиня Наталья Долгорукая, урожденная Шереметева. Что же произошло?

Царя в последний раз видели в канун Рождества на водосвятия. После он заболел. Открылась черная оспа. Иван Долгорукий целый месяц находился у постели больного. Возможно, узнав со слов сына, что Петр день ото дня слабеет, Долгорукий-отец написал ложное завещание, по которому царская корона должна была перейти Екатерине Долгорукой, а Иван легкомысленно

Иван
Алексеевич
Долгорукий
(1708–1739),
князь,
фаворит
императора
Петра II.
Портрет
работы
неизвестного
художника.
1720-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

почерком царя это завещание подписал. Потом Долгорукий старший его уничтожил: ведь Петр II и его dochь даже не успели стать мужем и женой. Царь умер в день, назначенный для свадьбы, 19 января. Тем не менее Алексей Долгорукий был единственным членом Тайного совета, проголосовавшим против восхождения на престол племянницы Петра I, Анны Иоанновны, которая, будучи вдовой курляндского герцога Фридриха-Вильгельма, проживала в Митаве (Елгаве). И можно не сомневаться, что Анне Иоанновне, внезапно ставшей самодержицей российской, такое мнение Долгорукого стало известно даже раньше, чем она выехала из Курляндии в Санкт-Петербург со своим фаворитом

Наталья
Борисовна
Долгорукая,
в девичестве
Шереметева
(1714–1771).
Портрет
работы
неизвестного
художника

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Бироном. Члены Тайного совета, определившие выбор Анны Иоанновны, полагали, что они смогут вполне контролировать поведение императрицы. Вышло иначе. Сколь ни юна была Наталья Долгорукая, она почувствовала это совершенно безошибочно: «Все фавориты после своих государей пропадают, чего было и мне ожидать?» Несмотря на свои 16 и житейскую неопытность, она больше всего боится за суженого, что опала коснется его. Но это ее не пугает: «Я готовая была с ним хотя все земные пропасти пройти», – писала она. Родственники Шереметевых кинулись к девушке, наперебой уговаривая ее бросить жениха, но она осталась тверда.

На коронации Анны Иоанновны она в последний раз наблюдала, как ее жених командует гвардией. Анна Иоанновна: «Престрашная была взору, отвратное лицо имела, и так была велика... всех головою выше, и чрезвычайно толста». Бирон: «Он был самой подлой человек, а дошел до такого великого градуса». Пощады от этих людей она не ждала.

5 апреля, несмотря на отсутствие родственников – от пары, которая не в фаворе у императрицы, все отвернулись, – Наталья Шереметева и Иван Долгорукий поженились. А через три дня после свадьбы всему семейству Долгоруких велено было ехать в дальние вотчины и там ждать до указу.

В ТАРТАРИЮ

Дело, разумеется, ссылкой в дальние вотчины не обошлось, очень скоро и туда прибыл гвардии офицер с отрядом солдат: «Тотчас узнали мы свою беду, что еще их злоба на нас не умалывается, а больше умножается. Подумайте, что я тогда была, упала на стул, а как опомнилась, увидела полны хоромы солдат. <...> Великой плач сделался в доме нашем. Можно ли ту беду описать! И правда – можно ли? В Сибирь. В Березов.

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Положение Натальи Долгорукой усугублялось тем, что она была младшкой в большой семье Долгоруких, где помимо свекра и свекрови было три брата, три сестры (в том числе и «порушенная невеста» Екатерина Долгорукая) и муж. И всем, по правилам того времени, она должна была угоджать. «Все оставила: и честь, и богатство, и сродников, и стражду с ним и скиталась. Этому причина все непорочная любовь, которою я не постыжусь ни перед Богом, ни перед целым светом, потому что он один в сердце моем был. Мне казалось, что он для меня родился, а я для него, и нам друг без друга жить нельзя...».

Переход под конвоем из «далних вотчин» в Сибирь ясно распознается ею как переход из Космоса в Хаос, из рая в ад, в нижний мир. В Тартар, в Тартарию. Естественную границу создают Уральские горы, которые семейству и конвою пришлось перевалить. Горы поражают не своей величавой красотой, а именно вышиной, опасно-

стью, узостью дороги, вьющейся по-над пропастью. По эту сторону гор — светит солнце, новенький корабль пахнет свежим деревом, конвой почтителен. По ту сторону гор — под пологом серых туч разверзаются хтонические бездны, барка грязная, черная, рассохшаяся, сибирская, конвой...

Гравюра первой половины XVIII века

Сдавая ссыльных местной полупроте, гвардейский офицер, сопровождавший их, не выдерживает и предупреждает Долгоруких: «Теперь-то вы натерпитесь всякого горя; эти

люди необычайные, они с вами будут поступать как с подлыми (незнатными), никакого снисхождения от них не будет». И действительно, местный капитан, выслужившийся из солдат, во время бесконечного плавания по Оби был подчеркнуто суров: «Ему казалось подло и говорить с нами, однако со всею своею спесью ходил к нам обедать. <...> В чем он хаживал: епанча солдатская на одну рубашку, да туфли на босу ногу, и так с нами сидит.

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид Березова.
Гравюра XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Я была всех моложе, и невоз-
держна, не могу терпеть, чтоб
не смеяться, видя такую смеш-
ную позитуру».

Только молодость и врожден-
ный оптимизм помогали де-
вушке переживать видения
катастроф, которые кажутся
возможными только в хтони-
ческой бездне мира: «Я слышу,
что сделался великой шум, а не
знаю что. Я встала посмотреть:
наше судно стоит как в ящике
между двух берегов. <...> Стала
эта земля (с одного берега. –
Прим. авт.) оседать и с лесом в
несколько сажен опускаться в
реку или в залив, где мы стоим,
и так ужасно лес зашумит под
самое наше судно...»

Плавание по Оби продолжалось с апреля по сентябрь. В конце этого срока Долгорукие увидели место своей будущей ссылки, которое уже освободил для них Меншиков: «...ма-
ленькой городок, который сидит на острову; кругом вода;
жители в нем самой подлой на-
род, едят рыбу сырую, ездят на
собаках, носят олены кожи:
как с него сдерут, не разрезав-
ши брюха, так и наденут, перед-
ние ноги вместо рукавов. Избы
кедровые, окна ледяные вместо
стекла. Зимы 10 месяцев или 8,
морозы несносные, ничего не
родится, ни хлеба, никакого
фрукту, ниже капусты...»

ЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

О самой девятилетней жизни в Березове Наталья Долгорукая не пишет ни слова. То место, которое должен был бы занимать этот рассказ, заполнено ее молитвами. Прекрасными. И действительно, многим вера открывалась именно в Сибири. Но это – тема для отдельного разговора.

Теперь представим себе человека, которому городок Березов не кажется самым подлым местом на земле, а, напротив, представляется островком цивилизации и культуры. Такого человека вообразить нетрудно. Он должен быть участником Великой Сибирской экспедиции, которая работала как раз в годы ссылки Долгоруких. И человек этот – не кто иной, как капитан Дмитрий Овцын. Летом 1736 года, напомним, он на дубель-шлюпке «Тобол» так и не смог выйти из Обской губы, забитой льдом, и вынужден был раньше времени свернуть работы. И, возвращаясь, скажем, в Тобольск, оказался в Березове. И естественно, столкнулся с семейством Долгоруких. Отдадим ему должное: он от знакомства не отказался, хотя знал, что они ссылочные, лишенные титулов и состояния. У него завязываются дружеские отношения с Иваном Долгоруким. В это время некий подьячий Тишин начинает строить куры «по-

В.И. Суриков.
Эскиз к картине
«Меншиков
в Березове»

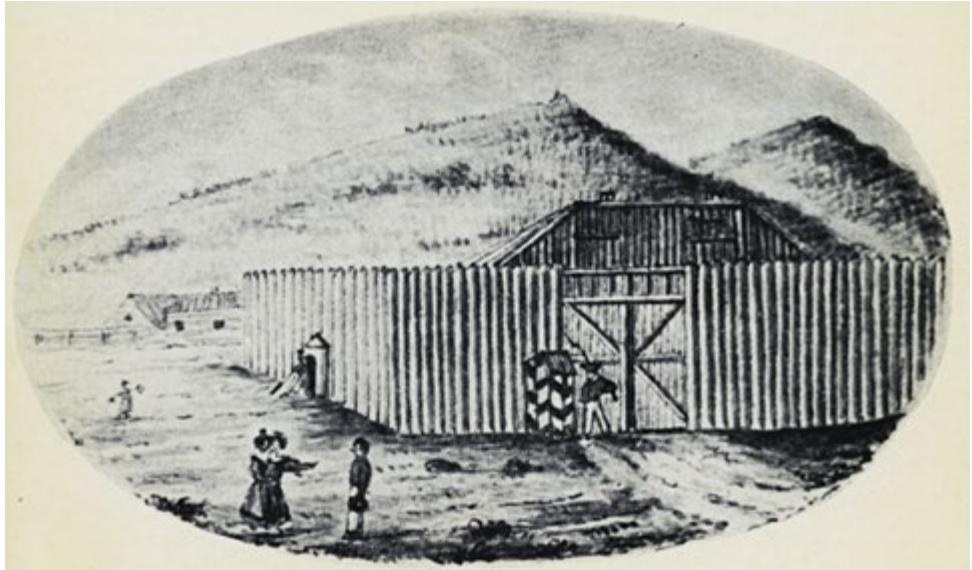
рушенной невесте» – Екатерине Долгорукой. Она была очень горда, и пополнение низкого человека ее оскорбило. Узнав об этом, Овцын, то ли один, то ли вместе с Иваном, подлавливает подьячего и хорошенъко наподдает ему. Как было дело, точнее сказать невозможно: в «Записках» Долгорукой этого эпизода нет, дневник Овцына если и существовал, то был отобран на следующий год, при аресте капитана в Тобольске. Простор для домыслов полный. Это понял писатель Валентин Пикуль, который использовал этот сюжет в романе «Слово и дело». Да. Страшные слова. И скоро они прозвучали. В остроге, где жили Долгорукие, ушёй много, а Иван любил «сделать комплимент» матушке-императрице: поэтому подьячему Тишину и не стоило большого труда настроить донос, объявить «слово и дело». Государеву измену, иначе говоря. Иван в это время был натурально болен от того, что своей несдержанностью навлек на семью такую беду: «Источники слез его не пересыхали, – пишет Наталья Долгорукая, – жалость его сердце съедала, видев меня в таком жалком состоянии. Молитва его перед Богом была неусыпная; пост и воздержание нeliцемерное; милостины всегдашня...»

Но это не помогло. Всех братьев забрали. Ивана пытали в Тюмени с «особым пристрастием», жгли железом и измучили до такой степени, что однажды он в помрачении сознания, в бреду, рассказал про поддельное завещание...

Наталья несколько лет ничего не знала об участии мужа.

Некоторые из Долгоруких были, по урезанию языка, сосланы в каторжные работы. Князь Иван был колесован на Скудельничьем поле близ Новгорода. С ним вместе были казнены его дядя: Сергей и Иван Григорьевичи и Василий Лукич. Еще один, Василий Владимирович, оказался заключен в Соловецкий монастырь, откуда впоследствии его освободила Елизавета...

В чем особенность сибирского любовного мифа?

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В «Записках» Натальи Долгорукой сибирский любовный миф явлен практически в своей окончательной, художественно завершенной форме. «Верность до самой смерти» – вот апофеоз этой темы. Она мелькает в Житии проповедника Аввакума, в судьбе Татьяны и Василия Прончищевых и, наконец, получает искреннее и пронзительное литературное выражение: «...Я не постыжусь описать его добродетели, потому что я не лгу. Не дай Боже что написать неправедно. Я сама себя тем утешаю, когда вспомню все его благородные поступки, и счастливой себя считаю, что я его ради себя потеряла, из своей доброй воли. Я все в нем имела: и милостивого мужа, и отца, и учителя, и старателя о спасении моем; он

меня учил Богу молиться, учил меня к бедным милостиво быть <...> всегда твердил о незлобии, чтобы я зла не помнила...» Удивительно, что 11 жен декабристов, отправившиеся вслед за мужьями в каторжный Нерчинский край, не копировали Наталью Долгорукую. Скорее всего, они вообще ничего не знали о ее истории («Своеручные записки» были опубликованы только в 1913 году). Они естественным образом поступали так же, как она. Получается, что миф самовоспроизводим. И, значит, устойчив.

При этом, как легко заметить читателю, в сибирском любовном мифе у женщины далеко не завидное положение. Часто она несчастен и немощен, поражен в правах, может оказаться

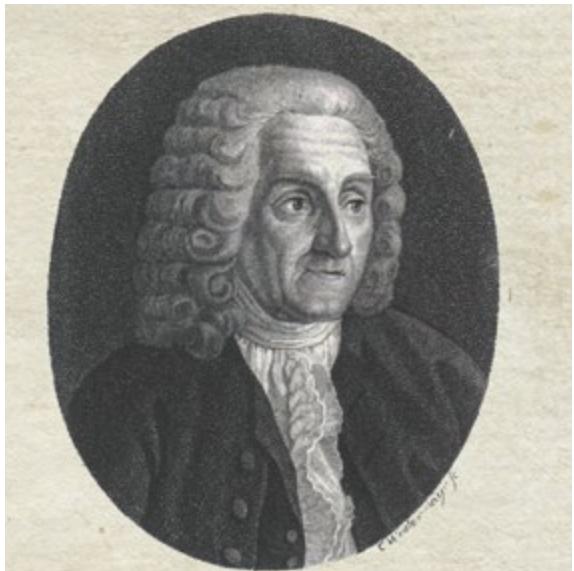
А.И. Якубович.
Жены
декабристов
у частокола
Читинского
острога.
Вторая половина
1820-х годов

сыльным или каторжником. Он не является активным побеждающим героем, как в классическом любовном мифе. Героем, в буквальном смысле слова «завоевывающим» женщин – будь то Тесей, Парис или Ясон. Здесь, в Сибири, у мужчины и женщины очень сложная роль: несмотря на всю ограниченность в проявлении чувств и жестокие испытания, сохранить тот уровень понимания, ту высоту отношений, которые делают их незаменимыми друг для друга, а может быть, и для других. Вот характерное свидетельство Марии Волконской: «Мы вошли к коменданту; сейчас же привели под стражей моего мужа. Это свидание при посторонних было очень тягостно. Мы старались обнадежить друг друга, но делали это без убеждения. Я не смела его расспрашивать, все взоры были обращены на нас; мы обменивались платками. Вернувшись домой, я поспешила узнать, что он мне передал, но нашла лишь несколько слов утешения, написанных на одном углу платка и которые едва можно было разобрать». Любовь в Сибири – это инициатическое испытание, которое по-своему проходят и мужчина, и женщина. Лишь после очень сложных любовных коллизий в 1856-м уезжали из Сибири пятеро декабристов с женами: ведь те, приехав в Сибирь, доказали, что они женщины с большой буквы. Теперь мужчинам надо было в полной мере доказать, что они – мужчины. Роль мужчины в сибирском любовном мифе – самоуглубленна. Женщины – активно-жертвенна. Миф этот, безусловно, один из многих любовных мифов, бытующих в Сибири, но он – одно из самых прекрасных соцветий дворянской культуры XVIII и XIX веков, до сих пор сохраняющий свою глубину, и свою привлекательность. Женская любовь цветет в нем особенно ярко: «...и не тужу, что мой век пропал, но благодаря Бога моего, что Он дал мне знать такова человека, который того стоил, чтоб мне за любовь жизнью своею заплатить...»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С.Г. Волконский
с женой в камере
Петровской
тюрьмы.
Акварель
Н.А. Бестужева.
1830 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЭПИЛОГ

В конце этой истории в Березове объявляется еще один странный персонаж: астроном Жозеф-Николя Делиль, специально приехавший из Петербурга производить астрономические наблюдения. Он был важной персоной: академиком, директором академической обсерватории. Оказавшись в захолустном городке на Оби, он неожиданно услышал французскую речь из уст мальчика лет семи, играющего на улице со стайкой гусей. Спросив у мальчика, кто он такой, и услышав ответ, Делиль буквально ворвался в острог, где увидел Наталью Долгорукую с младенцем в пеленах и остальных княжон. Мужчин к тому времени среди ссыльных уже не осталось: глава фамилии, Алексей Долгорукий, в 1734 году умер своей смертью, Иван же и братья его были погублены доносом Тишина.

На протяжении месяца, что француз оставался в Березове, он не переставал опекать милую Наталью, лечил ее по старинным лечебникам отварами трав, развлекал рассказами о Европе и под конец уговорил написать челобитную императрице с нижайшей просьбой позволить ей вернуться с детьми в Москву или Петербург. В письме, отправленном в конце 1739 года Анне Иоанновне, Наталья просила не разлучать

Жозеф-Николя Делиль. Известный ученым первой половины XVIII века, основатель двух научных астрономических школ – Санкт-Петербургской и Парижской

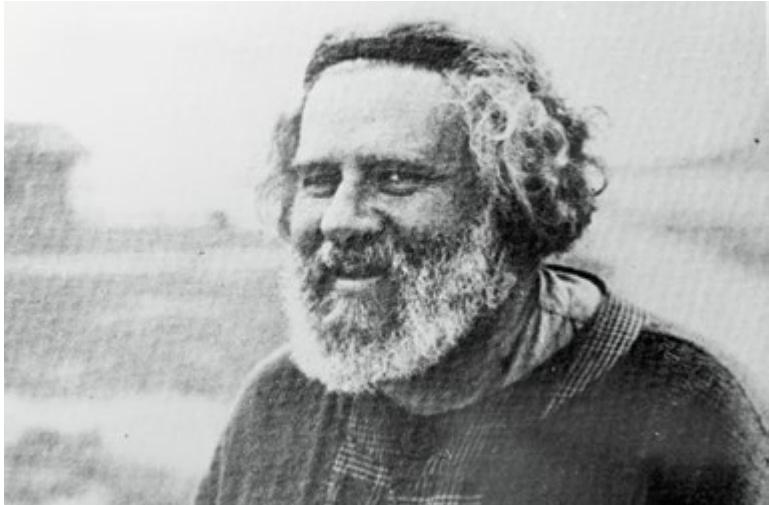
ее с мужем, если он жив, а если нет – разрешить ей постричься в монахини.

И действительно: в 1741 году Долгоруким разрешили вернуться из ссылки. Однако ни благородный Делиль, ни челобитная, написанная на имя Анны Иоанновны, здесь ни при чем. Просто сменилась власть. На российском троне воцарилась наконец дочь Петра Елизавета.

Первой, в 1739 году, из Березова в Новгород была переведена «порушенная невеста» княжна Екатерина Долгорукая. Однако то было не помилование. Из ссылки она попала в ссылку же: в Воскресенский Горицкий женский монастырь. Почти за два года там она не произнесла ни слова. Настоятельница жаловалась: «Так себя ставит, будто не она здесь в заточении, а мы все вынуждены ей служить!» Елизавета Петровна освободила ее и вернула ей статус фрейлины, теперь уже, кажется, ей ненужный. При дворе в нее влюбился 38-летний красавец генерал-аншеф Александр Романович Брюс. И дело завершилось даже свадьбой. Впрочем, в 1745 году Екатерина Долгорукая умерла. Есть персоны, которым будто и не суждена «счастливая жизнь»...

То же самое можно сказать и о Наталье Долгорукой: десять лет, проведенных в Сибири, и гибель мужа стали для нее своеобразной «прививкой» от светской жизни, которую она вела в юные годы: «За вся благодарю моего Бога, что не попустил меня вкусить сладости мира сего. Что есть радость, я ее не знаю. Отец мой Небесный предвидел во мне, что я поползновенна ко всякому злу, не попустил меня душою погибнуть, всячески меня смирял и все пути мои ко греху пресекал...» Конечно, ее не оставляло желание принять монашеский постриг, уйти от света совсем, но у нее было два сына. Старшего она подняла и определила по военной части, а младший был душевнобольной, с ним она уехала в Киев, где после его смерти постриглась в монахини во Флоровскую обитель. Великого ума и душевной красоты была княгиня. Когда сын ее Михаил с женой посетили монахиню Нектарию в монастыре, они попросили рассказать для потомков повесть своей любви. Так появились «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой». В монастыре она и скончалась в 1771-м, на 58-м году жизни. Капитан Дмитрий Овцын, чистосердечно и неожиданно сыгравший роковую роль в судьбе Долгоруких, в 1737 году, выполнив экспедиционное задание (он должен был пройти из Оби в Енисей, картируя побережье Ледовитого океана), на обратном пути в Петербург был арестован в Тобольске, разжалован в матросы и отправлен в экспедицию Беринга. Там он вновь стал лейтенантом, благополучно пережил жестокую зимовку на Командорских островах и вернулся в Петербург. В 1745-м он на Балтийском море командовал яхтой «Транспорт Анна» и судном «Меркурий». В 1749-м Овцын вновь поучаствовал в экспедиции на Камчатку, за что получил чин капитана II ранга. В общем, жизнь его (1708–1757) сложилась интересно, успешно и была не так уж для того времени коротка.

Побыгал в ссылке в Сибири (Пелым) и злой гений всего семейства Долгоруких Эрнст Иоганн Бирон, фаворит Анны Иоанновны, низвергнутый в 1740 году гвардией и обвиненный в государственной измене. Но отдался, как и все подлецы, легко: уже через несколько месяцев Елизавета Петровна вернула его из Сибири и «сослала» в Ярославль. Петр III вновь приблизил его ко двору, а Екатерина II даровала ему титул герцога Курляндского и отправила в Митаву, откуда он и явился, что, возможно, послужило к его долголетию. Он дожил до 82 лет. Эпоха Анны Иоанновны умирала вместе с ним. Подступало новое время: век Ломоносова и Эйлера, Крашенинникова и Палласа. Прекрасный, хоть и краткий, век екатерининского Просвещения. ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДИТИЯ, МУДРЕЦ И ШАРЛАТАН

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

В 1923 ГОДУ МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН, УЖЕ ЗНАМЕННЫЙ ПОЭТ, ЗАПИСАЛ В АЛЬБОМ «ЧУКОККАЛА» СТИШОК: «ВЫШЕЛ НЕЗВАНЫМ, ПРИШЕЛ Я НЕПРОШЕНЫМ, // МИР ПРОХОЖУ Я В БРЕДУ И ВО СНЕ... // О, КАК ПРИЯТНО БЫТЬ МАКСОМ ВОЛОШИНЫМ - // МНЕ!»

ЧТО Ж ТУТ, СПРАШИВАЕТСЯ, приятного: неизванный, непрошеный, в бреду и во сне? В 1923 году, в едва приходящем в себя после голода и ужасов Гражданской войны Крыму? Что хорошо-го быть поэтом, который совершенно не нужен новой стране? А вот поди ж ты – хорошо.

В ОЖИДАНИИ ЖАР-ПТИЦЫ

Максимилиан Волошин родился в Киеве, но Киева не помнил. Мать его, Елена Оттобальдовна, когда мальчику было 2 года, ушла от мужа – юриста Кириенко-Волошина, уехала в Севастополь, работала телеграфисткой. Сына расстила одна; сохранила множество его детских словечек – так что мы легко можем представить себе крупного, румяного и конопатого Макса, который долго не засы-

пает, потому что мама пообещала ему, что прилетит жар-птица... он ждет, она не прилетает... Утром мама, отдернув шторы, говорит: твоя жар-птица – солнце!

Цветаева, которая в 1911 году жила у Волошиных в Коктебеле, описывала Елену Оттобальдовну так: «...отброшенные назад волосы, орлиный профиль с голубым глазом... Внешность явно германского происхождения... лицо старого Гёте... Первое впечатление – осанка. Движется – рублем подарит... Второе, естественно вытекающее из первого: опаска. Такая не спустит... Величественность при маленьком росте...»

Детство Волошина прошло в приморских городах – Севастополе и Таганроге. Море – одно из его первых детских воспоминаний. Впрочем, мама довольно скоро

переехала в Москву, и в гимназию мальчик пошел уже в древней столице. Москва именно такой ему и показалась – древней столицей, «из фона «Боярыни Морозовой», как он сам утверждал в автобиографии. Суриков жил в соседнем доме в Новой Слободе, на улице Долгоруковской, и как раз в это время писал «Боярыню Морозову» – и Макс, гуляя с няней, видел, как художник работает.

Стихами Волошин увлекся рано – раньше, чем начал читать. Он сам писал об «опьянении стихами», о своей любви декламировать: «Для этого постоянно становился на стул: чувство эстрады». Множество стихов он знал наизусть и читал очень хорошо. Читать научился в 5-летнем возрасте – и с упоением взялся за книги. Уже тогда он – будущий оккультист, масон, антропософ – увлекался всем таинственным. Он играл в волшебника, произносил заклинания; однажды, когда он заклинал духов, один из присутствующих поднял его и перевернул вверх ногами; Макс не растерялся и заявил, что это духи его подняли в воздух. Над ним посмеивались, дразнили его. С раннего детства он производил на людей странное впечатление: не то наивный чудак, не то мудрец; не то умнейший человек, не то шарлатан.

Макс Волошин
с матерью Еленой
Оттобальдовной.
Киев. 1878 год

ТЕМНЫЕ ГОДЫ

С 10 лет Макс пошел учиться; мама определила его в частную гимназию Поливанова. В первом классе он учился хорошо. К сожалению, частная гимназия была семье не по карману, и во второй класс он пошел уже в 1-ю Московскую казенную гимназию. О времени, проведенном в этом учреждении, Волошин писал: «Это – самые темные и стесненные годы жизни, исполненные тоски и бессильного протеста против неудобоваримых и ненужных знаний». Ему было отчаянно скучно, он пытался спорить с учителями; результатом стали плохие оценки не только по предметам, но и по поведению. В третьем классе его оставили на второй год.

Летом он жил на подмосковных дачах. Бродил по лесам, мечтал о юге. Мечты неожиданно сбылись в 1893 году, когда мать переехала в Феодосию и поселилась там с гражданским мужем в небольшом имении. Гимназические дела Макса к этому времени были из рук вон плохи: по всем предметам двойки, по греческому – кол, по поведению – низший балл. «Я был преисполнен всяких интересов: культурно-исторических, лингвистических, литературных, математических и т.д. – вспоминал он. – И все это сводилось для меня к неизбежной двойке за успехи». Когда мать

пришла в феодосийскую гимназию договариваться о том, чтобы 16-летнего Макса взяли учиться, директор сказал, что взять его возьмет, но не может обещать, что справится с его идиотизмом.

Однако впечатления идиота юный Волошин в гимназии не произвел. Он с 12 лет писал стихи и уже был готов их показывать. В автобиографии он пишет: «Мои стихи и моя начитанность произвели в педагогической среде такое впечатление, что ко мне стали педагоги относиться как к «будущему Пушкину». В гимназии он был признанным поэтом и чтецом-декламатором. Он продолжал рисовать, и рисунки его одобрил сам Айвазовский – попечитель гимназии. Макс пробовал себя и в театре: играл городничего в школьной постановке «Ревизора», сам поставил два спектакля по русской классике – и здесь тоже все получалось.

Его стихи этого времени – обычновенные, гладкие перепевы народнической лирики – все о борьбе, страдании, готовности служить народу, некрасовские мотивы сквозь надсоновское уныние и надлом. Поэт только собирается быть, растет, пробует силу. Он дает уроки в качестве репетитора, скучает в гимназии, много читает, переводит с немецкого. Окончив гимназию, отправился в Москву – в университет.

ЕВРОПА И АЗИЯ

Поступил он почему-то на юридический, но лекции в основном посещал на историко-филологическом факультете. Увлекался театром. Интересовался политикой, свел знакомство с народовольцами. За подготовку студенческой забастовки был отчислен из университета и выслан в Феодосию. Семья собиралась путешествовать по Европе, и Макс отправился за границу вместе с родными. Польша, Австрия, Швейцария, Италия, Франция – он едваправлялся с наплывом впечатлений. Ходил по Парижу одуревший, как сам признавался. Пытался проникнуться, напитаться европейской культурой, которой еще не понимал.

По возвращении – восстановился в университете, скоро снова ввязался в студенческие беспорядки. Уехал за границу, вернулся, был арестован в Севастополе и доставлен в Москву. Биограф Волошина Сергей Пинаев приводит любопытный факт: когда Волошин две недели просидел под арестом по подозрению в распространении марксистской литературы, жандармы специально вызывали его мать, чтобы узнать у нее, почему он такой веселый. Мать ответила, что он всегда такой, и тогда они посоветовали его женить. Он и в самом деле был «всегда такой» – круглый, веселый, большой, неунывающий. Как вспоминал один из его знакомых – от него всегда шел ровный теплый свет.

Его исключили из университета и запретили поступать в высшие учебные заведения, жить в столицах и крупных городах. Друг детства, инженер Вяземский, позвал его с собой в Среднюю Азию, где собирались прокладывать Ташкентско-Оренбургскую железную дорогу. Впечатления от этого вояжа оказались совсем необычными: степь, пустыня, поездки верхом, древние крепости, юрты, покупка верблюдов – словно это путешествие не только в про-

Дом Волошина
в Коктебеле.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

странстве, но и во времени, куда-то в глубину человеческой истории...

Он снова засобирался в Париж. Феодосийской знакомой писал: «Теперь туда – в пространство человеческого мира – учиться, познавать, искать. В Париж я еду... чтобы познать всю европейскую культуру в ее первоисточнике и затем, отбросив все «европейское» и оставив только человеческое, идти учиться к другим цивилизациям, «искать истины» – в Индию и Китай. Да и идти не в качестве путешественника, а пилигримом, пешком, с мешком за спиной, стараясь проникнуть в дух незнакомой сущности... а после того в Россию окончательно и навсегда».

Прибыв в Париж в марте 1901 года, он всерьез учится живописи, занимается в нескольких студиях и у русской художницы Кругликовой. Он завел дневник: собирался старательно фиксировать самонаблюдения, но получилась хроника взросления: история первого сексуального опыта, нежной влюбленности в Марию Ауэр и затем горестной – в Маргариту Сабашникову, будущую жену. А еще – это история молодости в лучшем городе мира в его лучшее время. В Париже Волошин многое переводил, оттачивая собственный стиль и мастерство. Его стихи становятся четче и строже, обретают изобразительную силу и весомость. В 1903 году он впервые опубликовал подборку своих стихотворений в журнале «Новый путь». Он вчитывался в новую французскую литературу, всматривался в живопись, освобождаясь от эстетики народничества в литературе и передвижничества в живописи. И когда в России Брюсов начал издавать «Весы», первый журнал русского символизма, – Волошин уже многое мог ему предложить. За «Весами» были «Золотое руно» и «Аполлон», тоже непредставимые без волошинских публикаций. Вернувшись в Россию, Волошин оказался в самом

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Максимилиан
Волошин
и Маргарита
Сабашникова
в своей квартире
на улице
Сэнже, 17.
Париж. 1906 год

центре споров о литературе – и здесь играл роль «округлителя острых углов», как выразился Андрей Белый.

Впрочем, как сказала одна французская квартирохозяйка, он похож не то на доброго ребенка, не то на магнетизера и шарлатана. И это в нем было, отсюда его тяга к чертовщине, к мистификациям, отсюда прекрасная и трагическая история Черубины де Габриак, кончившаяся дуэлью с Гумилевым – и комическим прозвищем Вакс Калошин.

Первый сборник Волошина, названный «Стихотворения», вышел в свет, когда автору было 33.

РАСПАД ИМПЕРИИ

Кажется, жизнь очень старалась сделать все, чтобы этот большой ребенок повзрослел. Совместная жизнь с Маргаритой Сабашниковой не получилась – ясность и путаница, радость и страдание. Он был радостный и ясный – она путаная, сложная, надломленная. Она влюбилась в Вячеслава Иванова, пыталась войти третьей в его союз с Зиновьевой-Аннибал; Волошин жалел ее и думал, как облегчить разрыв. Это она первая увлеклась антропософией и приобщила к ней Волошина... Европа, какой ее знал и любил Волошин, уходила; известие о

Киммерийские
заливы.
Акварель
Волошина.
1929 год.
Из архива
Т.Н. Жуковской

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Первой мировой застигло его в Швейцарии; о войне он написал цикл стихов «Anno Mundi Ardentis. 1915». Началась эпоха великих потрясений – о них следующие два волошинских сборника – «Иверни» и «Демоны глухонемые». И именно сейчас холодные, мастерские, безупречно изобразительные волошинские стихи начинают дышать и жить.

В автобиографии Волошин писал: «Вернувшись в Крым... я уже более не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую. И все волны гражданской войны и смены правительства проходят над моей головой». Имение в Коктебеле Волошины купили еще в 1903 году. Крым для русских поэтов всегда немного Эллада, Черное море – всегда Понт, уводящий дальше и дальше – от Пушкина и Байрона к Овидию и Гомеру, к древним воинам, пахарям и мореходам. Сумеречная, пустынная, печальная и прекрасная Киммерия, где сходятся Восток и Запад, прошлое и будущее, небо и море, где волны говорят гекзаметром, рассказывая о вечно странствующем Одиссее. Волошин достроил крымский миф своим. Еще до революции в кок-

тебельском доме у Макса собирались богема, смущавшая своими хитонами местных обитателей – они называли себя обормотами, место своего обитания – обормотником. Уже тогда Макс расхаживал в длинной рубахе, с венком полыни на голове. Сердолики на пляже, чертики из выброшенных морем сучков, степные травы. У моря Волошин был гораздо более на месте, чем даже в Париже; многие замечали, что и пресловутый хитон выглядит на нем органичнее, чем фрак. Здесь появилась на свет Черубина, здесь разворачивался роман молодой Цве-

Слева направо: Елена Оттобальдовна Волошина, Вера Эфрон, Сергей Эфрон, Марина Цветаева и другие. Коктебель. 1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Максимилиан Волошин в путешествии по Сен-Готарду (Швейцария). 1905 год

таевой с Сергеем Эфроном... Затем сюда пришла война и революция, аресты и реквизиции. Волошин, когда-то переболевший революционными идеями, еще во Франции стал задумываться о том, что революционные студенты по своей категоричности и ожесточенности похожи на своих идеальных противников; о том, что враги вообще похожи друг на друга... А его не волнует идеино – только человеческое. Недаром он, единственный на всю Россию, сформулировал свой ответ на вопрос: «Ты за белых или за красных?» однозначно, четко и афористически: «А я стою один меж них // В ревущем пламени и дыме // И всеми силами своими // Молюсь за тех и за других».

Викентий Вересаев писал, что Волошин умел дружить и с белыми, и с красными. «И в то же время он всячески хлопотал перед красными за арестованных белых, перед белыми – за красных. Однажды при белых на одной из дач был подпольный съезд большевиков. Контрразведка накрыла его, участники съезда убежали в горы, а один явился к Волошину и попросил его спрятать. Волошин спрятал его на чердаке, очень мужественно и решительно держался с нагрянувшей контрразведкой, так что даже не сочли нужным сделать у него обыск. Когда впоследствии благодарили его за это, сказал: «Имейте в виду, что когда вы будете у власти, я так же буду поступать с вашими врагами». Эренбург свидетельствует, что Волошин отбил у белых арестованного Мандельштама, сказав, что он большой поэт; самому Эренбургу Макс помог выбраться из занятого Врангелем Крыма. Друзья Волошина так или иначе вспоминают о нем главное: этот большой ребенок и чудак в самые трудные годы оказался самым мудрым и самым надежным.

После революции он по-прежнему готов был принимать у себя в Коктебеле писателей

и поэтов. В волошинском доме жили коммунарь, денег со своих постояльцев Волошин не брал. В 1924 году у него в Коктебеле гостил Андрей Белый, который написал: «Я не узнаю Максимилиана Александровича. За пять лет революции он удивительно изменился, много и серьезно пережил... с изумлением вижу, что «Макс Волошин стал... Максимилианом»; и хотя все еще элементы «латинской культуры искусств» разделяют нас с ним, но в точках любви к современной России мы встречаемся, о чем свидетельствуют его изумительные стихи. Вот еще «старик» от эпохи символизма, который оказался моложе многих «молодых». В 1924 году у Волошиных побывало в гостях 300 человек. В 1925-м – 400.

Пролетарская культура, которой он искренне пытался быть полезен, объявила его «живым трупом». Местный сельсовет считал его буржуем, а буржуям в полуголодном Крыму не продавали ни еды, ни керосина. Финанспекция не верила, что Волошины не зарабатывают на своих гостях, и требовала налога на доходы от гостиницы. Подкосило Волошина «дело чабанов»: местные чабаны потребовали от него компенсации за своих овец, которых, по их словам, разорвали волошинские собаки, добрые, мирные и немолодые. Суд постановил собак убрать; одну пристроили в добрые руки, вторую отравили.

В 1929 году у Волошина случился инсульт, после которого он уже не писал. Вторая жена, Мария Степановна, самоотверженно выхаживала его. А дальше – коллективизация и опять голод. «Вчера за работой вспомнил уговоры Маруси: давай повесимся, – писал Волошин в дневнике в 1931 году. – И невольно почувствовал всю правоту этого стремления». Астма, грипп, недоедание, последствия инсульта – в общем, не это все его добило. Добила, как Блока некогда, духота. Невозможность жить.

Аделаида Герцык, Николай Александрович Бердяев, Любовь Жуковская, Евгения Герцык, Максимилиан Волошин, Лидия Юдифовна Бердяева. У дома Герцыков в Судаке. 1910 год. Из архива Т.Н. Жуковской

ПОЭТ МЫСЛИ

Поэзия Волошина до сих пор в России недооценена, а современники и вовсе в ней не разобрались – даже Цветаева, бесконечно любя Макса, назвала очерк о нем «Живое о живом», целиком сосредоточившись на его человеческой доброте и интеллектуальном обаянии, стихов же не коснувшись вовсе. Мандельштам как минимум дважды пренебрежительно отзывался о поэзии Волошина: сначала – оправдываясь, что взял у него «Божественную комедию» («Я поэт, мне она нужнее»), а потом – кощунственно пошутив насчет ареста Даниила Жуковского, гениального юноши, сына волошинской соседки по

Крыму Аделаиды Герцык: «За что его арестовали? За стихи Волошина? Правильно сделали, Макс плохой поэт». Оно, конечно, Мандельштам шутил, но есть вещи, для шуток малопригодные. Не говоря уж о том, что Макс был отнюдь не плохой поэт.

Макс был, что называется, другое дело – поэт не самой типичной для России, не самой модной и усвоемой традиции. Ранние его стихи не представляют особого интереса – и вообще, надо заметить, многие большие русские поэты XX столетия достигли своего потолка именно благодаря революции. Русскую революцию есть за что ненавидеть, но нельзя не признать, что облучение ее оказалось фантастически плодотворным для нескольких поколений: русская литература, наука, философия прыгнули выше головы. Кем был бы Волошин без этой революции? Привинциальным чудаком, создателем антропософской коммуны у моря, куда наезжают на лето столичные декаденты и эксцентричные бездельники.

Волошин начинал как подражатель парнасцев, но сонет – совсем не его дело. Этот жанр требует парадокса и лапидарности, а Волошин многословен, инте-

Мария Степановна и Максимилиан Александрович. Коктебель. 1925 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ресует его не блеск формулы, а истина, афоризмы же стали ему даваться лишь в зрелости, в поэме «Россия». Вообще, его экзерсисы во французском духе напоминают танцы слона: он был типичный русак, с глубокой, тяжело работающей мыслью, с интересом к философии, и франкомания его была данью декадентской моде. Настоящий Волошин – это «Демоны глухонемые», пятистопные переложения Житий, «Усобица», «Стихи о России», поэма «Россия», в которой содержатся поразительные по точности диагнозы и пророчества. Настоящая слава пришла к Волошину как раз тогда, когда пророчества эти сбылись: в 60–70-е годы одним из хитов самиздата была именно эта поэма, оказавшая колосальное влияние на поэтов той поры, от Бродского до Чухонцева.

Волошин – поэт мысли, а русская лирика избаловалась: ей подавай эмоцию, намек, любовь, разлуку, шепот, робкое дыханье... Традиционные поэтические темы у Волошина либо отсутствуют, либо трансформируются. Волошин – магик, затем антропософ, ученик Штейнера, строивший коктебельскую коммуну как свой вариант Гётеанума, – в любом пейзаже видит намеки на вещий смысл мироздания, который вот сейчас приоткрылся в пространстве меж туч или играет вдали на воде, в отражении луны. Отсюда же фантастическое количество волошинских акварелей с коктебельскими пейзажами – неотличимых, казалось бы. Он их раскладывал на столе по три разом и писал одновременно. Только у Рериха столько же почти одинаковых горных пейзажей – зачем столько? Но и антропософу Волошину, и теософи Рериху этот вопрос был бы смешон. Для обоих природа – посредница в разговоре между божеством и людьми; в каждом пейзаже явлен божественный смысл, и в каждом новом освещении он – новый. Коктебель привлек Волошина именно потому, что здесь ему померещи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лась самая прямая связь с Божеством, без посредников; точка силы, где слышен хор светил. К Волошину-поэту принято было относиться иронически, трунить над его манерой всех обчитывать и зачитывать стихами; но Макс успевал намолчаться за пять зимних месяцев, когда ему, кроме матери, бывало не с кем словом перемолвиться, да и она далеко не во всем его понимала. Назойливость его в общении с гостями была

Максимилиан
Волошин.
1932 год

Могила
Максимилиана
Волошина
и его жены
Марии
Степановны
на горе Кучук-
Енишар

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

изнанкой одиночества, но никто не желал часами выслушивать ямбы или антропософские лекции. Над толщиной Макса трунили не меньше: его хитон, веночек, сандалии, высокопарность, трубная, патетическая манера чтения, и все эти домашние концерты на веранде, и все эти эквириитмические танцы на берегу – все это, конечно, по-детски уязвимо, но и как трогательно! Главное же – за антропософскими чудачествами и коктебельскими творческими безумствами пряталась мудрая измученная душа. Волошин многое понимал, почти обо всем догадывался, и его поэзия, полная интеллектуального напряжения, содержит великие метафизические открытия. Метафизическая лирика, догадки о судьбах империй и о великих надмирных бурях, которые управляют земной историей, – все это давно было почитаемо на Западе, но не в России. Философ у нас немного, в литературе же, где самодеятельного философствования хоть отбавляй, попытка мыслить строго и концептуально вызывает насмешку. Но Волошин, при всех своих комических чертах, спас десятки людей во время Гражданской войны в Крыму. В его витийстве и навязчивости было нечто комическое, отлично им самим осознанное, но в этом было нечто от читимых им русских юродивых. Доброта его и пророческий дар были намеренно снижены. Но когда Макс читал «Усобицу», он походил уже не на мирного коктебельского жителя в хитоне и веночке, но на библейского пророка; и ни один текст этой поры не устарел.

Сегодня, кажется, у нас есть острые нужды в поэзии именно такого свойства – не гадательной, не импрессионистической, но осмыслиющей, концептуальной, пророческой. Волошин, чья жизнь прошла на виду, дождался читателя только посмертно. Но не такой ли судьбы он сам для себя ждал, напоминая, что «почетней быть твердым наизусть и списываться тайно и украдкой»?

СЫН КАЗАЧИЙ

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ФОТО

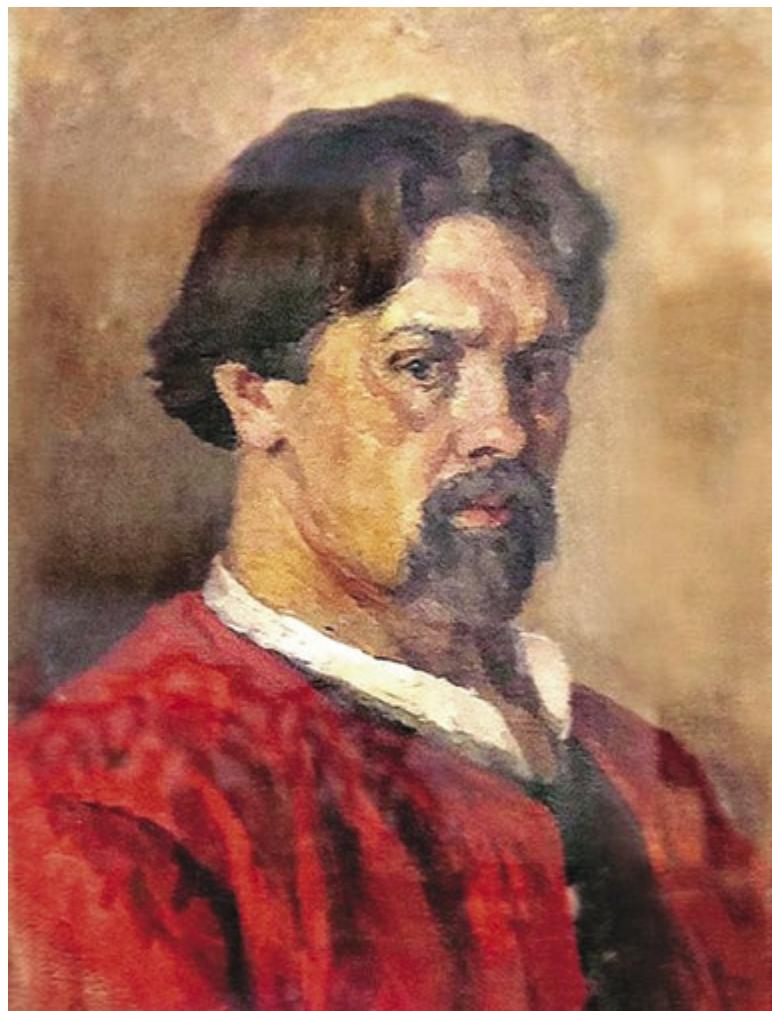
КСЕНИИ ПАСТУШЕНКО

УЛИЦА ЛЕНИНА, ОДНА ИЗ ТРЕХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ В КРАСНОЯРСКЕ, ПРЕКРАСНО ЗНАКОМА ЛЮБОМУ КРАСНОЯРЦУ: ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ ЖИТЕЛЯ ГОРОДА, НЕ ПОБЫВАВШЕГО ЗДЕСЬ ХОТЯ БЫ РАЗ. А ВОТ В МУЗЕЙ СВОЕГО ИЗВЕСТНЕЙШЕГО ЗЕМЛЯКА, ВАСИЛИЯ СУРИКОВА, ЧТО НА ЛЕНИНА, 98, ЗАГЛЯДЫВАЛ НЕ КАЖДЫЙ. МНЕ САМОЙ НУЖНО БЫЛО ПРОЖИТЬ В КРАСНОЯРСКЕ ПОЧТИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, УЕХАТЬ, ВЕРНУТЬСЯ – И ЛИШЬ ПОТОМ ПОПАСТЬ СЮДА И ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ХУДОЖНИКОМ.

3

А ПОЧЕРНЕВШИМИ деревянными воротами, отсекающими сущу города-миллионника, скрывается старый дом – единственный музей Василия Ивановича Сурикова, в здании которого он действительно

жил. Череда съемных московских и питерских квартир не в счет – от них остались лишь воспоминания и адреса, а здесь, в далекой Сибири, в доме, где художник родился, время, кажется, остановилось полтора века назад...

Фрагмент ворот усадьбы

КАЗАЧИЙ ОСТРОГ

Новенький двухэтажный дом на Благовещенской (так прежде называлась улица Ленина. – Прим. авт.) со всем необходимым семье хозяйством тогда считался зажиточным. Поговаривают, что усадьба строилась благодаря ясачным соболям и рыбе, а подпол когда-то был полон казачьими мундирями, еще не красными, а синими – какие носили при императрице Екатерине. Еще бы – ведь здесь в былье времена жила непростая семья!

Род Суриковых веками нес в Сибири службу и защищал восточные границы Российской империи. В семье сохранилось предание: когда Ермак пошел на татарского хана Кучума, в его войске значился есаул Суриков. Дед Василия Ивановича был сотником в Туруханске и собирал там дань. А один из предков, Александр Степанович, о силе которого ходили легенды, был казачьим атаманом. Родичи по матери, Торгошины, жили не в городе, а по другую сторону Енисея, в замысловатом, как будто сказочном, доме с резными крыльцами и слюдяными оконцами, где даже воздух «дышил стариной». Семья возила чай с китайской границы в крупные сибирские города, от Иркутска до Томска.

Появившегося на свет 12 января (по старому стилю) 1848 года маленького Васю, крепкого коренастого мальчика, воз-

можно, тоже ждала бы судьба казака, если бы не «грудная болезнь» отца – родовой недуг, губивший немало мужчин в их семье. Когда мальчику было 6 лет, отца по состоянию здоровья перевели на службу в село Сухой Бузим, а в 1859 году он умер, оставив жену Прасковью с тремя детьми. Вдове была назначена маленькая пенсия, и, чтобы содержать семью, ей пришлось вернуться в красноярский дом и сдавать второй этаж жильцам. В глухом городишке, каким был тогда Красноярск, не было музеев, с выставками сюда не при-

езжали, да и картины висели в редких домах. Но Василия все равно тянуло к художеству. Еще ребенком он угольком срисовал портрет Петра I с гравюры на стене, а потом раскрасил свой рисунок разведенной синькой и давленой брускиной...

Через несколько лет, сидя на огромном сибирском осетре (подарок для петербургских чиновников. – **Прим. авт.**), втиснутом в большой воз, Вася Суриков отправился учиться в Академию художеств. Парнишка, который от отчаяния и безденежья был готов последовать

Картине «Взятие снежного городка» в музее уделено особое внимание

примеру Михайло Ломоносова и добираться в столицу пешком, чудом получил свой счастливый билет.

А произошло это вот как. Суриков устроился писцом в губернский совет. Там, страдая от монотонной работы, на одной из официальных бумаг Василий нарисовал муху, и столоначальник, увидев это, решил разыграть губернатора Павла Николаевича Замятнина. Тот действительно принял муху за настоящую, долго смеялся, а потом вспомнил: его дочь Варвара, которая с мужем снимала в доме на Благовещенской верхний этаж, говорила, что старший сын Прасковы Федоровны хорошо рисует. Губернатор решил помочь талантливому юноше и попросил красноярских золотопромышленников собрать денег на его обучение в Академии художеств. Но городской голова Петр Иванович Кузнецов пообещал, что один даст всю нужную сумму. Так вместе с другим подопечным богача, Дмитрием Лавровым, которого командировали в Троице-Сергиеву лавру учиться писать иконы, в 1868 году Василий покинул родной город.

Инструменты, которыми создавались шедевры

ОДИН В СТОЛИЦЕ

Простившись в Москве с Дмитрием, который за время утомительной поездки, длившейся более месяца, стал ему настоящим другом, Суриков наконец добрался до Петербурга. Здесь, в сияющем городе, непохожем на провинциальный Красноярск, его ждало первое разочарование.

В мае Сурикову предстояло сдать вступительное испытание в академию – поступающие рисовали гипсы. В большом зале были разложены всевозможные гипсовые слепки – головы, торсы, руки, ноги, нужно было выбрать любую модель и за полтора часа сделать рисунок. Никогда раньше Василий гипсов не рисовал, и поэтому немудрено, что на экзамене он провалился. Разорванный на кусочки рисунок руки полетел в воды Невы...

Так без работы и учебы юноша остался в чужом городе совершенно один. Но упрямый сибиряк не думал сдаваться: он узнал, что при Обществе поощрения художников есть школа рисования – наверное, единственное учреждение в Петербурге, где можно было подготовиться к экзамену в академию. Многие известные живописцы, в том числе Репин, Верещагин и Крамской, учились в этой школе, а потом с легкостью сдали вступительное испытание. За три месяца Суриков прошел трехгодичный курс обучения, научился рисовать злополучные гипсы и в сентябре того же года все же поступил в Академию художеств.

Учеба Сурикову давалась легко, он получал комплектами серебряные, а затем и золотые медали, одновременно делая композиции из программы старших классов, и хвастался, что «сорвал ими немало сторублевых премий, так что всегда был при деньгах». Его успехи в академии омрачило лишь то, что на выпускных экзаменах в 1875 году ни он, ни его товарищи не получили Большую золотую медаль, а с ней и стажировку в живопис-

На стенах – изображения членов семьи

нейших странах Европы – Италии, Франции... Однако в это же время Сурикову вновь улыбнулась удача: ему как одному из лучших учеников дали заказ на четыре фрески, посвященные Вселенским соборам. Написать их предстояло в строящемся московском храме Христа Спасителя, что сулило весьма солидный гонорар. И вот, получив диплом на звание классного художника 1-й степени вкупе с чином коллежского секретаря, Суриков отправился на свой первый и единственный заказ.

Старая, патриархальная Москва по духу напоминала художнику сибирский край гораздо

больше, чем Петербург, который так и не стал Сурикову родным. И может быть, он бы уже не вернулся в столицу, если бы не оставил там девушку, которую любил. Еще учась в академии, Василий часто заглядывал в католическую церковь Святой Екатерины послушать Баха. Туда же прибегали две девочки – Соня и Лиза, дочери француза Августа Шарэ, женившегося на русской – Марии Свиштуновой. Однажды Суриков решил познакомиться с ними, и младшая, Лиза, узнала юного художника, чьи картины она видела во «Всемирной иллюстрации». Завязалась дружба, а когда девочка подросла, Василий решил жениться.

Ее отец выписывал из-за границы и продавал почтовую бумагу с вензелями, но его предприятие было недостаточно прибыльным, чтобы оставить наследство сыну и четырем дочерям, поэтому девочек ждала нелегкая судьба бесприданниц. Однако Суриков был уверен, что сам сможет обеспечить и себя, и Лилию, как он называл избранницу, и будущих детей. А когда фрески были готовы и гонорар в 10 тысяч рублей лежал в кармане, 30-летний художник уехал в Петербург за невестой, а вернулся уже с молодой женой. Написать об этом матери он не решался, боясь, что суровая сибирячка не благословит его брак с француженкой.

ЦАРСКАЯ РАСПРАВА

В Москве Суриков начал работу над своим первым масштабным полотном, которое сегодня является едва ли не визитной карточкой художника. Бродя по извилистым улочкам древнего города, изучая его архитектуру, Суриков проникался мистическим московским духом. И вот однажды, во время прогулки по Красной площади, в его воображении вспыхнула страшная сцена – казнь стрелецкого войска царевны Софьи. Художник сразу понял, что из этой истории может получиться сюжет для потрясающей картины.

Суриков стал изучать исторические материалы и постепенно начал жить своей картиной. Он рассказывал, что каждую ночь видел во сне казни, чувствовал запах крови, причем эти видения впечатляли его настолько, что он боялся засыпать и раздавался первым утренним часам. В конце концов художник решил не пугать зрителя душераздирающими сценами и ограничиться лишь эпизодом подготовки к массовой расправе. Определившись с местом действия и сделав несколько эскизов на пленэре, а также набросков отдельных деталей, Василий Иванович принялся «оживлять» свою картину. Этот хитрый прием он будет использовать в дальнейшем для всех своих масштабных работ. Суриков терялся в базарной толпе,

вглядывался в лица прохожих, рассматривал в Оружейной палате чеканку затворов на пищалих и старинные мундиры – он искал то, что со временем появлялось на полотне. Художник творил постоянно, однако за три года, с 1879 по 1881-й, он не создал ничего другого, разве что портрет госпожи Дерягиной, в имении которой писал лошадей и телеги.

Каждый тип, каждое лицо на картине – не случайны. Суриков подолгу искал прототипы своих героев. Так, на переднем плане в образе стрелецкой внучки в красном платочек запечатлена его маленькая дочь Оля.

Атаман
Енисейского
казачьего полка
Александр
Степанович
Суриков,
двоюродный
братья деда
художника

Кухонная утварь
хозяйки дома

КАЗАК ИЛИ НЕТ?

Сибирь поразила первопроходцев своими богатствами: пушнина, золото, осетровые – настоящее сокровище, которое нужно было охранять. Решением задачи стала уже испробованная тактика – на границу поставили казаков. Назначенный воевода мог вербовать в казаки кого угодно, людей же манила возможность не платить налоги, и очень многие записывались на службу. Очень скоро в Сибири нетяглового населения стало слишком много (в Красноярске, например, его было около 70 процентов, тогда как в центральной части Российской империи это число едва ли доходило до 3 процентов! –

Прим. авт.) Ситуацию изменил Петр I – во время его царствования казаков стало в три раза меньше. Теперь казаками могли считаться только те, кто действительно служил, и статус этот по наследству уже не передавался, всех остальных же было велено записывать разночинцами, а со временем – и вовсе крестьянами. Вот и получилось, что в Красноярске жили и казаки-Суриковы, и казачьи разночинцы – Суриковы, и крестьяне-Суриковы.

Василию Ивановичу повезло родиться в одной из двух сохранившихся именно казачьих ветвей Суриковых, мать же его, по мнению краеведа Г. Быкона, была крестьянкой, хотя в большинстве биографий художника ее представляют казачкой. Отец перешел на гражданскую службу в штате губернатора, стал винным приставом Сухобузимской дистанции и даже получил ранг титуллярного советника 9-го класса, что гарантировало ему личное дворянство. Вопрос же с детьми по-прежнему оставался открытым. Сам Василий Иванович очень гордился своим происхождением, предпочитал называть себя именно казаком и частенько носил красную казачью рубаху. Эта деталь биографии рациональному сибиряку была на руку: она создавала романтический образ свободолюбивого творца, да и кто еще из художников мог бы похвастаться таким происхождением?

Отец специально напугал ее байкой про злого медведя, пытаясь поймать взволнованный взгляд девочки.

Во многих суриковских биографиях упоминается любопытнейшая деталь: на полотне остались свой след два великих человека – Репин и Толстой. Илья Ефимович, давний товарищ Сурикова, помог ему найти одного из самых колоритных героев картины. Однажды Репин пришел в дом автора, восторженно заявив, что на Ваганьковском кладбище видел могильщика, который отлично подошел бы для типа рыжего стрельца. Как потом оказалось, непривычный к таким просьбам, взъерошенный Кузьма не хотел позировать Сурикову, и вести его в мастерскую, под смешки других могильщиков, пришлось едва ли не силой. И все-таки на полотне остался гневный профиль обреченного на смерть с яростными и пронзительными зелеными глазами...

Лев Николаевич жил в двух шагах от квартиры, которую в то время снимал Суриков, поэтому частенько заглядывал к художнику. Суриков, не любивший показывать свои неоконченные картины, все же не мог отказать в этом великому мастеру. Окинув взглядом полотно,

Комната матери художника с выходом в столовую

Фотография членов Товарищества передвижников

писатель справедливо заметил, что у стрельцов, которые к месту казни ехали в телеге с зажженными свечами, руки чисты и не закапаны воском, чего быть не могло. И к уходу Толстого горячие восковые капли уже появились.

После трех лет работы картина «Утро стрелецкой казни» была завершена. Суриков, заболев воспалением легких и отлеживаясь в Москве, отправил полотно в Петербург на 9-ю выставку передвижников. Она открылась в десять часов утра в доме Юсупова на Невском проспекте 1 марта 1881 года. «Утро» стало

одной из центральных картин в экспозиции: Сурикову сразу было предложено членство в Товариществе, а коллекционер Третьяков пожелал купить полотно за 8 тысяч рублей. Все больше посетителей приходило посмотреть, как царь обрекает на смерть своих провинившихся подданных. И кто бы мог подумать, что именно в этот день был объявлен приговор тогдашнему самодержцу? Два оглушительных взрыва с улицы заставили посетителей выставки забыть про искусство: это народовольцы нанесли Александру II смертельный удар...

Книги
Александра
Сурикова,
брата
художника

ВДОВЕЦ

Следующая картина, «Меншиков в Березове», представлена публике в 1883 году, особого успеха не имела. Но Третьяков приобрел для своей галереи и эту работу. На вырученные деньги Суриков с женой и двумя детьми (в 1879 году у супругов родилась вторая дочь, Елена. – Прим. авт.) отправился в заграничное путешествие. А по возвращении принялся за картину, которая стала воплощением духа старообрядчества.

Художник вновь обратился к теме борьбы, столкновения человеческой судьбы и власти. На сей раз центральным образом стала опальная боярыня Морозова. Обладая огромным состоянием и влиянием при царском дворе, Феодосия Прокофьевна не побоялась стать сподвижницей протопопа Аввакума, не приняв церковной реформы Никона. Она приняла постриг и даже устроила тайный раскольничий монастырь у себя дома, давая приют приверженцам старой веры до тех пор, пока ее не схватили и не заточили в тюрьму Пафнутьево-Боровского монастыря. Момент, когда боярыню под веселье прохожих везут к месту заключения, и запечатлел Суриков.

Картина, на которую Суриков потратил четыре года, далась

ему непросто: он постоянно экспериментировал, работал над композицией и образами героев и все не мог найти «того самого» варианта. Одних только эскизов к картине сохранилось 35 штук! Стارаясь не вдыхать отвратительный запах похлебки из требухи, Суриков бродил по Хитровскому рынку, присматриваясь к оборванцам, – искал подходящего для картины юро-

дивого. Добивался нужного оттенка снега, смешивая всевозможные цвета. Он зачастил на Преображенское кладбище, рядом с которым жили старообрядцы: как потом писал его биограф Максимилиан Волошин, монахини охотно позировали художнику и могли часами рассказывать раскольнические истории лишь потому, что он был казак и к тому же некурящий. Так что женщины на картине, что кланяются Морозовой, были списаны с реальных старообрядок.

Но Суриков все никак не мог найти свою главную героиню, все лица казались ему недостаточно выразительными. Однажды знакомая старушка шепнула ему, что в село Преображенское с Урала приехала молодая начетчица. И вот в свете церковных свечей художник увидел свою боярыню Морозову, которая низким голосом читала поминальные списки. Ее худое лицо с впалыми щеками и выразительными темными глазами великолепно вписалось в композицию.

На 15-й передвижной выставке 1887 года картина Сурикова, наряду с «Христом и грешницей» Поленова, привлекла наибольшее внимание публики. Третьяков купил ее за 15 тысяч рублей, дав художнику финансовую свободу. И после четырнадцати лет разлуки Суриков решил провести родной дом.

Василий Иванович радовался, что наконец сможет показать матушке и брату Александру свою семью. Охотно собираясь в путь и Елизавета Августовна, не зная, что ее ждет тяжелая дорога, грубая пища, ужасная грязь и клопы. Но это было не самым большим разочарованием. Невестка, увы, не приглянулась Прасковье Федоровне, хотя она никогда открыто не выражала свою неприязнь. Действительно, что могло быть общего, кроме любви к Василию Ивановичу, у молодой образованной женщины и малограмотной старухи с выцветшими глазами? Даже сши-

Фото матери
на фоне портрета
любимого сына

СНЕЖНЫЙ ГОРОДОК

тое Елизаветой парадное канифасовое платье не смогло изменить ситуацию. И все же нельзя не упомянуть любопытный факт: Александр Иванович писал, что подарок настолько пришелся матери по душе, что она завещала похоронить себя в нем.

Елизавета с детства страдала по роком сердца, и тяжелая поездка в Красноярск только усугубила болезнь. По возвращении в Москву женщина стала быстро угасать. Художник Игорь Грабарь рассказывал историю, ставшую легендой семьи. В это время к Суриковым стал частенько захаживать Лев Толстой. Он сидел с умирающей, веселил ее всевозможными прибаутками, рассказывал новости, а порой просто взглядывался в ее исхудалое лицо. Лиля пожаловалась мужу на чересчур любопытного гостя, и Василий Иванович в следующий раз выставил «злого старика» из дома.

Спасти 30-летнюю жену Сурикову так и не удалось... После ее смерти художник не смог простить себе роковую поездку в Красноярск, впал в тяжелейшую депрессию и без жалости уничтожил многие рисунки. Он решил отказаться от своего ремесла.

Александр Иванович второй раз в жизни взял отпуск и приехал к брату в Москву. В Красноярск они вернулись уже вместе. Девочек Суриков пристроил в местную гимназию. Александр уговаривал брата вернуться к работе. Он начал вспоминать, как они еще детыми с другими ребятами брали снежный городок, и предложил написать картину с таким сюжетом. Издавна в этих краях на Масленицу строили снежные крепости, лепили массивные стены, после заливали водой и ждали, пока постройка станет хрустально-прозрачной. А затем, на радость зрителям, на городок налетали всадники.

Василию Ивановичу задумка понравилась, его не пугало то, что московская публика может не понять типичной для Сиби-

Эскизы
к картине
«Степан Разин»

Матушка
в столовой
глазами Василия
Ивановича

ри забавы. И вот когда никто уже не ожидал возвращения Сурикова в искусство, он вновь начал творить.

В самой светлой и просторной комнате на втором этаже художник организовал мастерскую, натянул холст. Строил снежные крепости и заставлял казака, с которого списывал главного героя, многократно перепрыгивать препятствие на лошади, чтобы уловить игру мускулов животного. На заднем плане Суриков отчетливо прописал красноярскую природу, зная, что сибирский воздух, чистый и прозрачный, заметно отличается от московского. Нашлось на картине место и Александру Ивановичу: он сидит в санях у края полотна в шубе и меховой ушанке.

Осенью 1890 года Суриков вернулся в Москву с картиной и в марте 1891-го представил ее в Петербурге. Как и следовало ожидать, публика не приняла сибирский сюжет. «Взятие снежного городка» никто не хотел покупать, художник продал полотно лишь через несколько лет, но это, казалось, не имело значения. Суриков оправился после смерти жены и вернулся к творчеству. И у него была идея новой грандиозной картины.

Следующие четыре года Василий Иванович работает над полотном «Покорение Сибири Ермаком». На нем он запечатлел военную доблесть разбивших войско хана Кучума казаков, к потомкам которых причислял и самого себя. На выставке 1895 года картину высоко оценили, Совет Академии художеств присвоил Сурикову звание академика. Вот только Третьякову в этот раз не удалось пополнить свою коллекцию – творение Сурикова за баснословные 40 тысяч рублей купил император Николай II. И это тогда, когда полотна Леонардо да Винчи приобретались за 50 тысяч! Василий Иванович был нескованно рад. Стоит сказать, что художник всегда был весьма щепетилен в денежных вопросах. Известная фраза Екатерины Великой: «Умен, лукав и расчетлив, как все сибиряки» относилась к нему в полной мере.

БЕЗ КНЯЖНЫ

Еще во время роковой поездки в Красноярск, погубившей Елизавету Августовну, Сурикову пришел в голову сюжет картины о Степане Разине. Но лишь в 1901 году он оставил уже взрослых дочерей и уехал в Астрахань рисовать волжские пейзажи.

Когда Суриков вернулся, старшая дочь, Ольга, обескуражила его заявлением: она выходит замуж за молодого художника Петра Кончаловского, они уже обо всем договорились между собой. С его отцом, издателем Петром Петровичем – старшим, Суриков познакомился, когда тот готовил оформление книги Лермонтова и попросил художника иллюстрировать строчку «Палач весело похаживает».

Семья избранника считалась политически неблагонадежной, к тому же жили Кончаловские много беднее Суриковых. Василий Иванович был взбешен таким выбором и долго винил себя

за то, что «уехал на Волгу и проворонил дочку». На Масленой неделе следующего года молодые обвенчались и уехали в Петербург. Суриков остался с младшой, Еленой, личная жизнь которой не сложилась, она всегда оставалась подле отца. Но «Стенька» ему все никак не давался. От многого в композиции художник отказался: вместо огромной флотилии из черновиков осталась лишь одна лодка, не нашлось в которой места и персидской княжне – персонажу легенд, нравившихся обывателю. В 1906 году Суриков, радуясь замыслу, но не воплощению картины, представляет ее на выставке. Все время, пока шла экспозиция, художник либо переживал, что оттенок рамы не тот, либо отбивался от назойливой публики, терроризировавшей его одним и тем же вопросом: где же княжна?

Это была последняя картина Сурикова-передвижника: разочаровавшись, он порывает с Това-

риществом художников. Позже он изобразит любимую 8-летнюю внучку Наташу в «Посещении царевной женского монастыря», напишет прохладно принятное «Благовещение» и задумает большую картину о княгине Ольге, которая останется лишь в эскизе.

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Летом 1914 года Суриков вместе с дочерьми и семьей Ольги Васильевны в последний раз отправился в Сибирь навестить брата, который так и не женился и один держал весь их старый дом. Однако в Омске их настигло известие о начале Первой мировой войны. В Красноярске же они узнали, что Петра Кончаловского призывают в армию. Какое-то время зять с Суриковым ходили вдвоем на пейзажи, а потом молодого прaporщика облачили в военную форму, дали шашку и отправили на фронт. За военным эшелоном в Москву отправились и остальные члены семьи.

Меж тем Василий Иванович почувствовал себя плохо – сказалась все та же предрасположенность к пневмонии – и отправился лечиться в Крым. Вернулся, к удивлению дочерей, измученный частыми вылазками в горы и иссущенный жарким солнцем... В феврале 1916 года у Сурикова началось опасное двустороннее воспаление легких, и 6 марта он умер от болезни сердца. На Ваганьковское кладбище гроб мастера несли художники: Васнецов, Кончаловский, Нестеров, Матвеев.

Незадолго до смерти Василий Иванович стал часто встречаться с поэтом Волошиным, предложившим написать его биографию. Художник радовался: «Думал, так моя жизнь и пропадет вместе со мною. А тут все-таки кое-что останется», как будто забывая о том, что он всегда будет жить в своих картинах. Не умрет Василий Иванович Суриков и в далеком Красноярске, в своей родной усадьбе, где сразу за воротами, сняв фетрово-бронзовую шляпу, встречает гостей. ●

ЛЕПОТА ПО-ЗАМОСКВОРЕЦКИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КИНОКОМЕДИЯ РЕЖИССЕРА ЛЕОНИДА ГАЙДАЯ «ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ» ВЫШЛА В ПРОКАТ В 1973 ГОДУ. ФИЛЬМ СОБРАЛ В КИНОТЕАТРАХ 60 МИЛЛИОНОВ ЗРИТЕЛЕЙ. НО ПОСМОТРЕЛА ЕГО ВСЯ СТРАНА. А ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ДРУГИЕ ДЕСЯТКИ МИЛЛИОНОВ ВИДЕЛИ КАРТИНУ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ. И ДРУЖНО УЛЫБАЛИСЬ ПРИ ВИДЕ АКТЕРА ЮРИЯ ЯКОВЛЕВА В ОБЛИЧЬЕ ИВАНА ГРОЗНОГО, ВЗИРАЮЩЕГО С ЛОДЖИИ СОВЕТСКОЙ МНОГОЭТАЖКИ НА КРЕМЛЬ И ОЦЕНИВАЮЩЕГО ОКРУЖАЮЩУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПРОТЯЖНЫМ «ЛЕПОТА!».

поэту Габдулле Тукаю, в 2011 году посаженному скульптором Салаватом Щербаковым около центральной арки, разрезающей жилище пополам и являющейся одновременно началом Малого Татарского переулка. Переулок ведет на Большую Татарскую, где в комплексе зданий под общим номером 35 до сих пор обретается Московский радиозавод «Темп».

Промышленные корпуса на Большой Татарской улице, в которых вместо телевизоров выпускают программы и сериалы столичного телеканала

«**P**

УБИН», «РЕКОРД», «Электрон», «Горизонт», «Рассвет» – у доброй трети населения России эти названия никак с телевизорами не ассоциируются. А ведь каких-то 25 лет назад эти ламповые члены семьи, одетые в корпуса лакированного дерева, жили почти в каждой советской квартире. Среди популярных моделей имелись и телики марки «Темп» Московского радиозавода. Смотревшим комедию гражданам

невдомек было, что ту самую лоджию, которую временно обитал царь Иван, и тот самый Московский радиозавод «Темп» разделяли... 185 метров. Если – по прямой.

Собственно говоря, и сейчас разделяют. Жилой дом №13 по Новокузнецкой улице, именуемый в народе «пьяным» за своеобразный архитектурный проект, превративший его в многоподъездную гармошку из огнеупорного кирпича, как стоял во времена Яковleva-Grozного, так и стоит. Все изменения – следы пережитого на стенах и оконных рамках да памятник великому татарскому

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №8.

го дома» находился известный на всю столицу магазин «Радиотехника». С него-то Шурик и начал поиск необходимых деталей для ремонта сгоревшей от удара бердышом машины времени. В интересах действия режиссер покривил душой. Быть такого не могло, чтобы в той «Радиотехнике» не нашлось бы требуемых диодов и микросхем. Не на официальных прилавках, разумеется, а в карманах и портфелях граждан, делегируемых товарищами через проходную «Темпа» для реализации заводских излишков. Согласитесь, 185 метров – это удобно.

Нынче «Радиотехники» нет. У входа в бывший магазин коротают время соотечественники, чей вид и запах исключают всяческие сомнения: перед нами с моим бессменным товарищем по репортажам фотографом Александром Бурым ветераны радиозавода, так и не сумевшие солидаризироваться со строгим капиталистическим режимом. Телевизоры «Темп» ушли в небытие, а вместе с ними и дефицитные запчасти в карманах. Теперь у ветеранов в карманах дефицит денег, что тут же подтверждает один из членов группы, запрошив 50 целковых на осуществление утренней мечты.

«Пьяный дом»,
в котором
временно
поселился
царь московский
Иван
Васильевич
Грозный

Памятник
великому
татарскому
поэту Тукаю
у истока Малого
Татарского
переулка

НАСЛЕДИЕ РОЗАЛИИ

Пять улиц-лучей рассекают Замоскворечье между Отводным каналом и Садовым кольцом: Большая Якиманка, Большая Полянка, Большая Ордынка, Пятницкая и Новокузнецкая. В XX веке, да и поныне, по части изничтожения исторического облика досталось в той или иной степени всей пятерке. А вот метафизика со знаком минус обрушилась почему-то на Новокузнецкую. Хотя в результате переименования носить кошмарное название при-

шлось ее соседке – Большой Татарской.

Так вышло, что пламенная большевичка Розалия Залкинд, более известная под кличками Землячка и Демон, была направлена в ноябре 1920 года в Крым. Задача – навести советский порядок на территории полуострова, оставленного армией генерала Петра Врангеля. И Розалия Самуиловна вместе с напарником Белой Куном, получившим годом ранее кровавый опыт в родной Венгрии, постарались. Красный террор против населения принял такие размеры и формы, что спустя три месяца Землячку отозвали. Но ее дело в Крыму продолжало жить до конца 1921-го. Минимальное доказанное число жертв – 20 тысяч, хотя очевидно, что расстрелянных, утопленных, повешенных, замученных было в несколько раз больше. После Великой Отечественной войны Большую Татарскую переименовали в улицу Землячки.

Будучи ребенком и не ведая ничего о славном пути верной ленинки, автор этих строк, слыша странное название, всякий раз задавался вопросом: чья землячка? А став старше, поинтересовался, чем же так провинились эти места, раз их нарекли в честь убийцы и садистки. Оказалось, после крымских «успехов» Землячку пристроили в Москве, скретарствовать в Замоскворецком райкоме РКП (б). Том самом, который весьма привечал Владимир Ильич Ульянов-Ленин, потому как состоял на учете в его кремлевском подотделе. Очередной партбилет после переименования РСДРП (б) в РКП (б) вождь получал именно из рук замоскворецких товарищей. После того как был построен печально известный Дом на набережной – а это тоже Замоскворечье, – Землячку поселили там. Так что основания для переименования улицы после смерти Демона в 1947 году нашлись. Хотя называться Большой Татарской оснований у нее куда больше.

В XVII веке в восточном Замоскворечье осели прибывшие в

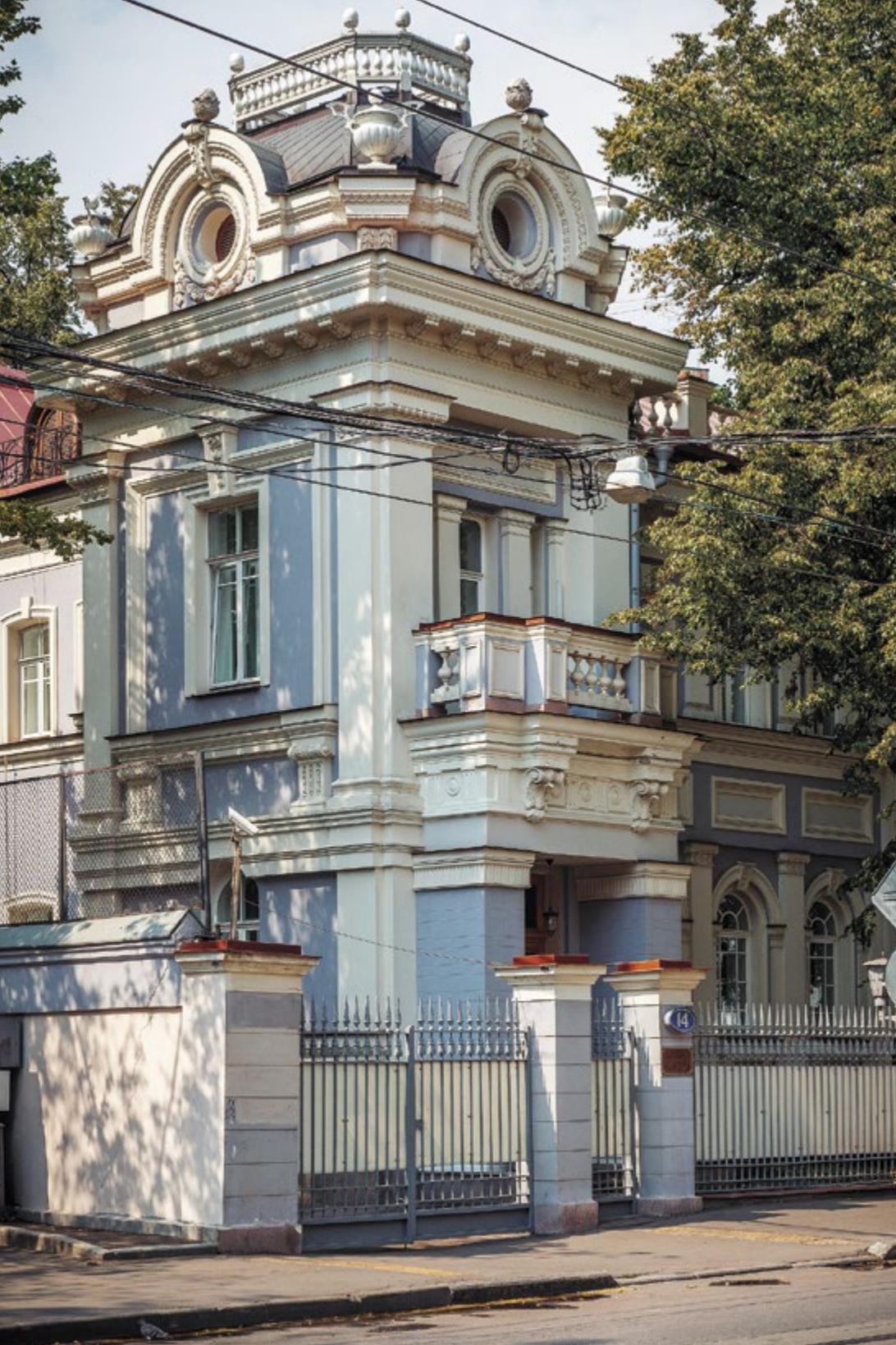

Историческая
мечеть
в исторически
татарском месте
Москвы

Первопрестольную на службу и житье-бытье татары. Отсюда и названия двух улиц и двух переулков. Новопоселенцы занимались прежде всего торговлей лошадьми, жили довольно замкнуто, колонией. Землячка Землячкой, но древние корни не так просто вырвать. Вопреки всякой «красной логике» на Большой Татарской сохранилась самая старая московская мечеть. Первое упоминание о ней датируется 1712 годом. Правда, после эпидемии чумы, выкосившей Москву в 1771–1773 годах, ветхое деревянное строение снесли. Разрешение на строительство каменной мечети дал в 1823 году генерал-губернатор князь Дмитрий Голицын. Ее так и называют – Историческая, «Тарихи мечеть». Саму мечеть закрыли в 1937 году, потом снесли минареты, но основное

Типичный для
Замоскворечья
конца XIX –
начала XX века
доходный дом
для среднего
рабочего класса

здание сохранилось. Равно как и построенное рядом в 1915 году трехэтажное медресе.

На соседней, Новокузнецкой улице уцелел особняк княгини Натальи Урусовой, пусть имеющий всего вековую историю, но очень красивый. Оно и не случайно. Муж княгини вел родословную от татарского Урус-хана, а вот сама княгиня была урожденной Бахрушиной. Дочерью гласного Московской городской думы Василия Бахрушина, дяди того самого Алексея Бахру-

шина, что подарил столице Театральный музей на Лужнецкой (Лужниковской) улице Замоскворечья, носящей с 1959 года его имя. А семейным архитектором Бахрушиных, после того как они превратились в одну из богатейших промышленно-купеческих семей Москвы, стал зодчий Иван Рерберг, строитель Киевского вокзала и Центрального телеграфа. Ясно, что строилась княгиня Наталья Васильевна в здешних местах не просто так, а поближе к родне. Уже бо-

Особняк Натальи Урусовой, ныне – посольство Индонезии

лее полувека в особняке квартирует посольство Индонезии. Видать, хорошо там.

Название Новокузнецкая – тоже не изначальный топоним. Когда-то улица звалась чуть проще – Кузнецкая. По причине того, что жила-работала тут кузнечная слобода и местность называлась Кузнецы. Единственная сохранившаяся тут православная церковь так и называется – Преображения Господня в Кузнецах. «Ново» добавилось в 1922 году, когда в Москве избавлялись от названий-дубликатов. Правда, мне невдомек, где ж это в столице находится улица Кузнецкая? Улица Кузнецкий Мост – ясно где. Но тогда не ясно: в чем заключено дублирование названий?

Еще Кузнецы в старину называли Ленивкой. Здесь размещался Ленивый Торжок – рынок, на котором торговали товаром прямо с телег. Сейчас на Новокузнецкой с торговлей вяло. Все больше офисы да посольства. Потому она и впрямь выглядит ленивой. Движение тихое, людей мало, время от времени ползает посередке такой же ленивый трамвай по самому, кстати, старому столичному маршруту – от 1909 года.

Землячка в этих местах слазила кое-кого. Здесь, в Кузнецах, очередная революция пожирала своих детей. В особняке №40, построенном на Новокузнецкой улице на стыке XIX и XX веков, располагался дом приемов ЛогоВАЗа. И это название, как в случае с «Рекордами» и «Темпами», постепенно забывается. Но вот фамилия изобретателя автомобильной торговой компании не сотрется из нашей коллективной памяти долго. В доме приемов потчевал друзей и врагов господин Березовский. В 1994 году у въездных ворот Бориса Абрамовича попытались взорвать с помощью начиненных тротилом «Жигулей», что весьма символично. Впрочем, есть компетентное мнение, что организацией покушения на Березовского занимался сам Березовский. В то время было модно

Наружный вестибюль станции метро «Новокузнецкая», так непохожий на стоявшую на этом месте церковь с приделом Параскевы Пятницы

столь радикальным способом создавать кумиров. Себе и другим. Так ли, иначе, но один человек погиб, пятеро было ранено. Березовский в этот печальный список не попал.

Ближе к центру, в доме №30, жил в то же время тележурналист Владислав Листвьев. 1 марта 1995 года генеральный директор телеканала ОРТ был убит в подъезде этого дома. Со дня преступления прошло двадцать лет, но оно так и остается нераскрытым. Улицы и переулки Кузнецкой и Татарской слобод редко когда приманивали к себе звезд первой величины. В отличие от насыщенных великими судьбами Полянки, Ордынки и Пятницкой. Как ни странно, но единственное приходящее на ум имя также связано с революционным прошлым. При всей очевидности таланта Алексея Максимовича Пешкова трудно отрицать, что это его «Буревестник» сильно клюнул в голову тысячи таких персон, как Розалия Залкинд. История уже многократно доказывала: сначала Максимы Горькие поют песни, потом Землячки заливают кровью и сцену, и зрительный зал. Бывал в Кузнецах пролетар-

ский писатель, навещал старого друга в Вишняковском переулке. А в Руновском переулке, тоже у друга, тайком останавливалась еще одна опосредованная жертва горьковских песен про «соколов» и «буревестников» – поэт Осип Мандельштам, будто в ответ написавший еще в 1908-м: «И кажется – испуганная птица метнулась в вечернеющих кустах»...

Монументальный Дом российского (прежде – советского) радио на Новокузнецкой улице

СТАНЦИЯ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ

Иное дело – Пятницкая. Она и приманивала, и охмуряла, и влюбляла в себя многих. Вот лишь короткий список ее всегдашних гостей: Михаил Лермонтов, Лев Толстой, Антон Чехов, Игорь Грабарь, Яков Протазанов, Сергей Есенин, Иван Сытин, одни из самых талантливых русских предпринимате-

лей, Василий Кокорев и Петр Губонин. И разумеется, Александр Островский.

Знатоки утверждают, что Пятницкая улица в ближней к Кремлю части осталась почти такой же, какой была до 1917 года. И если идти от Отводного канала, то первое место, которое никаким образом не смог бы узнать тот же уроженец Замоскворечья Островский, – это площадь, на которой сейчас стоит павильон станции метро «Новокузнецкая». Вдоль дороги, ведшей из Рязани и Серпухова в столичный град, поначалу селились в этих мучимых паводками Москвы-реки местах преимущественно ремесленники, мелкие торговцы да стрельцы. Еще в 1564 году упоминался в летописях храм Святой Троицы с приделом Параскевы Пятницы, в связи с которым получила название и сама дорога. Примечательно, что в советский период столь очевидно церковное наименование улицы сохранилось в отличие от потерявших изначальное Знаменки, Воздвиженки, Покровки и других. Правда, многие москвичи на закате СССР были уверены, что улица названа в честь основателя знаменитого хора –

Митрофана Пятницкого. Посоревноваться же с Пятницкой по части выживания может, пожалуй, улица Барварка, названная так в честь храма Святой Варвары, на ней стоящего.

В этом смысле Пятницкой повезло меньше. Храма, давшего ей имя, нет. Каменную Параскеву, воздвигнутую в 1744 году на месте прежней, тоже из камня, поставленной в середине XVII века, уничтожили в 1934-м. Есть мнение, что «церкви снесли под метро», однако на сей раз ревнители старого, скорее всего, ошибаются. Храм просто снесли, как сносили сотни других. А что касается метрополитена, то план строительства Замоскворецкой ветки был в 1934-м только утвержден. Строить начали незадолго до Великой Отечественной, сдали «Новокузнецкую» в 1943-м. Станцию называют одной из самых красивых в столичной подземке. Может, и так, а по мне она излишне мрачная. То ли дух войны тут поселился, то ли дает себя знать память о замечательном ленинградском художнике Владимире Фролове, который в промерзшей мастерской блокадного города складывал из кусочков смальты мозаичные панно для москов-

ской станции метро. Сложил и умер от истощения. А может, и потому, что когда-то над транспортной пещерой возвышались купола и колокольня Параскевы Пятницы.

В любом случае вестибюль станции улицу не уродует – это надо признать. К Пятницкой отнеслись на удивление аккуратно. Вот только в самой ее середине воткнули кирпичный жилой дом о 14 этажах, получивший прозвище «башня Вулыха», по фамилии создавшего проект архитектора. Жить в этом доме было престижно: центр, аж Кремль из окон видно, отличная планировка для 70-х годов прошлого века, наконец, валютный магазин «Березка» на первом этаже... Точно такой же красавец построен рядышком на Новокузнецкой, только без «Березки». Впрочем, «Березок» в России давно нет нигде. Равно как и инвалидных рублей, которыми вознаграждали граждан СССР за труд вне пределов Отчизны. Есть просто рубли. И просто валюта. Скучно, если бы не игры Центробанка. Сам архитектор Ефим Вулых получил жилье в районе построенного им Комсомольского проспекта, в котором приходилось гостить у его сына Александра, поэта-песенника, как принято говорить. За долгие годы знакомства о чем только не разговаривали. Вот о Пятницкой почему-то – ни разу.

С двух концов улицу замыкают два здания с ярко выраженным конфликтом идеологий. У Садового кольца стоит пыльно-серое вместилище всяческих типографских станков – Первая Образцовая типография. «Образцовой» она стала после Октябрьского переворота 1917-го, а прежде была Сытинской. Знаменитый русский издатель построил ее в самом начале XX века на землях, принадлежавших ранее отцу драматурга Александра Островского. Промыслительно, однако. Типография знала всякие времена. В дни Первой революции захвативших ее мятежников обстреливала армейская артиллерия,

потом бунтари ее подожгли. В спокойные дни здесь бывали Толстой, Маяковский, Горький. Одно время корректором служил Есенин.

С другого бока, кремлевского, Пятницкая начинается с дома, в котором разместил водочный заводик основатель знаменитой на весь мир торговой марки Петр Смирнов. Жил будущий поставщик Его императорского двора тут же, что позволяло участвовать в производственном процессе и дегустации круглосуточно. Если смотреть на этот дом-завод со стороны, диву даешься, где тут помещались полторы тысячи работников. Ну, и, соответственно, нужное для дела количество жидкостей и тары. Однако ж производство такого рода в России всегда умели налаживать быстро и в любых условиях.

Если еще разок побежаться в сторону детища Ивана Сытина, то, несколько не доходя, стоит зацепиться глазом за дом №47. С архитектурной точки зрения – ничего особенного. То есть когда-то был вполне себе элегантным, с множеством лепнины и прочего декора. Дом строил известный в Замоскворечье купец Матвеев, потом им владел чаеторговец Попов, потом – его вдова. В 1909-м трехэтажный особняк сдали в аренду Якову Зоммерфельду, владевшему одной из первых российских кинофабрик – «Гlorия». Большинство сцен снимали в комнатах, натуре работали прямо во дворе. Сюда-то и забрел молодой Яков Протазанов, уже имевший некоторый «киношный» опыт. На «Гlorии» он сделал несколько фильмов, среди прочих – художественную картину о последних годах жизни Льва Толстого – «Уход великого старца». Фильм принес Протазанову известность, хотя в самой России его особо не видели. Вдова писателя Софья Андреевна и его помощник Владимир Чертыков категорически воспротивились прокату ленты, полной, по их мнению, искажений. «Гlorия» дарила счастье недолго. Во время Первой мировой антигерманские настроения в Москве

Бывший
дом купцов
Третьяковых
в 1-м Голут-
винском
переулке рядом
с Большой
Якиманкой

были настолько сильны, что почти все бизнесмены немецкого происхождения из города выехали, а дело по возможности продали. Последний хозяин студии, Пауль Тиман, и сбежать не смог, был сослан в Уфу. Кинофабрика закрылась в 1916-м. Тогда же хозяйка дома Мария Попова открыла здесь кинематограф «Эхо». Но и его судьба оказалась короткой. А после революционных событий особняк надстроили двумя тоскливыми этажами, внутренности разбили на коммуналки и заселили простым народом.

Великий режиссер, поставивший «Праздник святого Йоргена» и «Закройщик из Торжка», любил работать с произведениями Толстого, хотя лишь единожды поставил прозу Льва Николаевича успешно – «Отца Сергия». Вряд ли интерес Протазанова к произведениям Толстого как-то связан с тем, что оба они, хоть и в разные годы, проживали на Пятницкой. Кинематографист – прямо напротив «Гlorии», а потом и в ней самой. Писатель – в доме №16, которым владели купцы Варгины. Точнее, во флигеле, закодированном как строение №6 и включенном в слож-

ную систему здешних построек, проходов, арок и дворов. В то время граф мог себе позволить жизнь во флигеле, так как семьей обременен не был. До венчания с Софьей оставалось четыре года. В эти месяцы 1857 и 1858 годов Толстой вел довольно бурную жизнь. Балы, театры, рестораны, салоны, игра, охота, занятия в гимнастическом зале. В эту пору граф не слишком стремился к встречам с литераторами, привечал более других Афанасия Фета, бывавшего у него на Пятницкой. И вообще производил на окружающих впечатление человека неординарного, но еще не определившегося ни в чем. Тургенев писал после встреч во Франции годом ранее: «Высоконравственное и в то же время несимпатичное существо». Сам же Лев Николаевич о времени жизни в Замоскворечье обмолвился в повести «Казаки», написанной в доме Варгиных, так: «Пройдет старушка в церковь, где уж, отражаясь на золотых окладах, красно и редко горят несимметрично расставленные восковые свечи. Рабочий народ уж поднимается после долгой зимней ночи и идет на работы. А у господ еще вечер».

Где-то тут находилась церковь Якима и Анны, давшая название одной из главных улиц Замоскворечья

Храм Святого Марона, спрятавшийся между Большой Якиманкой и Москвой-рекой в Мароновском переулке. Единственная в России церковь, поставленная в честь этого святого

В ЧЕСТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Иоаким и Анна – родители Богородицы. Русские произносят обычно – Яким или Аким. С конца XV века в начале Калужской дороги стоял храм с приделом этих святых. Потому и улица со временем получила название – Якиманка. Большая потому, что втекает в нее и Якиманка Малая. Совсем рядом с тем местом, где в Большую упирается 1-й Голутвинский переулок. Эти кварталыстроены-перестроены. И заселены банками и прочими инвестиционными компаниями. Но один любопытный домик, под №14, все-таки уцелел. В двухэтажном особняке появились на свет помимо прочих детей два брата: Павел и Сергей. Фамилия – Третьяковы. Землю под строительство родового гнезда купил еще их прадед Елисей. В XX веке над Якиманкой издевались с особым тщанием. Улицу прямили и расширяли, так как вела она в аэропорт Внуково-2, откуда поднимались в небо самолеты с главными коммунистами планеты на борту. Туда же прилетали зарубежные лидеры с самыми разными партбилетами в карманах. А то – и без оных. Один из

самых жутких примеров – ничем не примечательный четырехэтажный параллелепипед, эмоционально – близкий родственник бухгалтерской книге. Ни за что не догадаться, что это – храм Святых Петра и Павла. Бывший, само собой. Изувечены от архитектуры поступили так: убрали купола, барабаны, колокольный шатер – все, что так или иначе выступало за пределы куба стен. А вот эти оставшиеся стены обстроили, надстроили, застроили – и получился дом-атеист.

С фантазией обошлись и с храмом иконы Казанской Божьей Матери, что стояла на Якиманке у выезда на Калужскую заставу. Церковь была большая, основательная, редкого для Москвы византийского стиля. Ее закрыли в 1929 году и переделали под кинотеатр «Авангард». В 1972-м кинохрам взорвали. Да-да, по сталинской технологии. Пятьнадцать лет назад на этом месте построили часовню Казанской иконы, за крестом которой белеет громада Министерства внутренних дел. Да, Замоскворечье – это символ на символе...

Про особняк купца Николая Игумнова, входящий в комплекс французского посольства, не писал только неграмотный. Он на самом деле красив и эффектен. Но помимо этого здания на Якиманке сохранились еще два, чья историчность не подлежит сомнению. Церковь Иоанна Воина служит людям и Богу вот уже более трехсот лет. Если считать от того дня, когда по приказу Петра I ее возвел автор Меншиковой башни Иван Зарудный в честь Полтавской победы. Была тут церковь и ранее, только стоявшая ближе к берегу Москвы и довольно ветхая.

Этот храм – особенный. Во-первых, потому, что уцелел. Во-вторых, потому, что ни дня не закрывался. В-третьих, потому, что в эпоху безбожия превратился в храм-музей. Отсюда вывезли полторы сотни килограммов золотой и серебряной утвари при повсеместном изъятии большевиками церков-

Четырехэтажное здание без единого украшения – это и есть бывшая церковь Петра и Павла на Большой Якиманке

ных ценностей в 1922 году. Но сюда же везли со всей Москвы православные реликвии из закрывающихся храмов, которые, по мнению властей, рыночной цены не имели. Оттого и не представляли для них никакого интереса. Иван Воин, хранящий в себе великие иконы исчезнувших церквей, имеет особенный взгляд на мир. На 200-летие с рождения Михаила Лермонтова именно здесь взялись служить панихиду, хотя согласно строгому канону погибшие на дуэли приравнены церковью к самоубийцам и служб по ним не будут.

Второй адрес – Большая Якиманка, 29. Здесь находится музыкальная школа, а до революции работала 10-я мужская гимназия. Один из ее золотых медалистов 1917 года – сын сапожника с Пятницкой улицы Василий Лебедев. В гимназии учился бесплатно, на стипендию выделенную историком-медиевистом Павлом Виноградовым. Потому, видать, и старался. А кроме того, писал стихи. Не сказать, чтоб плохие. Но и не сказать, чтоб удивлявшие. А в Гражданскую войну работник политуправления Реввоенсовета Лебедев

Все настоящее: съезжая изба XVII века, чудом сохранившаяся в Овчинниках

присовокупил к отцовской фамилии псевдоним Кумач. Прошло два десятка лет, и 24 июня 1941 года поэт опубликует в «Известиях» стихотворение «Священная война». Осенью, когда поползли слухи, что Москву могут сдать, Василий Иванович временно помутился рассудком. Прямо на улице обратился к портрету Сталина, висевшему в газетном киоске, и, срывая с груди ордена, заорал: «Что ж ты, сволочь усатая, Москву сдаешь?» Что тут скажешь? Даже если москвич превращается в Кумача, он все равно остается москвичом.

ПРИДВОРНАЯ ЦЕРКОВЬ

Среди прочих слобод была в Замоскворечье Овчинная. В начале XVII века некто Потапов выделил средства на строительство в Овчинниках церкви взамен деревянной. С тех пор и стоит Святая Троица, именуемая поколениями прихожан

храмом Архангела Михаила. По пристроенному в конце все того же XVII века приделу.

Бабушка, у которой в двухстах шагах от церкви уточняем маршрут, отправляет нас на поиски на другой берег Отводного канала. Мол, тут ничего подобного нет. Бабушка, между прочим, местная. Что ж тогда говорить об обитателях спальных районов и гостях столицы? В 50-е годы XX века, когда храм уже был давно закрыт, вокруг началась суета, связанная с проектом прокладки Бульварного кольца в Замоскворечье и строительством на берегу канала комплекса зданий под учреждения и жилье. Построили только часть – громадные корпуса Комитета по внешнеэкономическим связям. Но и этого хватило, чтобы взять церковь в осаду. Единственный проход – подъездная дорога внутрь двора со шлагбаумом. Так что секрет церкви случайно не раскрыт.

Храм
Святой Троицы,
именуемый
в народе храмом
Архангела
Михаила,
стоящий
во дворе
Министерства
экономического
развития: внутри
и снаружи

Настоятель храма отец Сергий рассказывает неспешно, но емко. И про придел Архангела Михаила, и про сплошную роспись на стенах и потолках, сделанную не так давно. От прежней ничего не осталось, равно как и от иконостаса, когда в церкви разместили архив комитета и центр по уничтожению ненужных бумаг. Как звучит, а? Палили, поди, в цинковых корытах... То ли «осадное положение», то ли нрав самого отца Сергия формирует крайне благожелательное отношение к гостям, но фотографировать внутри церкви Александру Бурому разрешается мгновенно, чего в иных московских храмах вообще не дождаться. И благословение трудам нашим не заставляет себя ждать.

...Недавно ехал в Москву из Петербурга на «Сапсане». В соседях оказалась парочка из Британии, лет по 30. Слово за слово – разговорились. Англичане интересуются, где в Москве можно погулять. В смысле – пройтись. Реагирую тут же – в Замоскворечье. Пешком дойти от арбатской гостиницы, где англичане собираются остановиться. А что посмотреть? – спрашивают дети Альбиона. – Какие памятники? Что тут ответить? Просто – погуляйте. Лепота!..

ЗАГАДКА ХМЕЛИТЫ

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ЕДИНСТВЕННЫЙ В РОССИИ МУЗЕЙ ГРИБОЕДОВА, СОЗДАННЫЙ В 1995 ГОДУ, ГЕРОИ КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА» ВЕРНУЛИ ИСТОРИЮ И ТУРИСТОВ.

XМЕЛИТА, НЕКОГДА родовое имение столбовых дворян Грибоедовых под смоленской Вязьмой, переживает ренессанс. Задуманная как летняя усадьба-дача, где есть все, она и видела на своем веку практически все. Сначала – бурный расцвет винокурни и оранжерей, где зимой выращивали клубнику, ананасы и огурцы. Потом к Хмелите пришла слава места, с обитателей которого писалась знаменитая комедия «Горе от ума». Затем – революция и превращение усадьбы в Народный дом и склад. Позже – фашистская оккупация, во время которой был взорван домовый храм. В итоге – забвение, нелепый пожар и, наконец, руины. Мало кто верил, что из разрухи Хмелиту поднимет «Горе от ума». – Ничего-ничего, я сюда попал 14 ноября 1967 года, можно

сказать, на пустырь от пожара. – Директор Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова Виктор Евгеньевич Кулаков просит присесть на деревянную резную скамейку у входа в усадьбу. – Приехал из Москвы, с Остоженки. Да так вот и остался. Теперь уж навсегда. Кулаков – тот самый архитектор-реставратор, который совершил, казалось, невозможное. В конце 60-х годов он наудачу написал письмо в Лондон – потомкам Варвары и Владимира Волковых-Муромцевых, последних владельцев Хмелиты, в 1917-м эмигрировавших в Великобританию. И получил не просто ответ, а чертежи усадьбы и ее планировку, включая расстановку мебели! Ценность этих бумаг была спасительной: еще в 50-е годы усадьба выгорела фактически до фундамента из-за

«инспекции» пьяных электрика и автомеханика.

– С этими чертежами мы с моим учителем, выдающимся архитектором-реставратором Петром Бараповским, тряслись полдня от Вязьмы до Хмелиты, а ведь это всего каких-то 30 с лишним километров, – вспоминает Кулаков. – Грунт дожди размыли. Дотащились за полночь, а в единственном в деревне общежитии вахтерша сказала как отрезала: «Местов нету». Ночевали на постое, а утром пошли в усадьбу. Эх, что за народ... Даже то, что от нее осталось, ранило. И множило загадки. Хотя у нас в руках были чертежи, против принятого мнения о том, что усадьба Грибоедовых – «это рядовой ампир», приходилось искать доказательства.

Кулаков вспоминает, как они разошлись по разным сторонам развалин. Вскоре Бараповский торжествующе закричал: «Ну? Я же говорил! – В руках он нес обугленные края лепнины с выщербленным и едва угадываемым сфинксом. – Елизаветинское барокко! Ну, точно как в чертежах. Все сходится с ними – 1753 год»...

Петр Барановский, архитектор-реставратор, в конце 60-х годов инициировавший возрождение усадьбы Хмелита

раз жизни и бытового мышления дворянства той эпохи, чтобы лучше понять феномен и загадку Грибоедова. Почему он высмеивал уклад классической русской усадьбы, хотя Хмелиту любил и возвращался сюда? Мне представляется, что, поняв усадебный уклад жизни, можно приблизиться к пониманию самого Грибоедова.

Кулаков и другие реставраторы особо настаивают на том, что они своей работой пытались вернуть к жизни старую формулу: дворянская усадьба – это не только и не столько дворец. Она – лицо или, как говорили в XVII и XIX веках, «парадная» – «дом господский каменный о двух этажах». Сердце, тело и мозг усадьбы – это комплекс

пространства, состоящий из дворца, четырех гостевых флигелей по периметру, манежа, винокурни, оранжереи, скотного двора, двух парков – рукотворного и природного. Венчает же Хмелиту фамильный домовый храм – церковь Казанской иконы Божьей Матери.

– Это был самодостаточный организм дворянского натурального хозяйства, – рассказывает старший научный сотрудник музея-усадьбы Дмитрий Кузьменко. – Он как жизненный цикл или времена года: одно органично сменяло и дополняло другое. И хотя усадьба считалась летней, присмотр за ней, как и жизнедеятельность, оставалась круглогодичным. В Хмелите, или, по более старым записям, Хмелице, обитало до 700 крепостных, которые владели 58 ремесленными специальностями, обеспечивающими процветание этому родовому гнезду, владельцем которого был дядя драматурга – Алексей Федорович Грибоедов. Это он стал прообразом хрестоматийного Фамусова, который «служил Екатерине», как «лев драли с турками при Суворове», а выйдя в отставку, унаследовал Хмелиту.

По легенде, которая витает над современной Хмелитой, хранительницей имения стала усадьба, а вот его ангелом – загадочный сфинкс. По местному преданию, сфинкса в архитектуру сначала дворца, а потом и всех построек имения, при-

Виктор Кулаков,
директор
Государственного
историко-
культурного
и природного
музея-
заповедника
А.С. Грибоедова
«Хмелита»:
«Грибоедов
как загадка,
познаем,
но неисчерпаем»

Усадьба после
Великой
Отечественной
войны
и оккупации

Усадьба, превращенная
в Народный дом после 1917 года

внес дед Александра Сергеевича Грибоедова – Федор Алексеевич, когда купил ее у прежних хозяев, предпочитавших ста- рорусский стиль. Дед любил Санкт-Петербург, украшенный многочисленными сфинксами. Кроме того, у дворян той эпохи признаком хорошего тона считалось быть причастным к масонам, для которых сфинкс – один из тайных символов.

Последние владельцы усадьбы, Волковы-Муромцевы (после смерти Алексея Федоровича Грибоедова в 1833 году имение перешло к его дочери, княгине Варшавской). Затем его унаследовал ее сын – князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский, который подарил усадьбу своим сестрам – княгиням Волконской и Лобановой-Ростовской. В 1869 году Хмелита была продана купцу 1-й гильдии Сипягину. В 1894 году имение купил граф Гейден и преподнес его на свадьбу дочери Варваре, выходившей замуж за Владимира Волкова-Муромцева. – Прим. ред.), застали в жи- вых конюха Грибоедовых Проко- пова, дожившего до 101 года. Понимая значение усадьбы и важность сведений о жизни Александра Грибоедова, они за- писали воспоминания Проко-

Беседка
на острове и пруд
в регулярном
(естественном)
парке

па. Старый конюх в том числе утверждал, что Федор Алексеевич и Алексей Федорович Грибоедовы, когда их спрашивали о сфинкса Хмелиты, говорили так: «Кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?» И сами же давали ответ на эту загадку: «Человек. Во младенчестве он ползает, в расцвете сил ходит на двух ногах, а в старости опирается на трость». Из чего, видимо, следует сделать вывод, что Грибоедовы были прекрасно знакомы и с греческой мифологией, и с великой трагедией Софокла «Царь Эдип».

ГДЕ РОЖДАЛИСЬ ПРОТОТИПЫ

Впервые в усадьбу своего деда Александр Грибоедов (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2014 год, статья «Горе и ум». – Прим. ред.) попал в 5 лет по инициативе своего дяди Алексея Федоровича. Тот знал, что отец племянника – горький пропойца, промотал состояние под Владимиром и не занимается сыном, а «малый подает незаурядные таланты». В воспоминаниях самого писателя есть запись о том, как его удивил «иррегулярный» парк дяди. В нем были высажены австралийский ясень,

Гордость
«иррегулярного»,
или рукотворного,
парка
австралийский
ясень, которому
свыше
четырехсот лет

канадский клен, кряжистые дубы. Этим великантам уже более четырехсот лет, и сегодня они манят всех, кто приезжает в Хмелиту. Здесь есть еще и персидская сирень, по легенде, привезенная дипломатом Грибоедовым из Персии. Парк разбит перед входом во дворец, который встречает гостей аванзалом, где обычно гости ждали, пока о них не доложат хозяевам.

— Когда мы начинали реставрацию и воссоздание мебели, стоявшей во дворце, — вспоминает Дмитрий Кузьменко, — мы столкнулись с тем, что оригинальную мебель распродали или

вывезли сначала большевики, потом фашисты. Или она стогрела. А когда увидели рисунки мебели, воссозданной по чертежам, сразу поняли: такая «дворянская мебель», а точнее, новое русское представление о ней не впишется в классическуюдержанность усадьбы. Выглядели изображенные на иллюстрациях предметы не просто дорого — пафосно. Художники пали жертвами распространенного мифа о дворнях, будто те жили расточительно и были исключительно мотами. Хотя обычно большую часть мебели изготавливали местные крепостные

Столовая
усадьбы,
одновременно
принимавшая
до ста гостей

«по французским образцам». Поэтому мы смело собирали аутентичную мебель — из местных музеев и их запасников, от частных жертвователей. И хотя от заказа вычерченной мебели мы удержались, иллюстрации стало жалко, мы их выкупили и вывесили в аванзале. Но посетителям честно говорим, что обстановка в усадьбе была такой, какой они ее видят — в разы скромнее.

После аванзала гости следовали в диванную. Она в бытность Алексея Федоровича Грибоедова служила местом встречи многочисленных родственников клана Грибоедовых, которые съезжались сюда на лето, и гостей усадьбы. Время, как тогда было принято, скрашивалось беседами за чашкой чая.

Вероятно, именно здесь, в диванной, и собирались те, кто послужил Александру Сергеевичу прототипами героев его комедии. Фамусов, ясное дело, это дядюшка Алексей Федорович. Софья — его дочь и кузина автора «Горя от ума» Софья. Генерал Скалозуб — герой Отечественной войны 1812 года генерал Иван Федорович Паскевич, женатый на дочери Алексея Федоровича от первого брака, Елизавете. Прототипами Чацкого стали сразу несколько человек: Петр Чаадаев, Иван Якушкин, сам автор пьесы. Что же касается Молчалина, то его образ также считается собирательным иписан с обитателей усадьбы и соседей — от управляющих до мелкопоместной молодежи.

Если судить по дневниковым записям соседей Хмелиты — Апраксиных, Одоевских, Уваровых, Якушкиных, — молодой Грибоедов «рос весьма начитанным, а нраву был обидчивого». И, возможно, не мог забыть колких комплиментов тех, кто то ли высмеивал, то ли восхвалял его искрометное актерское перевоплощение в старуху Еремеевну из комедии Фонвизина «Недоросль», поставленной в домашнем театре усадьбы Хмелита. Если так, то комплименты в своей пьесе он вернул сполна.

Музееведы
до сих пор спорят
о том, писал
ли в Хмелите
Грибоедов
«Горе от ума»,
но склоняются
к тому, что
едва ли

СОБИРАЛИСЬ «ПРОСТО ПОВРТЬ»

Домашний театр, музыкальный оркестр, цыганский хор, картинная галерея, богатая библиотека, образованные и преуспевающие соседи – Панины, Хомяковы, Лыкошины, Якушкины, Уваровы. Вот та атмосфера, в которой рос и в которую возвращался Александр Грибоедов. В XIX веке Хмелита была средоточием избранного общества и излюбленным местом встреч интеллигентов. Однако даже избранные, попадая в парадный зал впервые, сначала впечатлялись его высокими потолками – 6 с половиной метров, а потом удивлялись необычному досугу.

– Цыгане, балы и маскарады – это для стариков и праздных обывателей, считала усадебная молодежь, – объясняет научный сотрудник музея-заповедника Валерий Кривцов, изучавший дневники одного из молодых Лыкошиных. – И хотя автор дневников иронично упоминает, что молодежь собиралась в парадной «каждое послеобеда», чтобы обсудить литературные и театральные новинки и «просто поврать», надо делать скидку на самоиронию эпохи. «Каждое послеобеда» – это время после 19.00–20.00, поскольку обед расстигивался по барской традиции на три-четыре часа. А «просто поврать» – это тоже код знаменных поэтических и литературных вечеров-состязаний, когда молодые люди читали свои стихи, пьесы и рассказы по принципу состязательности: замысел автора и талант чтеца до глубокой ночи, иногда до рассвета оценивали такие же авторы поэтических строк или прозы. А старики ворчали: «Опять поврать собрались». Так в нашей Хмелите закладывались традиции классической русской литературы, которую потом читал мир. Как едко заметил в дневниках Грибоедов, «усадьба упражнялась в литературе, которой станет что-то штучное».

В отреставрированной усадьбе все – от директора до смотрите-

Вход в парадный зал

теля – подчеркивают, что, восстанавливая ее, свою задачу максимум видели не только в оживлении имения, но и в передаче «воздуха» эпохи. Ведь только так можно понять, в какой среде рос будущий гений, у кого он приобретал великосветский лоск и манеры денди, в чем его не раз упрекали и почему завидовали, а потом гордились тем, что «Горе от ума» создавалось в Хмелите.

Хотя, как говорят в музее, это спорный вопрос.

– Нет документальных подтверждений, что Грибоедов писал пьесу именно в Хмелите, –

подчеркивает Валерий Кривцов. – Однако есть косвенные свидетельства. Например, сын последних владельцев имения, Н.В. Волков-Муромцев, пишет в воспоминаниях о том, что Грибоедов именно в Хмелите написал большую часть «Горе уму» – так первоначально называлась пьеса. Вторит ему и знаменитый «домовой» Хмелиты – конюх Прокоп. Он «Саньку», вслед за дядей, видевшим его своим наследником, называет «бумагомаракой» и подтверждает, что «писал он тут ту самую свою «комедью». Еще и подтрунивает над ним, дескать, «малец путал сто-

Уголок
«женской» –
будуара

ловую с библиотекой», где «прямо ел книги».

Впрочем, верить или нет свидетельствам Прокопа – этот выбор экскурсоводы Хмелиты оставляют посетителям. Так, в день, когда мы встретились с Валерием Кривцовым, он вел экскурсию для группы туристов из белорусского Витебска. Их фигура Прокопа особо заинтересовала тогда, когда Кривцов процитировал конюха: «А я Наполеона видел. Здоровый, под два метра, и нос как у орла». Туристы забеспокоились.

– Наполеон же был маленьким, – засомневалась девушка школьного возраста. – Говорят, вообще метр пятьдесят семь.

– Так ставка Наполеона была в Вязьме, – вставляет юноша в очках. – Как он здесь мог оказаться?

– Вот вы и ответили на вопрос о том, насколько можно верить Прокопу. – Как ученый, Кривцов довolen возникшими сомнениями. – Мы предполагаем, что «Наполеоном» мог быть Иоахим Мюрат, наполеоновский маршал и неаполитанский король. Он действительно был в обозе Наполеона и мог присмотреть Хмелиту для своей ставки или для своих покровителей.

В год Хмелита принимает до 58 тысяч туристов и посетителей с экскурсиями

ТОНКОСТИ БЫТА

Соседство парадного зала и столовой всегда вызывает живой интерес у посетителей.

– Скажите, гости всегда ели под сопровождение цыганского хора или музыкального оркестра? – спросила однажды старшего научного сотрудника Дмитрия Кузьменко представительная дама, как выяснилось, консультант одного из сериалов на федеральном телевидении.

– Исключено, – почти возмутился Кузьменко, – это элемент купеческого размаха, который усадебные дворяне тогда еще не знали, а позже категорически не признавали, поскольку считали «халдейским».

Тем не менее, включив однажды телевизор, Кузьменко увидел, как «дворяне» обедают не под аккомпанемент светской беседы, а под аккорды бравурной польки, исполняемой солидным по количеству инструментов оркестром. В титрах значилась фамилия той самой дамы-консультанта.

– К нам много едут снимать кино, – рассказывает Дмитрий Кузьменко, – мы никого не учим, не переубеждаем, но стараемся не создавать мифы или, если получается, развенчиваем те, что уже устоялись.

Он вспоминает, как однажды спросил у туристов из Смоленска: «Что такое обедки с барского стола?» И получил ожидаемый ответ: «То, что не доели за обедом».

– Это самое распространенное заблуждение, – объясняет Кузьменко. – Никогда обедки в прямом значении этого слова не попадали на стол крепостных. Дворянская усадьба, как домовладение и как способ хозяйствования, себя уважала. На обед подавалось до пяти первых блюд, до пяти или десяти (по праздникам) вторых и до семи видов закусок, как холодных, так и горячих. Все это великолепие выкатывалось на специальном столе с колесиками, гость выбирал то, что он желает попробовать. А вот то, что не попадало на стол, но уже было приготовлено, в нетронутом виде шло крепостным – огородникам, мебельщикам, кузнецам, конюхам, ездовым, скотникам, домашней прислуге.

Как уверяет Кузьменко, пересмотревший немало архивных документов, в Смоленских и Вяземских землях такое обращение дворян с крепостными было стандартом отношений, а как раз не стандарт – печаль-

но известные методы Салтычихи. Особенно его потрясло то, что после 1861 года, когда было отменено крепостное право, семья соседей Грибоедовых, Якушкиных, одной из первых дала своим крепостным вольную без выкупа. «Нет, барин, – был ответ крестьянского схода, – свободы без земли нету. Пусть будет как есть: мы – ваши, а земля – наша». Закреплению такой психологии, осужденной в «Горе от ума», во многом способствовал порядком забытый уклад натурального хозяйства в дворянской усадьбе. Так, в усадьбе на стол даже зимой подавались свежие огурцы и зелень, а в каминной ждали закуски – клубника и ананасы, выращенные в оранжерее. Устройству оранжереи в Хмелите туристы поражаются до сих пор. Почва прогревалась с помощью дымохода, пущенного под землей, а зажженные свечи дополняли недостаток солнечного

Панорамный вид на усадьбу Хмелита с купола фамильного домового храма Грибоедовых – церкви Казанской иконы Божьей Матери

света. Оранжерея длиной в полкилометра кормила не только дворян, но и крепостных. Особую гордость Хмелиты составляла винокурня. Благодаря ей в каминной гостей всегда ждали редкие напитки, исключительно рукотворного производства.

– Дворяне тогда не часто пили вина, – рассказывает Дмитрий

Кузьменко, – они предпочитали зимой настойки, а летом наливки. Настоек в год усадьба делала ровно 32 – по количеству букв алфавита – от А до Я. Наиболее часто употребляемыми гостями были 35–38-градусная травяниха (до 20 видов трав), хреновуха, хреновуха с медом, клюковка и перцовка. Мягкие, обволакива-

Звонница восстановливаемой церкви Казанской иконы Божьей Матери

ющие настойки дамы предпочитали употреблять круглый год. Самые популярные наливки выдерживались до трех лет — малиновая и ежевичная. К чаю подавались вишневая наливка, из черноплодной рябины, из черной или красной смородины, сливовая — всего до 15 видов.

— Если уклад дворянского натурального хозяйства был так хорош, почему он не выжил? — этот вопрос экскурсоводам задают многие туристы. И как правило, в тот момент, когда дойдут до восхищения каминной или барской опочивальней.

— Я раньше отвечал: «Ну, сами подумайте: если Грибоедов, выросший в этом великолепии, его высмеивал, значит, видел его конечность?» — рассказывает Дмитрий Кузьменко. — Сегодня так не скажу ни в коем случае. Кузьменко хитро щурится. Он молча ведет нас в барскую опочи-

тельню. По пути говорит: «Я всем рекомендую идти за мной в барские покой».

Барская
опочивальня

вальню. По пути говорит: «Я всем рекомендую идти за мной в барские покой».

— Смотрите, — распахивает он высоченные двери, — спальня с проходными дверьми. Все комнаты проходные. Знаете почему? Философия. Сначала я думал, что бытовая: сквозные проходы делались как защита от пожаров. Они часто, за зиму два-три раза, возникали от свечного освещения или неумеренного отопления. Для деревянных домов это было гибельно, а для их обитателей как капкан, если комната не была сквозной. В каменные барские дома философия сквозных комнат перебралась по наследству и дополнилась высокими потолками. Они спасали воздух от спрессованности, что тормозило возгорание. Но есть у этого отстроенного быта, как у всякого натурального хозяйства, оборотная сторона философии: его двигали крепостные, а по сути — рабы. Дело даже не в земле, которая, как все знают, крестьянам не принадлежала. Дело в такой «мелочи», как свечи. Они, по барской прихоти, горели всю ночь. Кто следил за тем, чтобы они не погасли или не сожгли дворец? Вспомните Софью из «Горя от ума» и ее отношение к «Лизаньке», когда после ночи утех от нее уходил Молчалин. Софья была уверена, что никто не узнает, потому как «Лизанька» — тоже никто.

«Лизанька», если выкраивала время, спала на сундуке в проходной. Впереди и сбоку барские покой и парадная зала со столовой, за головой — сейф, в ногах — «отдыхательная комната» или туалет.

— Это то, к чему мы пришли, — шутит Дмитрий Кузьменко, — это диспозиция современной Хмелиты. Мы отказались как от восхваления Грибоедова, так и от осуждения крепостных правов, мы через воссоздание быта, оживленные людские судьбы героев «Горя от ума» и историю усадьбы стараемся передать дыхание того времени. А посетитель сам разберется, «что такое хорошо и что такое плохо». Может, поэтому одушевленные герои комедии «Горе от ума», со своими достоинствами, причудами и недостатками, вернули в Хмелиту историю и туристов? После забвения и десятилетий руинированного состояния к нам в год приходит до 58 тысяч посетителей. И как «Лизанька» берегла покой бар, мы охраняем историю и дорожим этой ролью. А Грибоедов все равно ускользает и ускользает, как Чайковский, «непонятой и загадочной тенью».

Правда, музеинные работники считают, что масштаб личности Грибоедова таков, что так и должно быть.

— Он как загадка, познаем, но неисчерпаем, — уверен Виктор Кулаков. — Тут все дышит им и его эпохой.

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НЕДАВНИЙ ЛИВЕНЬ РАЗБРОСАЛ ПО ДОРОЖКЕ СОСНОВЫЕ ШИШКИ И ХВОЮ. ПАХЛО СВЕЖЕСТЬЮ И СЫРОЙ ТРАВОЙ. ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ШАГОВ – И ВОТ УЖЕ ВПЕРЕДИ, СКВОЗЬ СОСНЫ, ВИДНА БЛЕСТИЩАЯ ГЛАДЬ ГУДКОВСКИХ ПРУДОВ...

ПОВЕРИТЬ В ТО, ЧТО после такого сильного ливня вода в прудах не помутнела, трудно. Но в том, что это именно так, нас убеждает ребятня, возвращающаяся после купания. Мальчишки лихо крутят педали велосипедов, трясут на ходу мокрыми головами и смеются: «Вода в ушах!» Завидев нас, они все, как один, останавливаются, отдают честь и кричат: «Здравия желаем, тварищ полковник!»

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

«Полковником» они называют Владимира Ильича, который стоит рядом со мной на обочине. В руках у него – охапка веничков, совочек и даже метла. Побросав

на траву велосипеды, ребята разбирают инвентарь и принимаются за дело. «Полковник» добродушно посмеивается и раздает им мешки для мусора, которые быстро заполняются шишками, хвоей, пустыми пакетами и упаковками, оставленными не особо воспитанными посетителями прудов. Пока идет уборка, успеваю задать им несколько вопросов. Оказывается, на пруды они приехали из села Орловка, что аж в 12 километрах отсюда. Да-да, с разрешения родителей, убеждает ребятня. «И что – отпустили вас одних?» «А что такого? Гудки – самые лучшие пруды», – весело кричат мальчишки. Они наперебой перечисляют достоинства прудов, ради которых готовы крутить педали, преодо-

левая лесные и полевые дороги. Конечно, в их родной Орловке есть пруд. И в соседней Красновке тоже есть. Но таких подходов к воде, как здесь, там нет. А самое главное – в тех прудах много пиявок, да и грязноваты. «Да тут вода самая чистая, – продолжают втолковывать орловские, – пить можно! И вышки есть, с которых нырять удобно!» Выясняется также, что именно на Гудках они и научились плавать. И родители их – тоже. О прудах им в школе еще учителя рассказывали. И рассказывают. И хвалят постоянно: за чистые ухоженные берега, за рыбу и раков, теплую воду и приличную в некоторых местах глубину. Да и вкусные яблоки можно нарвать в саду, что раскинулся вокруг Гудков. В общем, благодать, соглашаюсь я. «А разве нет? Гудки природа создала», – важно заявляет один из мальчишек, Антон Костин, и сочно хрустит недавно сорванным яблоком.

Мальчик из орловской школы не знает, что не природа, а тот самый «полковник», с которым он несколько минут назад поздо-

ровался, и есть создатель Гудковских прудов. Владимир Ильич Гудков усмехается, наклоняется, чтобы стряхнуть траву с брюк, из кармана рубашки вываливается связка ключей на красной ленте. Он снова наклоняется за ключами и болезненно охает. Недавно в больнице ему заменили сустав на ноге, а до того он ходил с клюшкой. Каждое движение для него – болезненное усилие. На ребят этот 74-летний подполковник в отставке, которого местные прозвали «полковником», совсем не обижается. Ну, подумаешь: не знают мальчишки, что яблоки, которыми они набили карманы, сорваны в саду, посаженном Гудковым вокруг прудов, созданных им же. И что? Ни яблок, ни прудов, ни рыбы в них ему ничуть не жалко. Он же для людей пруды эти строил.

Так что когда мальчишки, закончив работу, садятся на свои велосипеды и, перед тем как отбыть, вновь отдают ему честь, Владимир Ильич громко, словно на армейском плацу, объявляет им благодарность. А потом, вспомнив, кричит вслед, что с правой стороны от сада у прудов можно собрать много спелой земляники. На Гудковские пруды приезжают на автомобилях и велосипедах,

приходят пешком люди со всех окрестных селений. Хотя до ближайшего из них, как ни крути, километров 10 выходит. И все эти люди знают «полковника». Кстати, задание подмети и собрать мусор получают все гости. Как ни странно, никто никогда не отказывается помочь. Правда, вот в прошлом году подростки дорожку до ворот подмести согласились только за плату: «Дайте 150 рублей – подметем!»

– Не знаю, откуда они приехали. Нездешние, – вздыхает «полковник». – Я промолчал тогда, взял метлу и стал подметать. Я никогда никому тут не колю глаза, что я эти пруды тут устроил. Не ставлю себя в особое положение. ...Отдыхающие, которых спугнул недавний ливень, потихоньку снова обосновываются на берегу пруда. Вон из кустов высунулась удочка. Потом еще одна.

Когда мы с «полковником» подходили к гостям, все они из уважения вставали, вежливо здоровались, предлагали свежепойманную рыбку для его кота. Шумная компания, расположившаяся за деревянным столом, усиленно звала к себе почетными гостями, потом кто-то из этих людей вдруг выкрикнул: «Ильич, я доски обещал – в четверг привезу!» Доски Владимиру Ильичу нужны для замены прогнившего настила на трехуровневой вышке, которую можно назвать и обзорной. С нее открывается прекрасный вид на огромный водоем, окаймленный купами деревьев, защищающих пруд от грязных ручьев с соседних полей.

Пруд удерживает плотина. За ней расположен второй пруд, еще одна плотина, потом третий... Всего таких прудов пять. И у каждого – плотина, в которой есть специально оборудованные стоки с задвижками, предусмотрены аварийные и контрольные стоки. Вода из прудов весной спускается в речку Кондурчу, на берегу которой стоит село Новая Жизнь. Система плотин – предмет гордости Владимира Ильича. Они поддерживают постоянный уровень воды во всех пяти прудах и исключают даже малейшую возможность прорыва воды в самый сильный паводок. Приезжавшая комиссия гидротехников из Самары долго не могла поверить, что этот каскад прудов создал один человек. Без чертежей. Без финансирования. Развел в них рыбу, а берега обсадил лесами. И все ради чего? Чтобы люди могли тут отдыхать. И все это совершенно бесплатно! Владимир Ильич показывает на луг со скошенной травой. Там тридцать лет назад калда (летнее стойло, скотный двор. – Прим. ред.) с телятами стояла на берегу оврага. В самом овраге было болотце, которое запружали, чтобы овец поить. В этой луже утки отдыхали. Ильич с товарищем приходил сюда на них охотиться. Тогда вокруг в поле, ровном как подошва, качался один ковыль. Спрятаться

было негде. Ни от жары, ни от дождя... Те, кто помнит это место раньше, сегодня не могут его узнать.

Неизменным элементом этого пейзажа осталась только одна деталь: синие «Жигули» – на этой машине, как и прежде, «полковник» ездит на пруды. На новый автомобиль у него нет средств. Всю свою наличность Ильич тратит на обустройство прудов.

– Мне говорят: у тебя такие пруды, а на такой развалюхе ездишь, – смеется Владимир Ильич. – Я же говорю: самому не верится, что можно одному было все сделать!

Следующая его встреча с прудами состоится через четыре часа. Пять раз в сутки приезжает он инспектировать Гудки. Ни помощника, ни сторожа у него нет. Помогали ему раньше убираться ребятишки из погрузенской школы (Погрузная – железнодорожная станция рядом с районным центром Кошки, где живет Гудков. – Прим. авт.). Христа ради выдавали мальков для прудов в местном рыбхозе. Правда, недавно стала Владимира Ильича жена поддерживать. После того как эти «бесплатные пруды» у мужа хотели отобрать, сделать их посещение коммерческим и пускать туда только избранных.

На Гудковских прудах несколько поколений детей научились и плавать, и нырять...

ПОКАЗАТЕЛЬ НРАВСТВЕННОСТИ

Пруды, построенные мужем, Антонина Харитоновна добрым словом не поминает. Раньше она служила бухгалтером в войсковой части в Самаре, работа ей очень нравилась, правда, муж жил за 200 километров – в районном центре Кошки, где руководил технической школой ДОСААФ. Он туда был направлен после службы в штабе округа. Ездила Антонина Харитоновна к нему на выходные и в праздники. И со страхом думала о том, что когда-нибудь ей придется жить в этих Кошках. Не удаленность села ее пугала и не то, что муж завел двух лошадей, корову, кур, свиней и увлекся охотой. В многокилометровом овраге среди полей Владимир Ильич построил плотины и соз-

дал пять больших прудов. Ради них он забросил работу по дому. Всю свою зарплату тратил на пруды, которые обихаживал как мог. И ладно был бы какой толк от этих прудов! Отдыхать он всех туда пускает бесплатно. Рыбу ловить тоже позволяет бесплатно. А когда построил трехэтажную гостиницу на берегу одного пруда, то и в нее тоже стал пускать бесплатно. Жену же стал возить на пруды, чтобы она помогала ему убирать мусор после отдыхающих. А мусора каждое утро на прудах – горы. И если сразу не убрать, то его по всему лесу растасывают сороки и вороны. Лес вокруг прудов тоже посажен ее мужем – сосновый бор и фруктовый сад. Плоды из него жители Кошек каждую осень вывозят мешками, как и рыбу. Тоже бесплатно.

Не раз Антонина Харитоновна просила мужа образумиться и бросить эти пруды, но он только посмеивался и вез ее с собой на Гудки. Поэтому женщина не хотела приезжать к мужу в Кошки. Теперь каждый день она выслушивает жалобы супруга на гостей прудов, которые мусорят, озоруют, бьют стекла или ломают дверные замки. Раньше-то все комнаты были открыты. Но современная молодежь такова, что Гудков запирает те комнаты, где стоит мягкая мебель или телевизор.

Владимир Ильич с гордостью показывал нам эту самую гостиницу, которую по периметру опоясывает аккуратный балкон. С него можно рвать рябину и яблоки, наслаждаться видами. Каждая балюсина, каждая лавка и столик здесь покрашены и вычищены. А вот забор вокруг дома Гудкова в селе Кошки сломан и порос мхом. Словно одинокая старушка за ним живет. В самом доме стены давно не крашены, комната хозяина поражает спартанской обстановкой, а кровать напоминает солдатскую. Так что ясно, почему Антонина Харитоновна так недовольна.

Вот и сегодня, приехав с инспектирования прудов, Владимир Ильич опять стал требовать у Антонины Харитоновны денег – нужно заменить сломанный замок.

– Что ж он творит? – жалуется гостям на мужа Антонина Харитоновна со слезами на глазах. – Мы ж только в убытке!

Когда на пруды не было еще проведено электричество, Гудков нанимал сторожа. Но тот у отдыхающих воровал спиртное и продукты, снял с мебели чехлы, украл постельное белье... Супруга опять стала Гудкова корить: он для людей старается, жизнь на пруды положил, лишь бы люди могли тут с комфортом отдыхать и не платить ничего, а они вот как воспринимают его альтруизм. Гудков с супругой согласился, но ни ограничивать въезд на пруды и в гостиницу, ни тем более вводить плату не стал. Лишь сказал, что пруды – это показатель нашей нравственности. А ее надо поднимать.

В последние годы на прудах молодежь стала справлять свадьбы. Гудкову это очень приятно. Правда, раз случилось так, что две свадьбы праздновали на Гудках в один день. Владимир Ильич думал, что все разместятся, места ведь много, а гости не ужились. С тех пор Гудков завел журнал, куда заносит заранее даты всех свадеб и приездов больших компаний. Гостей Гудков стал фиксировать по настоящию супруги, чтобы потом иметь возможность взыскать с них за ущерб. Вот, к примеру,

Антонина Харитоновна хоть и не разделяет идей мужа о бескорыстном служении людям, но все равно помогает ему ухаживать за огромным садом на прудах

разбили окно, и Гудков вспомнил фамилию одного из гостей. До сих пор ищет этого Киселева. Но жена уверена, что даже если и найдет, то вряд ли по добродете своей сможет вытребовать у него денег за разбитое окно. Такой он бескорыстный человек. Антонина Харитоновна, посчитавшись с мужем-офицером по гарнизонам, хлебнула суровой жизни и всякое повидала. Случалось, даже под лестницей семьей жили, когда квартиры не было. Но чтобы он выкинул такой фокус с прудами...

НЕУГОМОННЫЙ «ПОЛКОВНИК»

Владимир Ильич родился и вырос в селе, затерявшемся на просторах Брянщины. В школу приходилось ходить за несколько километров – в соседнее село. Когда возвращался с занятий домой, то обычно по дороге выкапывал в лесу молодые деревья и сажал на своей улице. Потом, когда стал офицером, в каждом военном городке, где служил, высаживал рощу. После войны на речках колхозы строили для собственных нужд так называемые малые гидроэлектростанции. На сооружении такой ГЭС Гудков мальчиком трудился вместе с односельчанами. А опыт строительства плотины ему пригодился на новом месте службы, когда назначили его начальником технической школы ДОСААФ в Кошках.

Здесь в свободное время он со своим другом Владимиром Шишкановым охотился на уток в Буденновском овраге. Однажды Шишканов прорыл канаву, спустил воду из болотца в овраге и наловил карпов весом по 10–12 килограммов. Гудков сразу понял, что раз такая рыба тут водится, то в болоте вода чистая, родники его подпитывают. Значит, можно устроить замечательный пруд! А если его обсадить деревьями, обустроить берега, то какое прелестное место появится для отдыха людей!

Председателем Кошкинского райисполкома в далеком 1985 году работал Алексей Иванович Травин. К нему и явился

Гудков с просьбой разрешить соорудить пруд. На этот Буденновский овраг никто не претендовал. Место пустынное... Травин подивился такой просьбе. Засомневался: не снесет ли плотину весной? Выслушал доводы и в итоге разрешил сделать отвод земли. Но сколько потом на овраг ни заезжал, никаких изменений там не заметил. Как признавался Гудков, он испугался масштаба работ. Но тут уж Травин его упрекнул: «Ты военный человек, а слово не держишь!» Гудкова это задело. Используя технику из школы ДОСААФ, добиваясь помощи от руководителей хозяйств, он насыпал-таки плотину. Начальству отказать Гудкову было неловко: почти все водители и трактористы получали права на вождение в автошколе ДОСААФ. А недаром Гудков просто стоял на дороге с пустой канистрой, и ни один автомобиль не проезжал мимо. Все с ним делились горючим, которое было нужно для сооружения пруда. А некоторые сворачивали с шоссе и ехали помогать Гудкову...

Для сооружения стоков Гудков использовал бросовые материалы: шло в районе какое-то здание под снос, кирпич и блоки он выпрашивал на пруд. К главному сливу плотины он построил по обеим сторонам аварийные. А чтобы укрепить плотину, использовал старинный способ: обсадил ее кустами ивы. Втыкал ее не вертикально в дно, а прижимал к пологой части берега. Так из всех ее почек пойдут отростки, которые оплетут плотину прочной корневой системой как сеткой. Придумка с ивой, которую Гудков запомнил с детства, произвела на специалистов большое впечатление.

В первый год от сильного паводка вода поднялась и забурлила так, что напугала все районное начальство. В конце оврага — шоссе, а за шоссе — село. Прорвёт вода плотину и затопит дома! Тогда Гудков пригнал из гаража ДОСААФ самый тяжелый тягач, поставил его на плотину, стальными тросами укрепил. Да

Списанное артиллерийское орудие подполковник в отставке установил и для украшения, и для устрашения тех, кто упрямо хочет извлекать из прудов, построенных для всех, прибыль для своего кармана

Запасные сливные стоки из бетона, чтобы плотины не размыло водой, — предмет гордости Владимира Ильича. Вдали от дорог, в глубине полей выстроил он их без чертежей, бесплатно и надежно

еще сам сверху встал и простоял так всю ночь. Ничего, конечно, не случилось.

А через два года Гудков вновь пришел к Травину с новым предложением. Нужно строить второй пруд! Плотину осмотрели областные комиссии гидрологов, возражений не было. Только удивление. Построил таким же способом Гудков второй, третий, четвертый пруды. Лет шесть тому назад закончил сооружение пятого... Сделал он его мелким, чтобы вода быстро прогревалась и дети в нем могли купаться.

Когда пруды были созданы, Травину стали говорить: зачем отдали пруды какому-то отставному офицеру? Нужно забрать их у Гудкова! О том, как он их строил и зачем, не вспоминали. Это было в лихие 90-е. Пока Травин руководил районом, он отговари-

вался тем, что, дескать, брать пруды на баланс района ни к чему, надо там штат работников держать, а Гудков один управляет и денег не просит. Когда Травин ушел, пытались у Гудкова пруды отобрать для коммерческого использования. К этому времени Гудков насадил вокруг прудов сосны и фруктовый сад, ухитрился из бросовых материалов соорудить гостиницу, провести газ, электричество и даже телефонную линию, поставил башню, с которой прожектор освещал все пять прудов. Денег по-прежнему ни за что не брал. Чтобы заставить Гудкова отступиться от прудов или добиться от него разрешения вести на них коммерческую деятельность, стали его обвинять в не- надежности плотин. Рухнули — и вода затопит областное шоссе

Даже от прибыли нефтяных вышек, которые предлагали установить на берегу прудов, отказался Гудков.

Это бы не только портило красивый пейзаж, воздух, воду, но и было против альтруистических принципов Владимира Ильича

и снесет село Новая Жизнь. Однажды осенней ночью специально разрыли бульдозером самую высокую плотину второго глубокого пруда. Спас тогда плотину Гудков буквально чудом. Вся эпопея закончилась тем, что Гудков передал пруды в аренду военному округу, чтобы не платить налогов. У него денег на налоги нет. Зато предложений, как использовать пруды и зараженные садами поля вокруг них, сыпется хоть отбавляй!

Предлагали Гудкову открыть магазин, сулили долю. Предприниматели из Самары просились открыть рыбное хозяйство на прудах. Но самое большое удивление вызвал отказ Гудкова от нефтяной буровой вышки. На территории района добывают нефть. Рядом с четвертым прудом на берегу Гудкову обещали устроить денежный фонтан. «Ничего не надо, здесь люди должны отдыхать», – категорически отказал он.

Печалит Владимира Ильича лишь то, что ни дети, ни внуки интереса к его прудам не проявляют. – Я знаю, – с грустью говорит Гудков о будущем прудов, – в районе ждут, когда я умру, чтобы потом пруды обнести забором и грести денег...

Но тем не менее он бережет свои пруды и с гордостью перечисляет, что едут на них отды-

хать не только из всех соседних сел, но и из соседнего города Нурлата, из Самары и даже Ульяновска.

В последние годы мусорить и озоровать на прудах стали меньше. Героические усилия и удивительный альтруизм подполковника в отставке все-таки произвели впечатление на жителей Кошкинского района. За все время существования прудов ни разу в них никто не осмелился вымыть автомобиль или бросить в воду разбитую бутылку. Не было здесь ни одного несчастного случая. Но началась другая напасть. Прошлой осенью приехали Гудковы на пруды, а там их встречает раненая собака и два щенка. Кто-то ее там бросил. Гудков возил на пруды еду – кормить собачье семейство. Потом собаку выпросил какой-то охотник, а она через два дня вернулась на пруды и щенков привела за собой. Взяли ее с щенками домой в Кошки. Сейчас кот на прудах живет. Его тоже привезли и бросили на прудах. Все в райцентре знают, что хоть и ругается Гудков знатно, но добнее и отзывчивее его нет никого вокруг. Потому и везут на пруды ненужную животину. У кота того весь бок был ободранnyй, шерсти почти нет, уши обмороженные. Гудковы его выкормили, выходили и

оставили «сторожем» работать. Когда Владимир Ильич едет на пруды, всегда берет еду для кота. Из-за этого приходится рыбу в магазине покупать, ведь сам он в своих прудах ее не ловит.

– Вот, занимаемся не тем, чем надо, – вздыхает Антонина Харитоновна и собирает в коробку рыбу для кота, купленную в магазине.

Когда мы вновь приезжаем на пруды, то кот выбегает навстречу и ласкается в надежде на угощение. Гудков осматривает берега, сосны, с которых опять на дорожку нападали шишки и хвоя, и говорит, что было бы не плохо еще и белок тут завести. Но для этого нужно насадить лещины, елок, еще больше рябины. Антонина Харитоновна внимательно прислушивается к фантазиям мужа и громко вздыхает. Уж лучше пусть белки, чем шестой по счету пруд, от сооружения которого она заставила своего неугомонного мужа отаться год назад...

* * *

Пять лет назад постановлением собрания представителей Кошкинского района на основании ходатайства жителей Буденновский овраг был переименован в Гудковские пруды. Так теперь эта местность и именуется на карте. ●

ЭХ, ДЕРЕВНЯ... НЕ ДЕРЕВНЯ – СЕЛО!

АВТОР

ВИКТОР ГАВРИКОВ [ФОТО АВТОРА]

ЭЛЕВАТОР И УТЛЫЕ ЛАЧУГИ – ВОТ ЧТО УВИДИТ ПУТЕШЕСТВЕННИК, ПРИЕХАВШИЙ В САМОЕ БОЛЬШОЕ СЕЛО ПОВОЛЖЬЯ НА МАРШРУТКЕ ИЗ ГОРОДА ОТРАДНОГО. НО ЕЖЕЛИ ПОДЪЕХАТЬ К КИНЕЛЬ-ЧЕРКАССАМ СО СТОРОНЫ СЕРГИЕВСКА, ТО ДУХ ЗАХВАТЫВАЕТ ОТ ОТКРЫВШЕЙСЯ ПАНОРНЫХ...

САМОЙ ВЫСОКОЙ точки трассы открывается прекрасный вид: село, раскинувшееся как на ладони, разрезанное речкой Большой Кинель на две неравные части, соединенные мостом. Бугристое пасмурное небо только добавляет виду значительности. Отсюда хорошо видно, что село действительно огромное. Так что времени, потраченного на

поиски этой точки, с которой виден почти каждый дом, совсем не жалко. А нам ведь со знакомым таксистом пришлось покружить, чтобы сюда добраться. «Есть такое место, с которого Кинель-Черкассы лучше всего фотографировать, – вспомнил таксист, – по дороге в Сергиевск – возвышенность, с которой все село видно. Сюда приезжают свадебные кортежи. Жених и невеста клянутся в верности на фоне Черкас».

Чуть в стороне, на холме, раскинулась старая дубовая роща. Крутой подъем – беседка – и вот еще один прекрасный вид. Еще дальше – древнее кладбище, на котором похоронена игуменья Нина, начальница Полоцкого Спасо-Евфросиниевского училища.

РОДИНА ТЕПЛИЧНЫХ ОВОЩЕЙ

Люди здесь живут прижимистые и рассудительные. Жители Кинель-Черкасс называют свое село родиной тепличных овощей. Вот уже несколько десятков лет сельчане пытаются сохранить остатки былого образа жизни, возделывая помидоры и огурцы в огромных теплицах. Овощи получаются очень дорогими – от 80 до 150 рублей за килограмм. Зато экологически чистые, утверждают черкасцы и цены сбавлять не торопятся.

Внимательно осмотрев помидоры на рынке и услышав цену, еще одна покупательница уходит, так ничего и не купив. «Это все китайцы виноваты», – говорит бойкая продавщица с рынка. Ей согласно кивают другие. «У нас закупочная цена – 80 рублей, китайцы сдают помидоры по 8 рублей за килограмм», – рассказывают

на рынке. А продавать помидоры дешевле – невыгодно. Вот и мелькают там и тут, как выброшенные на берег киты, не покрытые пленкой и заброшенные огромные тепличные хозяйства. А ведь именно томаты долгие годы были «фишкой» Кинель-Черкасс. Три года назад только в Кинель-Черкассах было полторы тысячи теплиц, притом что всего по Кинель-Черкасскому району их насчитывалось 2300. То есть теплица была в каждой среднестатистической семье. Сейчас осталось не более 1200 теплиц, помидоров и огурцов выращивают все меньше. Администрация села предлагает фермерам помочь в виде компенсаций за газ, например возвращает около трети стоимости того, что потрачено на отопление. Но это не спасает ситуацию. Татьяна Галочкина, сколько себя помнит, столько и выращивала помидоры: теплица на 800 кор-

С высоты колокольни брошенные теплицы словно выброшенные на берег киты

ней, большой огород. «В этом году мне вернули около 6 тысяч рублей, а всего на газ мы потратили больше 18 тысяч рублей», – рассказывает она. Дорогие получаются овощи. Да и дети помогать по хозяйству не стали: две дочери уехали – одна за 100 километров, в Самару, другая в соседний Отрадный. Так что в теплице, как и двадцать лет назад, хозяйствует мама.

Ради экономии половина теплицы отапливается дровами, половина – переведена на газ. Женщина подвязывает плоды и сокрушается: погоды нет, идут дожди, пасмурно – урожай в этом году небольшой будет. «А мы живем с теплицы, – рассказывает она. – Вот стиральную машинку новую купили, еще кое-что по мелочи. Дочерям свадьбы сыграли. Мужа лечу – онкология».

Работа в теплице – не сахар. Влажный пар, как в хамаме, обволакивает с ног до головы. Женщина умело подвязывает плоды. Потом я провожаю ее обратно – на рынок. По дороге Татьяна рассказывает о себе, соседях, которые хоть и построили большой кирпичный двухэтажный дом, да счастья не нашли. И снова возвращается к овощам, которые лет двадцать назад кормили, а теперь – только в убыток. Вот и подумывает она о том, чтобы начать жить как все – с магазина.

Остатки
былого уклада –
огромные
парники
под огурцы
и помидоры

КИНЕЛЬСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Река Большой Кинель с незапамятных времен кормит и поит жителей окрестных мест. Она пробегает более 500 километров от села Алябьево, что в Оренбургской области, и впадает в Самару в 15 километрах от областного центра, как раз между городом Кинель и поселком Алексеевка. На берегу Большого Кинеля выросли и расстроились города Бугуруслан, Покровск, Отрадный и село Кинель-Черкассы.

В «Словаре народных географических терминов» название «Кинель» определяется как слово булгарского происхождения и означает «широкая река». Последние несколько лет выдались засушливыми, и река изрядно обмелела. Но, как говорят черкасские рыбаки, рыба в ней все еще есть. Любимое место лова — около моста, соединяющего правую и левую части села.

Первый, деревянный мост через Кинель был построен в 1912 году, но просуществовал недолго: через три месяца после торжественного открытия кто-то пустил красного петуха, и мост сгорел дотла. С тех пор и до 1967 года перебирались через Большой Кинель либо на пароме и лодках, либо по сборно-разборному мосту. Сейчас мост, которому нет еще и пятидесяти лет, выглядит хоть и надежно, но не презентабельно: перила кое-где прогнулись, проржавели, асфальт далеко не в идеальном состоянии. Да и памятные знаки в честь открытия моста покрыты пылью и давно не реставрировались...

С поворота на село я шел пешком и пытался найти хоть что-то, что осталось от старых Кинель-Черкасс. Увы, почти ничего нет: сетевые магазины, палатки, новые кирпичные дома, школы. Второй год, как село облюбовали цыгане. Мастерят опалубку трудолюбивые узбеки и таджики. Остались только храм Вознесения Господня, колокольня и помещение пожарной охраны, стены которого облицованы сайдингом.

Приезжающих в Черкассы встречают колхозник и колхозница со снопом и разноцветные ларьки

А ведь храм, строительство которого было начато в 1833 году, пожалуй, помнит потомков переселенцев-малороссов, которых призвала на службу Анна Иоанновна из Черкас в августе 1739 года для расселения в крепостях Оренбургского края. Тогда прибыло 618 семей, или 3356 человек, 851 из которых были определены в казаки. Они должны были противостоять башкирам, но задача для них оказалась непосильной. Украи́нцы молили императрицу отпустить их домой, но случилось это позже и при другой императрице: смилиствилась над казаками Елизавета Петровна. Правду сказать, уехали на ро-

дину не все: 46 семей изъявили желание из некомфортных крепостей Оренбуржья переехать вглубь края и поселиться по левому берегу реки Большой Кинель, где в 1744 году они и образовали Черкасскую слободу, которая очень скоро стала Кинель-Черкасси. Недолго село оставалось украинским. Прекрасная природа, обилие рыбы, птицы и дичи, плодородные земли привлекли чувашей, мордву и татар. Okolo 1772 года к ним присоединились и остатки войск Пугачева. Украинская вольница закончилась, а село было названо «слободой» из-за отсутствия помещиков и крепостного права.

Редкое напоминание о том, что Кинель-Черкассы имеют богатую историю

СТАРЫЙ ХРАМ

Храм Вознесения Христова, службы в котором начались в 1839 году, как и положено храму, возведен в самой высокой точке села. Он имел три престола и вмещал около полутора тысяч прихожан, которые еще тридцать лет назад съезжались сюда из всех ближайших городов и деревень. Руководил строительством храма попечительский совет. Он же подарил икону, которая и сейчас находится в одном из приделов.

Была открыта при храме и церковная школа, в которой в 1862 году учились 12 воспитанников. В 1892 году школа переехала в собственное здание и через

два года стала церковноприходской. В ней учились 64 мальчика и 23 девочки. Действовала и православная библиотека. Есть в храме замечательная икона покровителя Самары – святителя Алексия Московского. Предполагается, что ее написал в XIX веке Григорий Журавлев – знаменитый иконописец-самоучка, родившийся без рук и ног (см.: «Русский мир.ru» №6 за 2012 год, статья «Се человек». – Прим. ред.). Он писал иконы, держа кисть зубами.

Нынешний настоятель храма, отец Александр Манцуров, – молодой и деятельный батюшка. Сам он родом из Самары, готовился стать монахом, да видно

Храм Вознесения Христова светит куполами на все четыре стороны села

не судьба: у кого-то в гостях встретил будущую жену, уроженку Кинель-Черкасс, и при распределении попросил определить его на служение в это село. Супруга учителяствует в местной школе.

Отец Александр говорит, что на Пасху и Рождество собирается много прихожан. «На паперти стоят. Внутри все забито». В будний день – скромнее, на воскресные службы приходит до 100 человек.

Возродили при храме и воскресную школу. Сначала, когда ее открыли, ходили в нее всего два ребенка, к середине года их стало уже восемь. «Почему так мало детей?» – спросил я. «Потому что родителям лень вставать утром рано и вести детей в воскресную школу», – ответил батюшка.

Перед самой войной в Самарской области были закрыты многие храмы, а кинель-черкасский не тронули. И все благодаря удивительному человеку – игумению Нине, в миру – Вере Карловне Боянус. Она умела писать письма и разговаривать с чиновниками. Была настойчива и хорошо понимала людей. Она написала несколько писем в адрес самарских властей, и храм оставили в покое.

Ее отец, Карл Боянус, был московским врачом-гомеопатом, мать, Ольга Хлюстина, – калужская дворянка. Вера Боянус получила прекрасное домашнее образование, стала учительницей. Затем слушала лекции на философском факультете Лондонского университета, свободно владела несколькими европейскими языками, изучила древнегреческий и древнееврейский. Она занималась просветительской деятельностью в Самарской губернии и Тифлисе. Под влиянием архиепископа Владимира (Богоявленского) и архимандрита Серафима (Мещерякова) она, приняв при постриге имя Нина, стала монахиней сначала Рижской Свято-Троице-Сергиевой обители, а затем и Полоцкого Спасо-Евфросиниевского мона-

Доверили старый храм молодому и деятельному батюшке Александру Манцурову

стыря. В 1914 году указом Святейшего Синода была возведена в сан игумены.

Во время Первой мировой войны она устроила в монастыре лазарет и сама же работала в нем сестрой милосердия. После революции игуменья Нина вернулась в родительское имение Ключи, что в Самарской области. Окончила медицинский факультет Самарского университета и до самой смерти в 1953 году служила врачом. В храме бережно хранят воспоминания об опрятной, маленькой старушке в белом платочек, которая следила за тем, правильно ли служит священник.

Похоронена игуменья Нина на старом кладбище в Кинель-Черкассах. Опрометчиво отказавшись от сопровождения отца Александра и понадеявшись на собственную интуицию, я отправился искать старое кладбище. А на нем — могилу игумены Нины. «Тут недалеко», которое бросил мне мальчишка на велосипеде, оказалось долгой и утомительной дорогой мимо крепких домов,

мужиков, играющих в домино, сидящей на крыльце бабушки с клюкой и теленка, лежащего с ней рядом. Несколько раз приходилось пропускать коров, лениво переходящих дорогу.

Когда я наконец добрался до старого кладбища, жара, казалось, достигла апогея. Я уныло бродил по кладбищу среди высокой травы, пустых пластиковых бутылок и увядших венков и все отчетливее понимал, что могилы Нины Боянус мне не найти. Я посидел в тени какого-то дерева и, расстроенный, пошел в центр села...

Храм, пожалуй, помнит потомков переселенцев-малороссов

С колокольни открывается прекрасный вид на окрестности

МАРИЯ САМАРСКАЯ

В 80-х годах на пороге храма Вознесения Христова появилась странная женщина в тяжелом пальто, несурзной обувке и с мешком за плечами. Это была Мария Ивановна Матукасова, учительница по вязанию из местной школы.

Вела она себя странно. Говорила негромко и путанно, речь ее невозможно было разобрать, но, как вспоминают жители, от нее исходил какой-то свет. Молилась, распластавшись на полу храма.

Ей много подавали, но ничего из того, что ей оставляли, она не брала себе. Вскоре ее стали называть «блаженной». Мария Ивановна могла «поддеть» священника, нарушающего пост. Ныне покойный митрофорный протоиерей отец Александр Телегин рассказывал отцу Александру, что в самарском храме Петра и Павла она как-то поднесла священнику в Великий пост батон колбасы, громко спросив на всю церковь: «Постишься постом приятным, да?» Жила она в небольшой комнатке при храме, спала на деревянном сундучке, прикрытом подстилкой. Под эту самую подстилку прихожане потихоньку подсовывали записочки со своими просьбами, чтобы она помолилась.

А еще Мария Самарская шила из тряпочек и лоскуточков одежду священникам и прихожанам. Переписывала на тряпочки молитву Серафима Саровского. Носила с собой тяжелые мешки, набитые мусором. Когда люди удивлялись и спрашивали зачем, отвечала, что это — грехи, которые ей носить вечно. Она ушла из Кинель-Черкасс в Дивеевский монастырь к блаженной Любушке. Там ее и похоронили.

...На яблонях вокруг храма наливаются спелостью яблоки. На внешней стороне северной стены церкви — икона Иоанна Крестителя. Долгое время алтарная икона была скрыта от глаз потому, что раньше под стеной в траве любили спать местные пьянячуги, надирающиеся в кабаке

напротив церкви. Вот чтобы не изгадили икону, и было принято решение закрыть ее досками до лучших времен. Сейчас храм окружен оградой и обсажен деревьями. Разбиты цветники. Тот кабак закрыли, теперь на его месте – пивная. Доходное место – оживленная трасса рядом. А что еще нужно для бизнеса?

Я – ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

На другом конце села, в самом его закутке, строится еще один храм – в честь святых Бориса и Глеба, – аккуратный и небольшой. Рядом – стоматологическая клиника и зеленый железнодорожный вагон, из надписи на двери которого следует, что это – воскресная школа. В церк-

Храм
Бориса и Глеба
и воскресная
школа при нем

Река удивляет –
кости мамонта
нашли на ее
берегу

ви никого, закрыта и школа. Зачем в селе второй храм, если и в один ходит всего-то сотня человек? Оказывается, согласно церковным правилам, один храм – на 10 тысяч населения. В Черкассах – 19 тысяч жителей, следовательно, нужен еще один храм. Есть в Кинель-Черкассах и мечеть, но пока не работает – нет муляз.

Совсем недалеко от Бориса и Глеба красуется городская достопримечательность – фонтан, вокруг которого носится орава мелюзги и расслабленно дремлют на солнышке несколько мамаш. Чуть в стороне – краеведческий музей Кинель-Черкасского района. Во дворе музея тоже яблони. Под ними – два подростка, играющие с... обезьянкой. Оказывается, приехал передвижной зверинец.

Один зал отдан зверушкам, в другом сотрудница музея поливает kleem ПВХ кусок бивня и кости мамонта. Выяснилось, что местные жители нашли кости где-то на берегу Большого Кинеля и принесли в музей. И уже в музее находки положили в клеевую ванну. Звери порушили прежнюю экспозицию. Но представление о Черкасах советского периода получить можно: вот фляжка и ложка участника Гражданской войны, вот вертолетный шлем – более десяти лет в Кинель-Черкасах базировался вертолетный полк, который два года назад сменил дислокацию. Селу вообще с летчиками везет: во время войны на территории райцентра находился запасной аэродром, в память о котором в коллекции музея есть шлемофон.

Война прошлась по району нещадно: из 35 тысяч мужчин, ушедших защищать Родину, более 10 тысяч не вернулись. Из тех, кто вернулся с войны, до прошедшего юбилейного Дня Победы дожило всего 11 человек. Все – по другим селам, а в Черкасах живет только 90-летний Иван Андреевич Негояев. Точного адреса в музее не дали, говорят: «Вы идите на конец села и спрашивайте там. Его

все знают». И правда, знают. «Вы нашего Ивана Андреевича ищете? – спросила меня буквально первая велосипедистка, к которой я обратился. – Он в зеленом домике живет сразу за магазином. У него характер хороший, только в последнее время он забывать стал немного».

За магазином – небольшой зеленый домик, боком прилепившийся к добротному кирпичному забору. На нем доска, что вот тут и живет ветеран Великой Отечественной войны Иван Андреевич Негодяев. Позвонил, крикнул, стукнул. За-

ляяла собака. Дверь открыл средних лет мужчина и, увидев в моей руке фотоаппарат, догадался: «Папу пришли фотографировать? Он сегодня не в форме». Но все же пошел папу одевать. Я прошел в старый дом: провалившийся пол и запах кислой капусты. Наверное, так и пахнет старость.

Иван Андреевич, в белой рубашке и пиджаке при орденах, вышел, выпрямив спину. «Я бы хотел вас сфотографировать, – сказал я. – Ведь вас, ветеранов, в районе всего одиннадцать человек осталось». Он посмотрел на

Фонтан – любимое место отдыха взрослых и купания местной ребятни

меня светлыми, умымыми глазами: «А ты не путаешь? Еще вчера нас было двенадцать». Я сделал несколько снимков.

История Ивана Андреевича проста: работал до войны металлистом, в 17 лет призвали на фронт. До 18 лет служил в батальоне химзащиты, затем воевал. В 1944-м был ранен в ногу и живот, контужен. Победу встретил в госпитале. Пришел в родное село. Председатель колхоза имени Буденного послал его на пасеку отъедаться и поправлять здоровье. Через пять лет Иван Андреевич стал комбайнером. И так вот всю жизнь. Про себя говорит: я – простой человек. Вот так и живет простой человек в зеленом домике.

От Ивана Андреевича я шел не спеша и внимательно разглядывал все вокруг, продолжая питать надежду, что удастся найти-таки еще какие-нибудь свидетельства прежней истории самого большого села в Поволжье. Но – нет, два с половиной века прошлого уже безвозвратно ушли из Кинель-Черкасс, оставив только храм да Ивана Андреевича Негодяева, который помнит и мир, и войну. Помнит, да нам не говорит. ●

Иван Негодяев
помнит и мир,
и войну